

Владимир ПЕРШАНИН

ТАНКИСТ- ШТРАФНИК

ВСЯ ТРИЛОГИЯ ОДНИМ ТОМОМ

Военный боевик. Лучшие бестселлеры

Владимир Першанин

**Танкист-штрафник. Вся
трилогия одним томом**

«Яуза»

Першанин В. Н.

Танкист-штрафник. Вся трилогия одним томом /
В. Н. Першанин — «Яуза», — (Военный боевик. Лучшие бестселлеры)

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! Лучшая фронтовая проза нового тысячелетия, достойная войти в золотой фонд литературы о Великой Отечественной войне. «Окопная правда» высшей пробы. **ВСЯ ТРИЛОГИЯ О ШТРАФНИКЕ-ТАНКИСТЕ.** Он на фронте с 1941 года. У него за плечами оборона Москвы и Сталинградская страда, Курская дуга и битва за Днепр. Он потерял в боях сотни друзей, сам шесть раз был подбит, ранен, горел в танке – но всегда возвращался в строй. Страшной осенью 42-го, когда решалась судьба страны, он попал под жернова беспощадного приказа № 227 («Ни шагу назад!»). В танковых войсках не было штрафных рот, но были свои штрафники – те, кому давали самые погибельные, невыполнимые, смертельно опасные задания. И он стал таким смертником: ходил в безнадежные танковые рейды по вражеским тылам, чудом возвращался из самоубийственных разведок боем, один выжил из целого танкового батальона – и прозвище **ШТРАФНИК**, полученное от слишком бдительного политработника, прилипло к нему до конца войны, которая не закончилась даже с падением Берлина. Над Рейхстагом уже развевается красный флаг, гремят победные салюты, но ему предстоит последний, самый трудный бой...

© Першанин В. Н.

© Яуза

Содержание

ШТРАФНИК ИЗ ТАНКОВОЙ РОТЫ	5
ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	33
ГЛАВА 5	49
ГЛАВА 6	64
ГЛАВА 7	72
ГЛАВА 8	84
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Владимир Першанин

Танкист-штрафник

Вся трилогия одним томом

ШТРАФНИК ИЗ ТАНКОВОЙ РОТЫ

ОТ АВТОРА

Их было у меня шесть. Два БТ и четыре «тридцатьчетверки». Как родные стали эти танки. От них и следа не осталось, а я вот, живу...
Волков А. Д.

Старый друг моего отца, Алексей Дмитриевич Волков, прошел Отечественную войну танкистом с осени сорок первого года и до декабря сорок четвертого. Шесть танков сменил он за это время. Из одних выпрыгивал, когда они уже горели, из других его, раненого, вытаскивали ребята из экипажа. Танкисты редко воюют так долго. Короткая у них жизнь на войне. Но и бывает, что проходят через годы войны. Ранения, контузии, долгие месяцы в госпиталях, учеба, запасные полки. Снова передовая, санбат или госпиталь, и так по кругу. У большинства этот круг где-то обрывался бугорком с деревянной пирамидкой и звездой. Фамилия, инициалы, даты рождения и смерти. Кому как повезет.

Дожди быстро смывают строчки, написанные химическим карандашом, реже выжженные раскаленным прутком. Проходят годы, и, если никто не позаботится, разваливается пирамида, сколоченная из снарядных ящиков, оседает бугорок, исчезая в траве. Говорят, на могилах трава растет особенно густо. Как и не было танкиста.

Алексей Дмитриевич прошел путь от города Трубчевска Брянской области до венгерского города Сарваш в 350 километрах от Будапешта. Мы начали работать над книгой давно и закончили лишь в прошлом году. С разрешения Алексея Дмитриевича я изложил его воспоминания от первого лица.

ГЛАВА 1

Я родился 26 апреля 1922 года в поселке Красноармейск, рядом с Царицыном, тогда еще уездным городом. В 1924 году Царицын переименовали в Сталинград. Кто ни разу не был в нашем городе, вкратце опишу его. Он протянулся узкой лентой вдоль правого берега Волги, километров на семьдесят. Наш поселок был южной окраиной города. Даже когда его официально включили в состав Сталинграда, от центра нас отделяли мало застроенные участки у подножия Ергенинских холмов, поселки Бекетовка, Ельшанка, сплошь застроенные деревянными домами и мало напоминающие город.

Мой отец работал техником на железной дороге (в будущем это спасет часть нашей семьи), мама – учительницей в начальной школе. Вначале жили в бараке, потом отец вместе с дедом взялись строить дом. Строили его очень долго, потому что любые стройматериалы в наших безлесных краях были дефицитом и продавались строго по разрешениям. Помню, как радовались отец и дед, когда на грузовике привезли кладку старых, потрескавшихся от времени железнодорожных шпал, списанных из-за негодности.

Мы все разгружали тяжеленные маслянистые шпалы, помогали соседи, а потом мать сварила щи с бараниной, нажарила рыбы, и мы дружно отметили удачу. А я, разглядывая лопнувшие, измятые брусья, покрытые потеками древней смолы, рассуждал, что дом получится безобразным. Но у отца и у деда хватило сноровки и мастерства. Дом, хоть и небольшой, получился не хуже, чем у других.

В 1929 году я пошел в школу. Детей в семье было четверо, но младшая сестренка умерла младенцем. Осталось трое. Старшая сестра Таня, я и младший брат Саша. Он родился в феврале 1927 года.

До переезда в дом мы лет десять жили в бараке. Всей семьей занимали одну большую комнату, перегороженную занавеской. Родители спали на металлической кровати, мы – на деревянных топчанах. Дед с бабушкой – в углу маленькой кухни. Топили углем, с которым тоже были проблемы. Выручало то, что отец и дед работали на железной дороге. Каждую осень нам выписывали какое-то количество угля и машину деревянных обрезков на растопку.

Как мы жили? Как ни расхваливай те времена, а семь человек в одной комнате – многовато. Для личной жизни ни старым, ни малым места не хватало. Деликатесами нас жизнь не баловала, но и не голодали. Выручал огород, который ежегодно давал хороший урожай. Огромные помидоры, баклажаны (у нас их называют «синенькие»), капуста, перец и так далее.

Раннюю картошку сажали сами, а позднюю, на зиму, привозили из Тамбовской или Ульяновской области. Для картошки климат у нас был слишком жаркий. Мясом особенно не баловали. Чаще покупали обрезки, рубец, еще какие-то субпродукты. Из домашней живности держали штук двенадцать кур. Пытались раза два выращивать поросят, потом это занятие бросили. Не было кормов, высокие налоги, да еще крысы развелись.

Имея хорошего знакомого в одном из районов, отец договаривался с приятелем-машинистом, и в начале декабря покупали свинью, обычно на три семьи. Это была наша главная мясная еда на всю зиму. Солили сало, делали рулет (то же самое сало, только отваренное в соленой воде и нашинкованное чесноком), варили холодец. Полтора-два пуда свинины на большую семью хватало только щи да картошку заправить. Соленое сало считалось лакомством. По кусочку мать давала отцу и деду вместе с хлебом и картошкой на смену. Ну, а нам, мелкоте да женщинам, доставалось совсем понемногу.

Дед был заядлым рыбаком, имел деревянную весельную лодку. Работа не давала ему возможности ездить часто, но рыба с весны до осени у нас бывала. На зиму дед заготавливал бочонок соленой селедки. Сельдь – рыба своеобразная. Жирная, вкусная, но солить и хранить

ее – целая наука. Обычно к зиме она сильно ржавела и даже хорошо отмоченная становилась невкусной.

Я тоже, как большинство мальчишек, любил рыбалку. Но настоящий клев на Волге – вечером, ночью или рано утром. А мама лет до четырнадцати меня на ночь отпускать не решалась. Родом из лесной местности, она боялась воды. Волга казалась ей едва ли не морем, и она опасалась, что я утону. Мальчишки оставались на ночь, а я вечером, провожаемый насмешками, возвращался домой.

С возрастом этот вопрос уладился. Иногда меня брал с собой дед, но я предпочитал рыбалить в компании сверстников. Снасти у нас были самые примитивные. Донки из тонкого шнура (их называли «закидушки») с тремя-пятью крючками и грузом на конце. Каждый пацан повзрослее имел «завозню», длиной метров семьдесят, на пятнадцать-двадцать крючков. На завозни попадалась более крупная рыба, а груз мы завозили вплавь или на резиновой камере. Не скажу, что я был слишком удачливым рыбаком, но лет с тринадцати почти никогда не возвращался без добычи.

Ловили на песчаных косах. Попадались подлещики, судаки, язи, небольшие сомята. Сомы, покрупнее, обрывали наши снасти или ломали крючки. Так или иначе, но летом рыбу мы почти не покупали, особенно когда мама стала отпускать на ночь. Изредка попадались осетры, тогда я вообще ходил победителем.

Но к этому возрасту меня активно подключили к строительству дома, и на рыбалку я убегал вечером, а с утра помогал деду. Отец работал на строительстве дома только в выходные, так как возвращался с работы поздно. Возведение и отделка дома мне порядком надоели, но осенью тридцать восьмого года мы наконец переселились в свой дом. Работы меньше не стало, но у нас с братишкой появилась отдельная комната.

В школе я учился неплохо. Особенно любил историю, географию, литературу. Любил книги о путешествиях, приключениях, исторические. К восьмому-девятому классу прочитал почти всего Чехова, Станюковича, Майн Рида, Джека Лондона. Читал все подряд. Отец, подвыпив, не любил видеть меня за книгой, рыбалку тоже не одобрял. Характер у него был тяжелый. Крепко выпив, он мог устроить скандал, швырял тарелки. В это время к нему старались не подходить. Работа заставляла отца прекращать пьянку, и мы снова жили в мире.

Вспоминая газетные статьи времен перестройки и девяностых годов, я невольно ставил себя на место молодых читателей. Судя по этим статьям, у них, наверное, должно было отразиться самое мрачное впечатление о конце тридцатых годов. Сплошные репрессии, страх, разговоры с оглядкой, безудержное восхваление И.В. Сталина. Скажу прямо, о репрессиях я не очень-то слышал. Язык нам распускать не давали – это точно. Анекдотов про Сталина не было. А насчет восхвалений, то и Хрущева, и Брежнева, и всех последующих руководителей перевозносили куда больше, чем они этого стоили.

Люди, переехавшие в город, подвыпив, вспоминали коллективизацию, как составляли списки кулаков, середняков, бедняков. Силком загоняли в колхозы, где толком ничего не платили. Один из соседей говорил так:

– Я деньги в глаза не видел. Даже как они выглядят. А кормились с подсобного хозяйства да с огородов.

В нашем поселке, где жили рабочие судоверфи, лесозавода, кирпичного завода, железнодорожники, «черные воронки» никого по ночам не забирали. Мои родители привили мне любовь к Сталину. Не скажу, что на него молились, но относились с уважением и верили в его мудрость.

Хотя вечный дефицит тканей, одежды, ниток (всего не перечислишь!) заставлял женщин, особенно бабу, бурчать на власть. Дед в кругу близких друзей, выпив, тоже ругался, что крепостян силой стогнали в колхозы. Потом спрашивал меня, не слишком ли громко он выступал.

Деда я любил. Он был добродушным и бесхитростным человеком. Но иногда я его поддразнивал:

– Как же не громко? Даже соседи слышали. Доиграешься ты, дед.

– Да ладно тебе. Чего я особенного говорил? Так, покалякали за жизнь.

Какие события обсуждали в те годы? Конечно, войну против фашиста – Франко в Испании. Знаменитая фраза Долорес Ибарурри «Лучше жить стоя, чем умереть на коленях» повторялась нами и стала для многих девизом. Популярными были песни «Матрос Железняк» и «Три танкиста», которые распевали и на концертах, и на улицах. Знаменитый летчик Михаил Водопьянов приземлился на Северном полюсе. Много писали о дрейфе научной экспедиции Папанина. Стать полярниками мечтали едва не половина мальчишек и девчонок. Запомнились мне вышедшие тогда новые книги «Вратарь республики» Льва Кассиля и «Старик Хоттабыч» Лагина. Я их перечитал раза по три.

В 1939 году отца едва не забрали на Финскую войну. Мама приготовила ему вещи, продукты. Но война закончилась как-то неожиданно, судя по газетам, победоносно. Правду о той войне я узнал уже на фронте, встречаясь с участниками «зимней войны». Ну, и упомяну «освобождение» Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, где, как убеждало радио, нас тепло встречали обездоленные крестьяне.

А теперь вернусь к нашей повседневной жизни. Своего деда я любил. Он единственный в семье давал мне деньги на карманные расходы, помогал улизнуть на рыбалку. Кем я хотел стать? Перечислю по годам: вначале путешественником, потом моряком, геологом, летчиком, полярником... и так далее.

Но судьба сложилась по-другому. Сестра Таня пошла в железнодорожное ФЗУ, а родители уговорили меня продолжать учебу в школе. В 1939 году закончил десять классов. Меня вызвали в военкомат и предложили пойти в военное училище. Но мама мечтала, что я буду учиться в медицинском институте. Профессия врача казалась ей самой почетной (слово «престиж» мы тогда не знали) и уважаемой. Я обещал военкоматовским работникам подумать и неожиданно легко сдал экзамены в педагогический институт на историко-филологический факультет. Хотел на географический (дальние страны, геодезия, путешествия, работа геологом!), но меня дружно отговорила вся семья. Учитель географии – смешно! А история, литература – это путь к интересной работе. Ведь я люблю читать, так?

– Так, – кивал я.

– Историю хорошо знаешь. Петр Первый, Пугачев, декабристы, Ленин, революция. Тебе там будет интересно.

И даже дед вполне логично разъяснил мне, что история – вещь очень серьезная. Прямой путь в начальники.

Факультет состоял процентов на восемьдесят из девушек. У меня глаза разбегались. И не просто девчонки из рабочего поселка, почти деревни, а ухоженные барышни, нарядные, с модными прическами. Впрочем, на нас, своих сокурсников, они внимания почти не обращали. На танцевальные вечера приходили студенты из технического института, будущие инженеры, начальники цехов и предприятий. Куда мне равняться с ними, в своем костюме, перешитом из отцовского железнодорожного кителя. Я уже не говорю про курсантов военного училища или молодых летчиков-лейтенантов. Вот кому я завидовал и поклялся себе, что тоже стану летчиком. Правда, как это осуществить в реальности, я не представлял. Бросать институт? Но учиться мне было интересно.

Впрочем, если закончить тему о моих отношениях с девушками, добавлю еще несколько слов. Как и все в этом возрасте, я был влюблен в Аллу Бердникову, стройную броскую девушку из нашей группы. Естественно, любовь была тайной, я старался не показывать ее, дожидаясь какого-то случая. Какого, я и сам не представлял. Алла относилась ко мне равнодушно, кав-

леров у нее хватало, несмотря на дефицит парней на факультете. Чем я мог похвалиться? Рост у меня был 168 сантиметров, лицо обычное, по весне – конопатое. Правда, физически я был крепкий. Еще в школе занимался борьбой, футболом и продолжал играть в футбол за сборную факультета.

Еще мне хочется рассказать немного об общей атмосфере в институте. Она была доброжелательная. Запомнились диспуты о литературе, поэзии (историю трогали меньше). Как горячились, кричали, а за метко сказанные слова получали громкие аплодисменты всегда полного зала. Но я не хотел бы и упрощать взаимоотношения. Институт – это не наш заводской поселок. Здесь чувствовалось некое разделение. Те, кто жил в центре, нередко имели высокопоставленных родителей. Нет, этих студентов (или студенток) не привозили на машинах, они не хвалились золотыми украшениями. На лекциях и занятиях мы были вроде наравне. Но в свободное время все же существовала какая-то незримая черта. Те, кто «повыше», общались больше в своих компаниях, ну, и одевались, конечно, лучше. В этом не было какого-то противостояния, но некоторые вещи я воспринимал со скрытой обидой. Например, был такой случай, когда мы с одноклассником Адиком Закутным собирались куда-то ехать. Когда подошли к его дому, красивому, хорошо отделанному, он сказал мне:

– Леша, ты подожди меня в беседке минут десять. Я быстренько перекушу, переоденусь и сразу прибегу.

Четырех- или пятиэтажные дома стояли в ряд на набережной Волги. Чувствовалось, что в них живут люди не простые. Хорошая детская площадка, асфальтированные дорожки. Признаться, мне очень хотелось глянуть, какие здесь квартиры. Но Адик меня не догадался или не нашел нужным пригласить. Не спросил, хочу ли я есть. А есть я хотел почти всегда. Не голодал, но много двигался, и аппетит был хороший. Я дождался Адика (а ведь хотел уйти), и мы поехали, куда собирались. После этого я с месяц избегал приятеля. Он, видимо, догадался, что-то говорил о ремонте в квартире.

– Ремонт так ремонт, – пожал я плечами. – Мне-то какое дело!

Из девочек нашей группы на меня заглядывалась худенькая и невзрачная, как казалось мне, Лена Батурина. Старалась сесть поближе на лекциях, угощала домашними пирожками. Изредка я провожал ее домой, но дальше этого дело не шло. Правда, на втором курсе у меня чуть не случилось настоящее любовное приключение.

Поселок Красноармейск тогда не входил в черту Сталинграда, и мне полагалось место в общежитии. Пригородный поезд от нас шел в центр два с лишним часа, и я приезжал домой только с субботы на воскресенье. Запасался картошкой, крупой. Но ездить домой каждую неделю не получалось: то соревнование, то воскресник. Когда продукты из дома заканчивались, а денег оставалось совсем немного, мы с дружкой, Костей Серовым, покупали в киоске хлебозавода на ужин по паре теплых булочек. Нести их в общежитие не хватало терпения. Мы тут же проглатывали по одной булочке, затем шли к тележке с газированной водой. Выпивали по стакану газировки с малиновым сиропом и доедали оставшиеся булочки.

Кругленькая смешливая продавщица любила с нами поболтать, отдавая мне явное предпочтение. И сиропа наливала больше, так что мне было неудобно перед Костей. Я уже не помню имени продавщицы, но жила она в частном доме на Дар-Горе. Я проводил ее после работы раз и другой. Мы целовались с ней на лавочке, и она тяжело дышала, обмякая под моими руками. Была весна сорок первого года. Мне исполнилось восемнадцать. Никакого любовного опыта я не имел, а то бы понял, что моя подружка готова к более близким отношениям. Я чего-то испугался и в очередной раз не пришел на свидание.

До войны оставалось совсем немного. После первого курса, летом сорокового года, многих студентов призвали в армию, но наш факультет не тронули. Может, потому, что парней у нас было раз-два и обчелся. Пообещали, что мы будем проходить усиленную военную подготовку. И действительно, весь второй курс мы много занимались военным делом. Дотошно, в

теории и на практике, изучали химическую защиту. Возились с противогазами, зубрили свойства ядовитых веществ. Далась же кому-то эта «химия»! На фронте она нам не пригодилась. Стреляли в тире из малокалиберки и сдали нормы ГТО. Очень не любили строевую подготовку, но военрук гонял нас упорно и кое-чему научил.

Один из преподавателей читал нам лекции по военной тематике. О наших танках и самолетах, о немецкой технике. Кто как, а я слушал с интересом, задавал вопросы. На этих лекциях я впервые услышал названия танков: Т-26, БТ-5, БТ-7. Никогда бы не подумал, что мне придется пройти войну танкистом. Факультет ведь филологический, уклон был больше на политическую подготовку. Нам прямо говорили, что в случае чего мы станем политруками (почти комиссарами!), комсоргами, «понесем слово партии в красноармейские массы».

Теперь про своих однокурсников. Крепче всего мы подружились с Костей Серовым и Адиком Закутным. Закутный переживал из-за своего имени. Дело в том, что его полное имя звучало как Адольф. Адольф Сергеевич Закутный. Назвали его так в честь немецких революционеров двадцатых годов. Да и вообще, имя Адик было тогда довольно распространенным. Официальное отношение к Гитлеру в конце тридцатых годов было нормальное, но слово «фашизм» не нравилось никому. Ходили слухи, что, несмотря на пакт о ненападении, война с фашизмом неизбежна.

Преподаватели называли нас чаще по фамилиям, но нередко и по именам. Адька терпел, но, когда слышал, что его называли Адольф, краснел и едва не подскакивал.

Словно предчувствуя войну, несмотря на заключенный мир с немцами и совместные военные парады в Бресте, Адик добился через отца, который занимал какую-то должность, чтобы в паспортном столе его имя поменяли на Павел.

– Хочу носить имя Павла Корчагина и быть на него похожим, – заявил он на комсомольском собрании.

Сказано было с излишним пафосом. Мы тоже хотели быть похожими на Павку Корчагина. Ну и что такого? Обязательно повторять это?

Из ребят хорошо запомнил я Петю Маленького и Петю Большого. Фамилии, к сожалению, забылись. Оба были хорошие простые ребята. Петя Большой считался лучшим спортсменом на курсе. Занимался лыжами, многоборьем, футболом и выступал за институт сразу по нескольким видам спорта. Не хочу перечислять много имен и фамилий. Назову, пожалуй, Игоря Волошина. Он был высокий, спортивно сложенный, хорошо одевался. Был из благополучной городской семьи. Ко мне он почему-то относился с открытым пренебрежением. А может, я ошибаюсь и наговариваю на него? Наверное, относился он просто безразлично, и меня это задевало. У него была своя компания, куда была, кстати, вхожа Алла Бердникова. Они собирались по субботам в чьей-то просторной квартире, с вином, музыкой, хорошей едой, танцевали. Многие завидовали и мечтали попасть на такую вечеринку.

А с другой стороны, ребята из деревни приезжали на учебу так одетые, что наша «элита» посмеивалась, показывая на Петю Маленького, приехавшего в самых настоящих шароварах. Петя быстро сообразил, в чем дело, и на последние деньги купил себе брюки. Меня мама снарядила, в общем, неплохо, но из-за дефицита обуви я приехал в массивных отцовских башмаках, которые он получал на работе. Над толстенными подошвами тоже подсмеивались. Тогда я надел парусиновые спортивные туфли (мы чистили их мелом), и уже ничем не выделялся из общей массы.

Но все это были пустяки по сравнению с июньским воскресеньем сорок первого года. Началась Великая Отечественная война.

ГЛАВА 2

У нас закончились экзамены, и мы собрались съездить компанией за Волгу. Пока собирались, покупали еду, пиво, по радио объявили, что в 12 часов дня будет передано важное правительственное сообщение. Решили пропустить один пароходик, открыли бутылки с пивом, сидели, болтали о всякой всячине, а ровно в двенадцать прозвучали слова Молотова: «Фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз...»

Сказать, что мы были ошарашены этим известием, не могу. Разговоры о войне с Германией шли с весны. Несмотря на заявления, статьи в газетах, мы были уверены, что войны не избежать. Поразила лишь внезапность. Самый грамотный из нас Паша Закутный (бывший Адя) раздраженно переломил прутик.

– Какая внезапность? Мы что, на Луне живем? От Москвы до границы всего тысяча километров. Не знали, что немцы всю весну войска подтягивали?

– Не так все просто, – заметил кто-то из нас.

– А беженцы из западных областей – тоже не просто? Или никто про них не слышал и про немецкую армию у границы не знал?

Мы говорили о чем-то еще, соглашались, что Красная Армия расколотит немецкую свору за считанные дни. Потом дружно отправились в институт, где состоялся митинг. Выступали и студенты, и преподаватели. Звучала полная уверенность в скорой победе. Может, кто-то из старших думал иначе, но предпочитали молчать. Потом мы сходили в военкомат, где от нас, студентов, не отмахнулись, а назначили день, когда явиться.

Быстро пустели магазины. Люди, наученные прошлыми войнами, расхватывали сахар, соль, мыло... все подряд. Через три-четыре дня просочились слухи, что немцы наступают, а наша армия ведет ожесточенные оборонительные бои. Когда объявили, что Красная Армия 3 июля оставила Минск, я уже числился курсантом Саратовского танкового училища.

Вообще-то я хотел попасть в летное, но мать чуть не на коленях умоляла меня учиться где угодно, но только не в летном училище. Когда я говорю «на коленях», я не преувеличиваю. Молодой, еще зеленый петушок, я плел в семье о нашей мощной авиации, красивой форме, орденах, а с матерью сделалось плохо. Ее отпаивали валерьянкой, а дед сказал так:

– Брось, Лешка, херню пороть! Летчик-самолетчик! Видел я, как аэропланы на землю падают. Одни головешки остаются. Иди в политработники, по крайней мере голодать не будешь и живым останешься.

Дед не страдал излишним патриотизмом. Война – значит придется воевать. Но и на рожон лезть нечего! А ведь нам действительно предлагали пойти в военно-политическое училище. Далеко не всем. У кого в порядке с происхождением, чьи родители или деды за белых не воевали, судимостей не имели. Я подходил по всем статьям. Почему отказался? Сам не могу объяснить. Наверное, крепко сидело во мне то, что называется патриотизмом. Хорошо пишется в стихах:

И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной...

Но жизнь не стихи. Комиссаров я уважал, но хотел стать летчиком. Усталый, в красивой пилотской куртке, я шел по полю аэродрома вместе со своими товарищами. Позади был очередной полет, очередная победа, а я шагал, не обращая внимания на восхищенные взгляды девушек.

Все, что сейчас рассказываю, это воспоминания человека, мягко скажем, далеко не молодого. Порой я не могу вспомнить имен друзей, с которыми общался месяцы и даже годы. Ушли

из памяти названия городов, бесчисленных поселков и деревень, через которые я прошел в войну. Но я постараюсь предельно правдиво передать все, что пришлось пережить.

Мне было жалко маму, но я уже договорился, что буду поступать в летное училище. В девятнадцать лет человек, сам не осознавая, бывает жестоким. Я не понимал отчаяния матери, и меня не смогли убедить ее слезы. Я с легкостью и категорично отказался от перспектив военно-политической учебы. Но судьба решила за меня все сама. Когда проверяли зрение, дало знать мое увлечение книгами. Врачи поставили два значка: правый глаз – единица, левый – 0,9. Для авиации я был непригоден. Отсеивали многих. В летное училище из нашего факультета попал лишь Костя Серов.

С группой «счастливиц» он уехал куда-то на следующий же день. А я дня три болтался на призывном пункте, где нас почти не кормили. Ко мне пробилась мама, принесла картошки, домашних котлет, сала, малосольных огурцов. Мы с Пашей Закутным и Петей Маленьким съели весь объемистый пакет за один раз. Мама сунула мне двадцать червонцев, купюрами по одному червонцу. Огромные деньги до войны.

Но по дороге в Саратов, на одной из станций, мы убедились, как подскочили цены. Рассудили, что самая выгодная еда – семечки. Можно грызть целый день. Купили чекушку самогона, хлеба, махорки и огромный пакет семечек. До Саратова от Сталинграда всего четыреста верст, но ехали мы двое суток. Семечек на этот путь нам хватило. Кроме того, на станции Петров Вал нас накормили среди ночи холодной пшенной кашей с подсолнечным маслом.

Несколько человек из нашего института попали в Саратовское танковое училище номер один. Позже в Саратове организуют еще несколько танковых училищ. То, в которое привезли нас, располагалось в Кировском районе Саратова.

Военный городок, огороженный колючей проволокой, состоял из двухэтажных каменных казарм, нескольких административных зданий, складов. Наша учебная рота состояла из 130 курсантов. Спали на двухъярусных койках. Учеба началась второго или третьего июля, сразу по прибытии.

Нас помыли, переодели в старую красноармейскую форму и еще более старые латаные-перелатанные сапоги. Дело в том, что сапог в армии не хватало. Почти всех красноармейцев обували в ботинки с обмотками. Но для танкистов обмотки не годились, цеплялись за все подряд, пока прыгаешь в люк да из люка.

Распорядок дня был такой: в шесть утра подъем, физзарядка, уборка постелей и завтрак. Кормили нас по девятой норме. Что это такое, мы не знали, но ходили постоянно голодные. На завтрак давали миску каши-размазни, ломоть пшеничного хлеба, кусочек сливочного масла (не каждый день), горячий чай и маленькую ложечку сахара. Сахар можно было разделить на две кружки, что мы и делали. Граммов семьсот горячего, хотя практически несладкого, чая создавали ощущение сытости.

К обеду мы уже были готовы есть траву – довольно большой перерыв и интенсивные занятия требовали пищи. Тарелка супа, две ложки каши, хлеб, чай. На ужин снова каша, иногда картошка с вареной рыбой. Хотя Саратов расположен на Волге, речную рыбу давали редко. В основном морскую, чаще всего треску. Мне она не слишком нравилась, но когда оголодаешь, и вываренная соленая треска с перловкой летит, только подкладывай!

Иногда на завтрак ставили в алюминиевых мисках крупно нарезанную каспийскую селедку. Почему-то татары, у нас их было довольно много, не очень ее любили, а я мог съесть и три, и четыре куса – сколько доставалось. Порой вместо масла давали соленое сало. Его тоже татары вначале не ели, и все доставалось остальным. Но потом и они начали потихоньку привыкать.

Почему я так подробно описываю нашу еду? Да потому, что голод, вернее недоедание, – это первое, что мы почувствовали, когда началась война. Потом будут вещи куда страшнее.

Дисциплина в училище была жесткая. За самоволку, как правило, отправляли на фронт. Вначале мы чувствовали себя вольно, думали, что это пустые угрозы, но когда отправили человек пять-семь, многие поджали хвосты. В принципе, молодежь фронта не боялась. Повторю расхожую истину, что в юности чувствуешь себя бессмертным. Но мы хотели учиться, стать танкистами и выйти командирами с лейтенантскими «кубиками» в петлицах.

Учебных предметов было много, как будто рассчитывали на два года учебы, а не на шесть месяцев. Когда изучали многочисленные уставы, мы буквально засыпали. Запомнилось, что первые недели нас просто задолбали строевой подготовкой. Во взводе часы были у одного-двух курсантов. Украдкой спрашивали:

– Сколько там осталось?

Владелец часов, которого без конца дергали, отмахивался:

– Много...

– Сколько точно?

– Двадцать четыре минуты. Доволен?

Но строевая подготовка существует в любых войсках.

Терпели. Тем более нас убеждали, что без строевой выправки, умения четко шагать и отдавать приказы настоящих командиров из нас не получится. Знакомая по институту химическая защита, противогазы, отравляющие вещества. Они отпечатались крепко (зарин, заман, иприт и т. д.). От фашистов чего угодно ждать можно!

Из нас готовили командиров легких танков Т-26 и БТ-7. Уже через месяц мы неплохо освоили теорию, лихо ныряли в люки, наводили в цель пушку. Огонь! Готов фашист! Но все это была только имитация. Боевыми стрельбами пока не пахло. Сколько-то часов отводилось на устройство и вождение танка. К сожалению, все это изучалось на плакатах или на макетах, где мы старательно рвали рычаги, выжимали сцепление, выполняя развороты и двигаясь на полной скорости в бой. За рычагами старого Т-26 я побывал всего два раза, проехав в общей сложности километра полтора.

Нам повезло на командира взвода. Лейтенант Егор Севостьянович Шитиков был для нас уже «старик» – лет двадцать семь. Он воевал под Халхин-Голом, был ранен, учился на ускоренных курсах и получил сначала младшего лейтенанта, потом лейтенанта. Он запомнился мне своим добродушием и рассудительностью. Губастый, начинающий рано лысеть, Шитиков закончил пять или шесть классов, работал трактористом и мастерски владел танком.

На показательном вождении он творил чудеса. Танк взлетал на крутой, под сорок градусов бугор, стремительно несся вниз, перепрыгивал через рвы, миновал преграду и завершал бег выстрелами из «сорокапятки». Тогда эта тонкоствольная пушка впечатления на меня не производила. То ли дело трехдюймовые орудия или гаубицы-шестидюймовки, плакаты с изображением которых висели в учебном кабинете. Снаряд нашей танковой пушки весил всего тысяча четыреста граммов и легко перекачивался в ладони. Лейтенант Шитиков, или Севостьяныч, как мы его часто называли за глаза, доказывал нам, что «сорокапятка» – штука серьезная.

– Какая лобовая броня у немецкого Т-3? – спрашивал он.

– Двадцать миллиметров, – отвечали мы.

– Двадцать с лишним, – поправлял нас Шитиков. – Усилили они броню. Но «сорокапятка» на пятьсот метров все сорок миллиметров пробивает. Главное – попасть в цель.

Мы уже другими глазами смотрели на небольшой снаряд. Изучая техническую характеристику вражеских танков, мы подсчитывали, что Т-1, Т-2 и чешский Т-38, состоявшие на вооружении фашистской армии, наши пушки возьмут и на пятьсот и на семьсот метров. Мы спрашивали у Шитикова:

– Как там япошки воевали? Драпали, небось, всюю?

– Нет, – очень серьезно отвечал Егор Севостьянович. – Они не драпают и в плен очень редко сдаются.

– А танки у них какие?

– Разные. Легкие, те слабые. «Сорокапятки» их насквозь, через оба борта пробивали. А средние «Чи-ха», те посерьезнее будут. Пушка потолще нашей, только короткая. Били мы и те и другие.

– Ясное дело, япошкам до нас далеко! – хвастливо заявлял кто-то из молодых.

Шитиков вздыхал и прекращал разговор о Халхин-Голе. Видать, непросто там было. Изучали тактику боя с немецкими танками. Здесь уже не до шуток. Война шла второй месяц. Был взят Смоленск, Витебск, Белая Церковь, немцы вели наступательные бои на всех направлениях. Сводки Информбюро невнятно и с опозданием передавали реальную обстановку. Повторяют несколько дней подряд о жестоких боях в направлении Белой Церкви, затем долгое молчание и уже сообщают, что бои идут восточнее города. Выходит, заняли фашисты Белую Церковь!

В сообщениях Информбюро постоянно перечислялись потери немецких войск: уничтожены 12 танков, убиты 600 гитлеровцев, сбиты 10 самолетов и так далее. Подобных сводок было великое множество. И в кинохронике мы видели сторевающие вражеские танки, обломки самолетов, но немцы упорно продвигались вперед. Прямых сообщений о взятых немцами городах старались избегать. В нашей роте было уже немало курсантов, чьи семьи оказались в оккупации. Кое-кто получил письма о гибели родных. Но полевая почта в условиях отступления работала плохо, и многие получают известия о погибших, пропавших без вести летом сорок первого года, лишь зимой или даже к весне сорок второго.

Дважды выезжали на боевые стрельбы. Стреляли из вставных винтовочных стволиков, закрепленных в «сорокапятке» танка Т-26. Людей было много, нас торопили, и я отстрелялся плохо. Попал лишь один раз в угол мишени. Во второй раз тоже угодил одной пулей, но уже в центр. Паша Закутный подсмеивался надо мной:

– Снайпер! В десятку бьешь.

Впрочем, и остальные стреляли не лучше. Любая стрельба, а тем более из пушки требует практики. В начале сентября что-то изменилось. Пару раз провели настоящие боевые стрельбы. Я выпустил шесть снарядов-болванок и расстрелял несколько пулеметных дисков. Из пулемета у меня получалось неплохо, я даже получил благодарность. Стреляли из наганов. Здесь я себя переоценил и кое-как, со второго раза, выбил необходимое количество очков на слабую «тройку».

В тот период Шитиков, видимо, уже знал о скорой отправке части курсантов на фронт. Мы много занимались тактикой. Лейтенант более откровенно говорил о слабых сторонах нашей техники. Я запомнил его слова, что не надо без конца высчитывать толщину брони, а учиться не подставлять себя под удар. Говорил, что атака – это не парад перед кинокамерой. Скорость, постоянный маневр и огонь с коротких остановок.

К сожалению, «шапкозакидательство», хоть и частично, прошло, а полной информации, например о немецких противотанковых орудиях (нашем главном враге), мы не имели. Нас убеждали, что тридцатисемимиллиметровку даже сами немцы называют «колотушкой». Между тем это скорострельное легкое орудие пробивало броню наших основных танков Т-26, БТ-5, БТ-7 за полкилометра и больше. Не говоря уже о «пятидесятке», которая была опасна для нас и на расстоянии километра.

Порой неосторожная фраза о сильной стороне оружия врага оборачивалась неприятностями. Конечно, за настроением курсантов и преподавателей следили замполиты всех рангов (существовал целый аппарат!) и сотрудники особого отдела. Но, вспоминая некоторые последние фильмы о войне, я скажу, что тотальной охоты за «паникерами, пораженцами» не было. Помню, на комсомольском собрании отчитывали парня, который довольно объективно, но

излишне много говорил о сильной авиации немцев, хорошей оптике на танках. В принципе, он был прав, но болтать по этому поводу в широком кругу было в тот период просто глупо. На комсомольском собрании горячие головы хотели немедленно исключить его из комсомола и отдать под трибунал. Выступали многие. Парень каялся, едва не плакал. Отделался строгим выговором. Зато один из расхлябанных курсантов, загулявший у знакомой бабенки, был буквально за утро оформлен на фронт.

Но вернусь к учебе. Шитиков спокойно, без патетики рассказывал о боевых качествах наших и вражеских танков. Мы узнали, что у немцев на вооружении состоит много неплохих чешских танков Т-38 с довольно крепкой броней.

– Но зато пушка у него 37 миллиметров, – рассказы вал лейтенант. – И скорость сорок километров. БТ-7 по всем показателям его превосходит.

О нашем основном противнике, немецком танке Т-3, взводный говорил с большой осторожностью. По слухам, немцы в ходе первых недель боев усилили броневую защиту Т-3, а пушки-«пятидесятимиллиметровки» не уступали нашим. Правда, скорость у Т-3 была также ниже, чем у БТ-7, на десяток километров. Но все мы прекрасно знали главную слабость наших, вполне современных для того времени танков БТ-7 – слабая броня, которую пробивали даже немецкие «колотушки».

– Мы еще посмотрим, кто кого! – повторяли курсанты. – А орудия у нас мощнее.

Что мы знали о войне? Ничего. Но уверенности хватало. Это тоже много значило. Война нам еще предстояла, а пока я расскажу о том небольшом круге ребят, с кем мне предстояло не доучившись уйти на фронт в сентябре сорок первого.

Пожалуй, самой яркой личностью был Паша Закутный. Спортивно сложенный, много читавший, мы заслушивались, когда он отвечал на вопросы преподавателей еще в институте. Он хорошо знал историю, свободно оперировал датами, малоизвестными событиями. С ним всегда было интересно.

Спортивно сложенный, со светло-русыми волосами, он чем-то напоминал мне Есенина. В официальную программу института Сергей Есенин не входил, но по рукам ходили томики его стихов, изданные еще в двадцатые годы, рукописные блокноты. Есенина у нас любили. В узком кругу Паша часто читал его стихи, многие из которых знал наизусть. Как и в институте, на Пашу засматривались многие сотрудницы из женского персонала училища. Но он вел себя с ними очень застенчиво. Когда девчата начинали над ним подсмеиваться или приставать с откровенными намеками насчет свиданий, он молча уходил. Скажу честно, я ему завидовал. На меня такого внимания не обращали.

Помню, он как-то отозвал меня в сторону и рассказал, что его вконец достала Зина Салина, занимавшая какую-то хозяйственную должность в училище. Зина была видная, рослая женщина, с большой грудью. Ходила в форме старшины, в обтягивающей юбке. Мужики на нее облизывались.

– Привязывается ко мне как банный лист, – ковырял землю сапогом мой дружок. – У нее и муж есть, с другими ребятами путалась, а теперь ко мне прилипла. Мол, все у нас хорошо будет. Она с замом по тылу училища в дружеских отношениях. После окончания учебы обещала оставить меня здесь. Будешь молодых учить, зачем тебе на войне пропадать. А уляжется все, успеешь на фронте свои ордена заработать.

– А ты? – глуповато усмехался я.

– Противно, Леха. Ну, не нравится она мне. Корова какая-то.

Коровой я Зину не считал и подумал, что если бы она липла ко мне, то, я, пожалуй, согласился бы с ней дружить. А насчет фронта? От фронта я увильнуть не хотел.

Из студентов с нами держался вместе Петя Маленький. Он был примерно года на два постарше меня, рано женился, имел ребенка. После десятилетки, из-за нехватки учителей,

преподавал в сельской начальной школе. Он был молчалив по натуре. Иногда показывал мне фотографию жены. Дочь у него родилась перед войной, сфотографировать не успели.

Как студент, Петя в институте ничем не выделялся, но учился неплохо. И курсантом он считался добросовестным. Игорь Волошин хотя был нашего факультета, но держался поодаль. Запомнился мне Илья Сошников с биологического факультета. Понятие «дисциплина» для него не существовало, но Илья умел ловко выворачиваться. Хорошо пел, играл на гитаре, имел успех у девушек. А точнее, у женщин. Большинство из нашей небольшой компании с женщинами дел не имели. Наверное, время не подошло, ведь в те годы другие понятия о дружбе, любви были. Хотя не правы будут те, кто думает, что мы едва не бесполоыми были. У кого как получалось.

Уже в училище мы подружились с другими ребятами. Иван Войтик, из белорусов, был низкорослый, жилистый. У него, что называется, золотые руки. До войны Иван работал трактористом. Вначале его направили на курсы механиков-водителей, но, узнав, что у Войтика образование семь классов, срочно перевели в училище. Войтик хорошо разбирался в технике. Помню, однажды на кухне сломалась электромясорубка. Повара недоглядели, как туда попала кость. Им бы крепко досталось за расхлябанность, но выручил Войтик. Иван работал с ними всю ночь, вытачивал на станке какую-то деталь. Вернулся под утро крепко навеселе и принес нам кастрюлю картошки с мясом и острым соусом. Вот это был подарок! Я на Новый год такие не получал.

Подружились мы с командиром отделения сержантом Федей Садчиковым. Он около двух лет отслужил в армии. По сравнению с нами, с «зеленью», он знал многое, что давалось нам с трудом. Например, собрать-разобрать винтовку, наган, ровно заправить кровать, мыть огромной шваброй полы в казарме.

Кому приходилось рыть окопы, знает, как неудобна саперная лопатка. Особенно когда земля твердая. И вообще, не приспособлена наша малая саперная лопатка рыть окопы глубиной полтора метра. Одно достоинство – что легкая и носить удобно. Федор Садчиков учил нас, как ступеньками быстро отковыривать пласты земли и углублять окоп.

– А лучше под рукой имейте обычную штыковую лопату, – говорил он, – хотя бы одну на отделение.

Федю мы уважали как командира и как товарища.

Примерно числа двадцать второго или двадцать третьего сентября во всех учебных ротах прошли беседы с курсантами. Было объявлено, что наши войска с тяжелыми боями оставили Киев. По радио об этом передавали невнятно. В связи с продолжающимся наступлением немецких войск желающим было предложено временно прервать учебу и отправиться добровольцами на фронт. На два-три месяца.

Практически все курсанты изъявили такое желание. Начальство не сомневалось в нашем патриотизме. Списки добровольцев уже заранее были готовы. Нам пообещали присвоить сержантские звания, поблагодарили за преданность Родине и стали спешно готовить к отправке. Как я понял, отбирали в первую очередь тех, кто уже служил в армии, имел специальность тракториста, а также ребят, имевших образование 7 – 10 классов и показавших неплохие успехи в учебе.

Из нашей роты отобрали в числе других Федора Садчикова, Пашу Закутного, Ивана Войтика, Илью Сошникова, Игоря Волошина, Петю Маленького и меня. Я перечислил тех, кого помнил и с кем общался. Родителям написал короткое письмо, что училище переводят в другое место, адрес сообщу позже.

Через сутки мы уже ехали в теплушках куда-то на северо-запад. Эшелон остановился ночью под городом Трубчевск Брянской области. Сам город я не видел, мы выгружались на окраине, а потом на полуторках (специально для танкистов выделили!) приехали в расположе-

ние штаба одной из частей 13-й армии Брянского фронта, которым командовал ставший знаменитым в будущей Сталинградской битве генерал-полковник Еременко А.И.

Нас определили в отдельный танковый батальон. Обещанные сержантские звания присвоили далеко не всем. Федор Садчиков стал старшим сержантом и был назначен командиром танка. Младшего сержанта получил Иван Войтик, назначенный механиком-водителем. Остальные стали рядовыми танкистами. Моя должность называлась башенный стрелок.

Батальон располагался в огороженном редкой колючей проволокой сосновом лесу. Состоял он из двух танковых рот, укомплектованных в основном легкими танками БТ-7, БТ-5 и Т-26. Имелся также разведывательный взвод и еще какие-то небольшие подразделения. Я попал в третий взвод первой танковой роты. Взводом командовал лейтенант Князьков. Можно сказать, мне повезло. Меня назначили башенным стрелком в экипаж БТ-7 под командование Федора Садчикова. В этом же взводе был Паша Закутный (тоже башенный стрелок) и Ваня Войтик. Я был очень доволен, что мы зачислены в одно подразделение. Но Садчиков и Войтик моей радости не разделяли.

– Сколько про «тридцатьчетверки» говорили, – крутил сигарку Садчиков, – а их в батальоне всего две. Да и первая рота тоже не мед! Первые всегда кругом затычки.

Войтик завидовал, что мы с Федором попали на новый БТ-7 с четырехсотсильным двигателем, а ему достался Т-26 со слабой броней и изношенным девяностосильным движком. Но как бы то ни было, а предстояло воевать на том, что есть. Поэтому дисциплинированный Войтик поделился своим недовольством только со мной.

Механиком-водителем в нашем экипаже был дядька годов за сорок, Прокофий Петрович Шпень. Бывалого вояку механик-водитель из себя не строил. Принял спокойно, что командиром назначен старший сержант, годившийся ему в сыновья. Из уважения к возрасту мы называли нашего механика-водителя по имени-отчеству, а затем просто по имени. Прокофий Шпень успел повоевать немного под Смоленском. По крайней мере, попал раза два под бомбежки и даже готовился идти в атаку. Свою короткую историю пребывания на фронте он рассказывал так:

– Отошел от танка по нужде. А тут обстрел. Штаны лежа надевал. Выждал немного, пополз. А «бэтэшка» вся в дырках. Фугасный снаряд прямо напротив моего люка ахнул. Броня спереди по швам лопнула, сплошные дыры, гусеницы порваны, пушка как спичка сломана. Я полез глянуть, что там внутри, а тут снова снаряд. Месяц в госпитале провалялся. В общем, худое брюхо меня спасло. А командира со стрелком по стенкам размазало. Во, гляньте... И чтобы мы не сомневались, показывал огромный багровый рубец и вмятину на боку.

– Так по немцу и не стрельнул? – спросил Садчиков.

– Мое дело – танк вести, – гордо отвечал Прокофий. – А стрелять вы будете.

Мне трудно вспоминать все детали тех последних дней сентября 1941 года, когда мы прибыли в боевую часть. Фронт мы слышали и видели отчетливо ночью. То в одном, то в другом месте светились зарницы и доносился слабый гул отдаленных взрывов. В первый же день шесть немецких самолетов бомбили лес неподалеку от нас. Я помню, как вздрагивала земля, и невольно искал глазами укрытие.

Наш механик-водитель объяснил, что прилетели немецкие пикировщики Ю-87. Их легко распознать по торчащим колесам. Слово «шасси» Прокофий не употреблял, возможно, не понимал. Мало что знал наш механик и о немецких танках, так как успел побывать лишь в резерве и госпитале. Но «юнкерсов» насмотрелся:

– Ен, сука, сверху валится, как подбитый. Своем, аж уши закладывает. Бьет точно. Видел, как бомбой в грузовик попал. Ни одной железяки больше полметра не оста лось. А от людей вообще ничего. Дымит воронка, и гарью воняет. Спикирует, бомбы сбросит и круто вверх. На пяток секунд почти неподвижно зависает. Тут его в брюхо и бей. Только нечем. А он уже вверх

с ревом идет, и пуле метчик сзади подметает очередями все подряд. Вы его, ребята, берегитесь. А там, как Бог рассудит.

Мне с первого дня не понравился наш взводный, лейтенант Князьков. Он чем-то напоминал Игоря Волошина и казался заносчивым. Позже я пойму, что первое впечатление часто бывает обманчивым, особенно для нас, молодых парней, не испытавших на себе, что такое бой. Князьков, небольшого роста, коренастый, в кожаной куртке и с наганом на поясе, внимательно осмотрел Садчикова, Войтика и еще несколько человек, попавших в его третий взвод. Сказал, что в шинелях в танках не воюют, и приказал снять их. Так же критически, почти брезгливо, осмотрел залатанные гимнастерки, шаровары, старые потертые сапоги. Единственным более-менее подтянутым и аккуратным среди нас был Федя Садчиков.

– Представьтесь, – остановился напротив него Князьков.

– Старший сержант Садчиков. Назначен в третий взвод командиром боевой машины.

– Сколько прослужил?

– Два года в стрелковом полку и два с половиной месяца учебы в танковом училище.

– Быстро нынче учат, – усмехнулся Князьков. – Меня, например, два года учили.

– Я тоже бы хотел лейтенантские кубики носить, – глядя в глаза взводному, спокойно ответил Федор. – Пошли добровольцами.

– Добровольцев много воюет. Что, теперь прикажешь медаль тебе «За отвагу» повесить?

Лейтенанта раздражало независимое спокойствие Садчикова, который ничего не ответил и продолжал стоять по стойке «смирно», глядя поверх головы взводного.

– Кто-нибудь воевал? – И, не дождавшись ответа, заключил: – Сразу видно тракторную бригаду. Еще немца живого не видели, а в лейтенанты рвутся.

Меня все больше задевал этот никчемный разговор.

– Покормили бы сначала, – сказал Паша Закутный. – Сутки не ели.

– Сутки, конечно, очень много. Не померли с голоду?

Князьков стоял, покачиваясь с пяток на носки. Одет он был форсисто, как командир-танкист с плаката. Кожаная куртка, синие бриджи, фуражка. На поясе – полевая сумка, наган в кобуре.

– Никак нет, товарищ лейтенант, – козырнул Паша. – Мы и неделю потерпим. Просто ребята интересуются. Или и дальше нас будете отчитывать за то, что мы не так одеты и, не доучившись, добровольцами пришли?

Паша повернул смело. Лейтенант сразу прекратил знакомство, приказал выдать всем телогрейки и стал распределять по машинам. Паша Закутный, конечно, попал на перевоспитание в экипаж Князькова.

Наш третий взвод состоял из двух танков БТ-7 и одного Т-26. Два других взвода тоже были укомплектованы частично «бэтэшками» и устаревшими Т-26. Командовал ротой старший лейтенант Тихомиров. У него была знаменитая «тридцатьчетверка», громадина, по сравнению с нашими легкими машинами. Немногим выше БТ танк Т-34 был почти на метр шире и длиннее. Усадистый, с сильной броней, которая чувствовалась даже на расстоянии, не говоря уже о мощной 76-миллиметровой пушке. О знаменитой «тридцатьчетверке» ходили легенды. Говорили, что поджечь этот танк почти невозможно, так как он работает на солярке. У нас в училище имелся лишь один экземпляр «тридцатьчетверки». Он стоял в отдельном боксе под охраной и считался секретным объектом.

Мы смотрели на «тридцатьчетверку» с тайной завистью. Садись в нее и круши тяжелыми снарядами фашистскую сволочь. Мне доведется воевать на этой маневренной, надежной машине. Я смогу оценить ее превосходство над вражескими танками, а часть рассказов о ее непобедимости окажется мифом. Дадут знать о себе еще недоработанные двигатели, кстати, всего на 50 «лошадей» мощнее, чем у БТ-7. И бортовую броню немцы научатся просаживать своими усиленными снарядами, подкалиберными и кумулятивными.

В батальоне были всего две «тридцатьчетверки». У комбата и нашего ротного. Диковинкой смотрелся тяжелый танк КВ-2 с гаубицей калибра 152 миллиметра. Правда, громоздкая башня делала танк каким-то несуразным. Но я считал, что этот мамонт с такой пушкой не подпустит близко к себе ни один вражеский танк.

Собравшись вечером, мы пришли к выводу, что нам повезло. Отдельный батальон на правах полка. Спокойный и доброжелательный командир нашей первой роты, старший лейтенант Тихомиров. Сразу понравился комбат, капитан Хаустов, единственный из командиров с орденом Красного Знамени. Мы не успели вскочить при его появлении. Вместе с кем-то из командиров он шел быстрым шагом по своим делам. Комбат остановился и немного с нами поговорил.

– Жаль, что не доучились. Но бой – лучше всякой науки. Это ничего, что немцы нас вначале одолевали. Зато сколько их танков горелых под Смоленском осталось. И будем их еще сильнее бить. К драке с фашистской сволочью готовы?

– Готовы, товарищ комбат, – дружно ответили мы.

– На днях получим еще «тридцатьчетверки». Будет полегче.

Вряд ли сам комбат верил, что будет легче. Война уже шла три с лишним месяца. 16 июля немцы взяли Смоленск, но на два месяца увязли в боях вокруг древнего города. Линия фронта держалась пока в ста километрах восточнее Смоленска, но и до Москвы оставалось всего четверста, а от Брянска – пятьсот с небольшим километров.

Наступление на Москву на участке нашего Брянского фронта началось 30 сентября 1941 года. Ближайшими планами немецкого командования, как позже выяснилось, были города Брянск и Орел. Над нами большими и малыми группами шли немецкие самолеты: пикировщики Ю-87, тяжелые двухмоторные «Юнкерсы-88», истребители. Кого-то бомбили, обстреливали из дальнобойных орудий. Потом разнесся слух, что немцы прорвали фронт. Что это означает «прорвали фронт», я тогда не понимал. Зато хорошо знали те немногие командиры и бойцы, которые уцелели в летних боях, видели гибель целых полков и дивизий. Мы сидели в танках, вылезая лишь по нужде. Встретились с Пашей, и он злорадно сообщил:

– Летеха наш не из героев. Боится Князьков. Даже ко мне привязываться перестал.

Я тоже боялся. Временами на меня нападала дрожь. Руки тряслись так, что я не смог набрать в кружку воды, когда меня попросил Федор Садчиков. Я протянул ему трехлитровую флягу, а потом жадно пил сам. День был холодный, а по лицу катился пот. Прокофий хорошо видел мое состояние и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Перед боем всегда так. Весь напружинишься, ждешь команды. Скорее бы, что ли...

Одни части снимались и куда-то шли. Другие оставались на месте. Потом настала очередь нашего батальона. Дул холодный ветер, с деревьев летели листья. Быстрые облака неслись по голубому небу. Батальон шел походной колонной по лесной дороге. Без конца останавливались. По каким причинам, не знаю. Во второй роте расплавились подшипники у БТ-5.

Командир роты бегал вокруг танка, матерился. Он явно боялся комбата. За такие вещи можно было угодить под трибунал. Танк оттащили в сторону. Неизвестно, что с ним стало дальше, но вскоре наша рота отделилась от батальона. Мы проехали километров семь и остановились на опушке леса. Впереди были позиции полка, за которым нас закрепили.

Полк яростно долбила немецкая авиация. Штук двенадцать «Юнкерсов-87» кружились, по очереди пикируя и обрушивая вниз бомбы. До позиций было километра полтора. Все звуки слышались отчетливо. Зенитного прикрытия и наших самолетов в воздухе не было. Немцы хозяйничали как хотели.

Полтора километра – большое расстояние. Фигурка человека кажется крошечной. Но я видел лица бегущих в нашу сторону бойцов. Может, от напряжения что-то происходит со зрением? Но, скорее всего, мозг работал как-то по-другому. Двенадцать «юнкерсов» – большая

сила. Разрывы тяжелых бомб доставали взрывной волной наши танки. С деревьев сыпались мелкие ветки, и земля ощутимо вздрагивала. У пехоты не было бетонных укреплений, и немцы бросали свои «пятисотки», чтобы посеять панику. Вместе с ними «юнкеры» сбрасывали множество осколочных бомб калибром поменьше. Грохот взрывов сливался с непрерывным треском пулеметов.

Такое я видел впервые. Клубящиеся облака дыма, огромные столбы взлетающей земли, каких-то обломков. Серая пелена и вой сирен. Бомба угодила в хранилище боеприпасов, и облако дыма словно проткнуло огненным смерчем. В других местах тоже что-то горело. «Юнкеры» сделали еще пару заходов. Стреляли только из пулеметов, но их было так много, что треск стоял непрерывный. Жутко представить сейчас, что творилось там.

Многие из бойцов, пытавшихся убежать, лежали на осенней траве убитые или тяжело раненные. Остальные приближались к лесу. Командиры пытались их остановить, бежали следом, стреляя из наганов вверх. Но бойцы мелкими кучками и поодиночке ныряли в кусты, исчезали среди деревьев.

– Труссы! Паникеры! – кричал Тихомиров. – Вы пре даете Родину!

Вряд ли кто из бегущих красноармейцев слышал или понимал, что им кричат. Ротный приказал дать несколько предупредительных очередей, но и это не помогло. Появились еще четыре самолета, чем-то похожих на наши истребители-бипланы «чайки», с такими же массивными радиаторами. Позже я узнал, что это были легкие бомбардировщики «хеншель-123». Два самолета снова принялись обрабатывать позицию полка, а два с небольшой высоты преследовали убегающих.

Раскрашенные в несколько цветов, с красными хвостами и обязательной свастикой на них, самолеты сбрасывали небольшие бомбы и били очередями по бегущим, которые инстинктивно сбивались в группы. Спаренные очереди поднимали фонтаны земли, перехлестывая фигуры в серых шинелях. Еще несколько человек все же успели добежать до леса, а трое спрятаться под бревенчатым мостком. Привели пятерых, пойманных по приказу командира роты, а когда самолеты улетели, на нас выбрали двое красноармейцев, прятавшихся под мостком. На вопрос, где третий, угрюмо ответили, что на дне речки. Пули достали его через бревна. Тихомиров принялся их отчитывать, обещая трибунал, а Федя Садчиков считал убитых, лежавших на поле.

– Их там человек сорок с лишним, – тихо сообщил он мне.

Двигаться дальше по открытой местности ротный не рискнул. И правильно сделал. Нас бы раздолбали на поле почему зря. Немцы попадать в цель умели. Сквозь панораму я видел приближенные оптикой разбитые пушки и многочисленные воронки вдоль линии стрелковых ячеек. Низко пригнувшись в седле, к нам прискакали капитан, назвавшийся помощником командира полка по разведке Безугловым, и сержант. Капитан поглядел на стоявших под деревом беглецов. Те съежились, Безуглов обрушился на нашего ротного:

– Долго прятаться здесь будете? Вам был приказ идти на поддержку полка. Не слышали?

– Все я слышал... и видел тоже, – огрызнулся старлей. – Самолеты десять минут назад как улетели. Нас бы на открытом месте расколошматили в момент.

– Может, и так, – согласился капитан. – Бомбежка кончилась, дальше сидеть здесь нечего. Дуйте в расположение полка.

Капитан оглядел своих красноармейцев. Те съежились еще больше, сбившись в тесную кучку. Один – босой, почти все без шинелей, но винтовки бросили лишь двое. Один сразу доложил:

– В речке винтовка утопла. А гранаты на месте, две штуки. И лопатка саперная тоже.

– И у меня утопла, – подхватил второй. – А гранат не было. Зато патронов полный подсумок.

Явно, что винтовки они бросили со страху. В речке глубина метра полтора в самом глубоком месте. Сейчас они со страхом ждали, что решат командиры.

– Бегом на позиции! – скомандовал капитан. – Винтовки у павших подберете.

От слова «павшие» у меня что-то ворохнулось в груди. Несмотря на свои девятнадцать лет и не слишком великое умение разбираться в людях, я понял, что молодой капитан (и уже помощник командира полка!) уважает людей. Больше всего я боялся, что после бойни, устроенной немецкими самолетами, капитан Безуглов прикажет расстрелять беглецов. Сколько людей самолеты угробили, давай еще добавим! Дело в том, что везде, и в училище, и с первых дней в батальоне слова «трибунал» и «расстрел» были самыми расхожими. С трусами в бою не церемонятся! Трибунал, и к стенке! Выходит, капитан был не такой. Он даже не угрожал своим струсившим бойцам, которым по всем статьям полагался трибунал.

Мы уже готовились заводить моторы, когда неожиданно из-за поворота вывернулся наш старшина на мотоцикле с коляской.

– Стойте! Я вам пожрать привез.

Капитан разрешил задержаться на пятнадцать минут. Каждый получил полный котелок ячневой каши с тушенкой, по банке рыбных консервов и пачке махорки. Старшина сказал, что хлеб подвезут позже, и укатил. А мимо нас тянулся бесконечный конный обоз. Повозка за повозкой, и в каждой по трое-четверо тяжелораненых. Раненые полегче шли, держась за края повозок. Ездовые их отгоняли:

– Вишь, лошади не тянут!

– Сам слезай и иди, – огрызались раненые. – Небось, не ранен.

Выглядели они жутко. Совсем не мужественно и красиво, как в фильмах. Один, перемотанный бинтами и полосками нательной рубашки через грудь, плечи, руки до кончиков пальцев, пытался вылезти из повозки и выкрикивал:

– Быстрее, чего тянетесь. Помираю...

Некоторые лежали вниз лицом, и я подумал, что это мертвые. Потом догадался – они ранены в спину или ягодицы. Один красноармеец сидел, неестественно выпрямившись, держась рукой на край повозки. На плечи была накинута шинель, а широкая повязка на груди почернела от крови. Из рта тоже тянулась нитками кровь. Его поддерживал санитар и согласно кивал, когда тот что-то пытался сказать.

– Грудь разорвало, – прошептал Федя. – Помрет. Перебитые ноги у некоторых были туго обмотаны кусками гимнастерок, торчали самодельные деревянные шины. Над вереницей повозок стоял гул стонов, умоляющих голосов, кто-то звал мать, просили спирта. Мы раздали почти всю махорку. Спирта у нас не было, а имелся бы, мы и сами бы выпили. Меня не отпускала дрожь от всего увиденного. Разве это война? Мясорубка какая-то. Эти бедолаги по фашистам даже не успели выстрелить, а их уже искалеченных в тыл везут.

Минуя обоз, мы проламывались через кусты. Капитан Безуглов на лошади сопровождал нас. Мы спустились из леса. Осмотрели мост, исклеванный пулями. Решили, что легкие танки пройдут. «Тридцатьчетверка» Тихомирова шла последней. Сержант Шарафутдинов, механик-водитель на Т-34, которого мы для краткости именовали Шараф, осторожно вел тридцатитонную махину. Мост под тяжестью танка трещал и ощутимо прогибался. Когда он прошел две трети, что-то оглушительно треснуло. Лопнуло одно из бревен. Обломок метра полтора длиной, кувыркаясь, отлетел далеко в воду. Механик от неожиданности дал газ, лопнуло пополам еще одно бревно, но танк уже выскочил на левый берег.

Тихомиров вместе с Шарафом снова прошли по мосту. Было ясно, что «тридцатьчетверку» расшатанный, треснувший настил второй раз не выдержит. Легкие танки, возможно, и пройдут. Речушка была так себе, одно название – метров пятнадцать в ширину, но с илистым, вязким дном. Прошли две последние санитарные подводы, а капитан насмешливо спросил Тихомирова:

– Ты по мосту отступать, что ли, примеряешься? Забудь про это, товарищ старший лейтенант.

Я заметил, что Тихомиров покраснел.

– Никто отступать не собирается, но пути отхода знать надо.

– Куда нам еще отходить? – засмеялся Безуглов и хлопнул старлея по плечу. – Раненых вывезли. Расстрелять мост к чертовой матери!

– Есть расстрелять, – козырнул наш ротный. – Федор, четыре фугасных под «быки». Огонь!

Я был башенным стрелком, и команду предстояло исполнять мне. Вот бы не подумал, что первые выстрелы на войне сделаю по своему родному русскому мосту. Но четырех снарядов оказалось мало, хотя со ста метров я не промахнулся ни разу. Взрывы переломили десяток бревен, вырвали кусок настила. Мост слегка накренился, но продолжал стоять. Я выстрелил еще два раза. Брызнули крупные щепки, отвалились перила. Я подумал, что мы зря гробим такой прочный мост. А если все же отступать придется?

– Ладно, – махнул рукой начальник разведки, – слабоваты ваши пушчонки.

Он приказал часовым у моста собрать сушняк и поджечь мост. Тихомиров мог бы своей мощной трехдюймовкой разнести избитые бревна, но промолчал и дал команду двигать вперед.

Командир стрелкового полка Урусов, высокий, худой, в длинной шинели, похожий бородкой клином и костлявым лицом на Дзержинского, не стал выговаривать, что мы отсиделись в лесу и не кинулись под бомбами разыскивать штаб. Да и найти его было мудрено. Штабные землянки располагались в овраге на левом фланге, где выдавалась вперед дубовая роща.

Танки приказали отогнать в лесок за штабом и замаскировать. Тихомирова и командиров взводов полковник оставил на совещание. Через час ротный собрал всех нас и растолковал ситуацию. Немцы, по данным разведки, находятся километрах в пятнадцати от линии обороны полка. Во время бомбежки погибло более ста человек, из них половина тех, кто убегал через поле. Разбило несколько пушек, но артиллерии пока хватает, а мы остаемся вроде как в запасе.

Только этот запас больше суток не продлится. А то и раньше в бой введут. Немецкие танки в любой момент могут появиться.

– Зря все же мост взорвали, – сказал кто-то из старых танкистов. – Пехота эту речушку вброд перейдет, а нам маневра в случае чего не будет. Сомневаюсь, что поблизости еще такой крепкий мост найдется.

– Взорвали и взорвали, – обрезал разговоры Тихомиров. – Маневры! Забудьте про любые маневры на восток. Отступать категорически запрещено. Или кому-то неясно?

Когда расходились, Прокофий мрачно заметил:

– Чего ж неясного? Два налета фрицы сделали. Сто убитых и раненых сотни три. Воевать еще не начали, а батальон списали.

– Да еще дезертиров добавь, – отозвался кто-то. – Вот тебе и ур-ря, бей фашиста! С кем бить, если немцы еще пару раз отбомбятся?

Ночью мы дежурили по очереди возле танков со снятыми и готовыми к бою пулеметами. Шли разговоры о диверсантах. Как они бесшумно подкрадываются и бьют в спину кинжалами зазевавшихся часовых, а потом режут глотки остальным.

– Абреки! – засмеялся Паша Закутный. – В осеннем лесу сучок хрустнет, за триста метров слышно. Просто дрыхнуть не надо. Три пулемета на постах да гранаты. Можно от кого угодно отбиться.

– Герой! – засмеялся Прокофий. – Штаны не потеряй.

Паша вспылil, но спор прекратил Федор Садчиков.

Предупредил:

– Не знаю, как взводный, но если кто ночью заснет, зубы повышибаю.

На Федю, видать, тоже сильно подействовали бомбежка, смерть, увечья сотен людей. Настроен он был зло. Вступать в пререкания с ним не рискнули даже ребята из соседнего взвода. Такой и правда вышибет.

Ужин нам не подвезли. Тихомиров ходил к полковнику, тот сказал, что его люди уже трое суток на голодном пайке сидят. Но уже в темноте прислал двух бойцов и лейтенанта. Бойцы принесли ведро молока и вещмешок вареной картошки «в мундире». Наверное, где-то в селе взяли. На три десятка человек хватило лишь червячка заморить. Спасибо и за это.

А ночью на посту я слышал, как гудели над головой бомбардировщики. Потом, словно в шпионском фильме, взвились две, еще две красные ракеты, показывая на позиции полка. Мы переполошились, ожидая, что на нас обрушатся бомбы, но самолеты, видать, уже пролетели. По ракетчикам, вернее, в их сторону, полосовал длинными очередями «максим», хлопали выстрелы. Ракет больше не было, а ротный приказал удвоить караулы. Прикорнул я только под утро, набросав на себя тряпье, которое нашлось в танке. У нас имелся брезент, которым были накрыты все машины. Однако ночь выдалась такая холодная, что от брони на расстоянии несло могильным холодом. Когда вышел утром по нужде, под сапогами хрустел ледок. Не успеешь оглянуться – зима! Я все еще жил понятиями мирного времени. Мне и в голову не приходило, что до зимы еще надо дожить.

Вместо завтрака пили заваренный иван-чай. Пихали в кипяток оранжевые сухие будылья. Напиток цветом и вкусом действительно напоминал чай. Еще бы сахару и хлеба! Ну, хоть что-то горячее в брюхе булькает, и то хорошо. А потом снова началась война. И нашу роту она в тот день не миновала.

ГЛАВА 3

Едва допили горячее, прилетели шесть штук Ю-87 и, отбомбившись, долго стреляли из пулеметов. Тяжелая бомба, наверное, «двухсотпятидесятка», угодила в одну из штабных землянок. Большинство обитателей убежали и попрятались, но некоторых накрыло. Из мешанины земли и бревен торчал сапог. Значит, кто-то из командиров или писарей. Простые бойцы в полку поголовно ходили в ботинках с обмотками. За сапог вытянули половинку писаря. Без обеих рук и с расплющенной головой. Кого-то стошнило (значит, позавтракал, сволочь!). Останки писаря приказали зарыть там же и соорудить холмик.

Потом открыла огонь артиллерия полка, а мы чего-то продолжали ожидать на нашей запасной позиции. В кого бьют пушки, я не видел. Экипажам строго запретили покидать машины. Лишь Тихомиров наблюдал из окопа за ходом боя, держа телефонную связь с командиром полка. Меня снова начало трясти, а Шпень каждые полчаса бегал за танк. Не выдерживал кишечник. Федор Садчиков держался спокойнее других, шепча:

– Скорее бы... ну чего тянут.

Полк отражал танковую атаку, но танки все же прорвались на правом, дальнем от нас фланге, и два взвода рванули по приказу командира полка наперерез. Впереди двигалась «тридцатьчетверка» Тихомирова. С чего, с какого момента начался для меня бой? С грохота разорвавшегося рядом осколочного снаряда? Но стреляли не по нам, а по остаткам одной из легких батарей.

Я успел заметить разбитую вдребезги «трехдюймовку», разбросанную по частям. Колеса улетели неизвестно куда, ствол вырван и отброшен метров на пять, неподалеку валялся скрученный щит. Видимо, в пушку угодила авиабомба. Лежали присыпанные землей трупы артиллеристов. Тело одного из них показалось неестественно коротким. Мы промчались уже мимо, когда я сообразил, что у бойца оторваны по самый живот ноги. Под гусеницами хрустнули обломки зарядных ящиков, блестящие оружейные снаряды.

– Прошка, – заревел вне себя Садчиков. – Они же со взрывателями. Разнесет к хренам!

– Я щас, – бормотал Прокофий Шпень, на которого наш спокойный командир никогда не кричал, а тем более не называл Прошкой.

Последние минуты перед боем, предчувствие возможной смерти (не может такого быть!), что-то стронули в каждом из нас. Это был даже не страх, а какое-то сумасшедшее, рвущееся напряжение. Я вдруг увидел пятнистый немецкий танк и, не дожидаясь команды, выстрелил в него. Нас учили, в основном теоретически, стрельбе с ходу. Именно так стреляли танкисты в наших знаменитых предвоенных фильмах. Но опытные командиры, и Тихомиров в том числе, переучивали нас, ломая уставные требования. Бить с коротких остановок!

– Леха, не торопись, – Федор уже приходил в себя и командовал спокойно. – Это Т-3, до него метров шесть сот. Далековато.

Вот они какие, Т-3! Коробочки, примерно таких же размеров, как БТ-7, только шире и с плоскими башнями, которые делали их на вид более приземистыми.

Я видел пока четыре немецких танка. Они двигались быстро, ведя огонь только из пулеметов. А перед ними разбегались наши красноармейцы. Некоторые сбрасывали на ходу шинели. Но даже секундная задержка стоила им жизни. На танках стояли по два пулемета, и люди падали один за другим. Некоторые бежали, часто оглядываясь, и это тоже облегчало стрельбу немецким танкистам.

Одинокая короткоствольная «полковушка» била по танкам быстро и часто. Но ее накрыл вынырнувший из-за бугра небольшой танк с тонкой длинной пушкой. Удар разметал расчет «полковушки», который даже не успел развернуть орудие в нужную сторону. До вражеского

танка оставалось метров двести, но нам тоже предстояло развернуть башню. Вряд ли мы бы это успели!

Нас опередил взводный Князьков. Не знаю, кто стрелял, лейтенант или Паша, но весь экипаж сработал четко. Механик-водитель мгновенно крутанул танк, подняв фонтан земли, и сразу ударила пушка. Я впервые увидел, как гибнет танк. Такая же стальная коробка с живыми людьми внутри. Бронебойная болванка ударила прямо в пулеметную установку, справа от пушки, вмяла ее внутрь вместе с брызгами искр. Из отверстия выплеснулся язык пламени.

Танк продолжал двигаться, но пушка и второй пулемет молчали. Федор, отпихнув меня, выстрелил сам. Попал в правый подкрылок, загорелся топливный бак. Но танк добил все же наш самолюбивый взводный. Он выстрелил снова, вогнав снаряд в высокую лобовую часть под башней. В танке рвануло раз, другой, башню приподняло и снова брякнуло, но уже наискось, а из отверстий и щели под башней выкидывало горящие ошметки и языки пламени.

Вспыхнул Т-26 из второго взвода. Экипаж я не запомнил – слишком мало времени были мы вместе. Короткий танк (на метр короче нашего БТ-7) с цилиндрической башней и тонкой броней прошило и зажгло в момент. Успел выскочить механик-водитель и покатился по траве, сбивая пламя.

Немецких танков стало уже семь. Тихомиров несся им навстречу на своей «тридцатьчетверке». Ударил с остановки, промазал, но вторым выстрелом подбил немца, вломив ему снаряд в нижнюю часть рядом с гусеницей. Мы тоже открыли огонь по этому танку. Такая у нас была в тот день судьба – помогать тем, кто стрелял более метко. Федор выпустил три снаряда подряд, но окончательно развалил Т-3 наш ротный. От удара тяжелой трехдюймовой болванки сдетонировали снаряды, башню взрывом сбросило на землю. Из круглого отверстия взвился язык коптящего пламени, треща, рвались в огне патроны.

Подбили еще один танк из второго взвода. На этот раз БТ. Снаряд попал в левую гусеницу. Механик-водитель, видимо, недостаточно опытный, не сразу понял ситуацию. Закрутился, подминая и скручивая металлическую ленту.

Мощный двигатель БТ-7 сыграл смертельную роль в неумелых руках. В принципе, танк мог сколько-то метров проползти и на одной гусенице, помогая себе колесами левой стороны. Но механик так скрутил и вдавил между колесами гусеницу, что БТ завертелся на одном месте, как юла, оставаясь, по сути, неподвижным.

Неподвижный танк – мертвый танк. Эту истину я понял в те минуты, когда в застывшую «бэтэшку» один за другим врезались три снаряда. Выскочил командир танка, весь забрызганный кровью, и выволок раненого механика-водителя. БТ, несмотря на попадания в борт и башню, уже покинутый остатками экипажа, продолжал вращение и даже не горел. Лишь дымился. Все это я видел мельком, потому что метров со ста семидесяти в нас бил Т-3, а мы отвечали ему. Потом он исчез, и остальные немецкие танки попятились назад, ведя беглый огонь. Оказывается, нам на выручку шел первый взвод, и немецкие танкисты предпочли отступить.

Я видел, как они отступали. Немцы сумели остановить нашу главную силу, Т-34, старшего лейтенанта Тихомирова. В него стреляли сразу два или три танка. И попадали. Большинство снарядов рикошетило, но чувствовалось, в нашей «тридцатьчетверке» что-то серьезно нарушено, возможно, ранен экипаж. Машина отступала рывками, огрызаясь редкими выстрелами. И даже эти редкие снаряды, смертельно опасные для фрицев, заставляли их шархаться в стороны.

И все же немцы, даже в отступлении, действовали четко. Они подцепили недобитый Т-3 и поволокли его на буксире, прикрываясь беглым огнем. Мы дважды выстрелили в гребуший гусеницами вихляющийся БТ-3. Промазали. Мешала дымовая завеса, которой немцы прикрывали отход. Ротный, высунувшись из люка, показывал знаками, чтобы мы тоже отходили. Почему? Мы же их сейчас раздолбаем!

Я тоже высунулся из люка. Два наших легких танка горели, один, накренившись, дымил. Немцы вели сильный огонь из танковых пушек, к ним прибавились минометы. Выполняя команду, мы пятились, стараясь не подставлять борта, огрызаясь частыми выстрелами. Горел немецкий Т-3 и чешский Т-38, который был подбит первым.

Потери нашей роты в коротком бою оказались немалыми. Сгорели два танка, третий мы пытались вытащить, но он загорелся от очередного попадания. Погиб целиком один экипаж, еще несколько человек были убиты и ранены. «Тридцатьчетверка» получила серьезные повреждения. Бронебойный 50-миллиметровый снаряд врезался в башню и застрял в ней. Веер мелких осколков, выбитых снарядом из брони, убил наповал заряжающего и ранил командира роты Тихомирова. От других снарядов (мы насчитали пять попаданий) нарушились шестеренки поворота башни. Вместо кругового вращения угол поворота составлял градусов пятьдесят.

То есть наша мощная «тридцатьчетверка» могла вести огонь на довольно узком участке. В принципе, это не было такой уж смертельной бедой. Стрелять можно было, доворачивая корпус, но эффективность огневой мощи танка была снижена. Кроме того, хоть об этом не говорили во весь голос, существовала опасность, что отдача после нескольких выстрелов окончательно заклинит башню «тридцатьчетверки». Именно поэтому, не объясняя причин, Тихомиров, взяв нового заряжающего, выстрелил три раза подряд в сторону немецких позиций. Пушка пока работала нормально.

Серьезно пострадала трансмиссия старого Т-26 нашего взвода. Сыграли роль резкие повороты и быстрая атака на скоростях во время, в общем-то, короткого боя. Князьков накричал на Ивана Войтика. Белорус, сжав челюсти, молча выслушав лейтенанта, сказал:

– Чего кричите, товарищ лейтенант? – Когда волновался, акцент у Ивана звучал особенно заметно. – Не знали, что трансмиссия у нас ни к черту? И нечего кричать.

Сколько еще может пройти танк? – успокаиваясь, спросил Князьков.

– Нисколько. Сядьте за рычаги и послушайте, как железяки скрежетают. Как в ржавой молотилке.

– Ну, километр проедешь?

– Може, и проеду. А потом посреди поля намертво встану.

– И что делать будем?

– Надо снимать крышку, – стал объяснять Войтик, – разбирать, смотреть, ремонтировать.

– Сколько потребуется времени? – нетерпеливо спросил Князьков.

– Может, три часа, а может, увесь день.

Вытирая руки промасленной тряпкой, подошел ротный Тихомиров. Сказал, что крышку трансмиссии надо снять и глянуть. Подкрутить, где шестеренки ослабли. Но не больше. Нас в любой момент снова в бой бросить могут.

– Остальные машины в норме?

Оказалось, не в такой и норме. Надорвало гусеницу на «бэтэшке» из первого взвода. У них же сильно гонит масло Т-26. На гусенице срочно меняют трак, а с причиной утечки масла разбираются. Потом подошел техник-интендант из тыловой службы полка и спросил, будем ли мы хоронить наших танкистов в одной могиле с бойцами полка или отдельно.

– Вместе, – коротко отозвался Тихомиров. – Вместе погибли, пусть вместе и лежат.

– Они своих до исподнего раздевают, – сказал один из сержантов.

– Так положено, – ответил техник-интендант. – Есть приказ наркома.

– С наших снимать нечего, – невесело усмехнулся старлей. – Разве что с моего заряжающего. Остальные погибшие сгорели. Но моего заряжающего в комбинезоне положите. И в сапогах. Мы с ним уже год вместе.

– Как скажете, товарищ старший лейтенант, – не стал спорить тыловик. – Дайте парутройку своих ребят, надо погибших из танков вытащить.

Послали меня и конопатого башенного стрелка из первого взвода. Пока шли, познакомились. Конопатого звали Григорий, а родом он был из Таганрога. Возле наполовину вырытой второй братской могилы (первую засыпали еще вчера и обложили сосновыми ветками) лежали в несколько рядов погибшие. Почти все в рубахах и подштанниках. Одежду грузили в повозки и куда-то увозили.

Война поворачивалась ко мне совсем не таким лицом, какого я ожидал.

Ведь это герои. А их раздевают и кладут в землю в грязных окровавленных, пропитанных мочой подштанниках. Гриша из Таганрога сказал, что не по-божески раздевать мертвых. Я думал про другое и зло оборвал его, сказав, что погибшие обмочились не от страха, а от сокращения мышц в момент смерти. Я слышал об этом во время занятий по медицинской подготовке в институте. Гриша, признавая во мне старшего, согласно закивал.

Как мы вытаскивали четыре обгорелых трупа из танков, лучше не рассказывать. Тащили по кускам. Одного более-менее целого извлекли через водительский люк, да и то черно-фиолетового, скорченного, размером с десятилетнего ребенка. Нам дали порванные шинели и плащ-палатки, в которые мы завернули останки и положили среди погибших.

Пришел Князьков, и мы осмотрели длинноствольный танк, который чуть не угробил нас и которого подбил Князьков. Лейтенант с удовольствием ковырнул три оплавленные дырки и сообщил, что чешский танк Т-38 – машина сильная.

– Две дырки мои, а третья ваша, – сказал он и хлопнул меня по плечу.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – неловко пробормотал я. – Если бы не вы, накрыл бы он нас.

Насквозь бы прошил, – согласился Князьков. – У него пушка тонкая, всего 37 миллиметров, но жалит, словно гадюка. Поэтому головой в бою вертеть как флюгером надо. Вы вперед устались, а он сбоку появился. Наверное, раздумывал: вас или трехдюймовку в первую очередь бить. Ударил по ней. Так что считайте, вам вдвойне повезло.

Мы заглянули внутрь через искореженный передний люк. Пахло жженым мясом. Весь экипаж танка, видимо, погиб. Три снаряда за полминуты – не шутка! Возле старой трехдюймовой «полковушки» с деревянными колесами возились артиллеристы. Бронебойный снаряд наискось пробил верхнюю откидную часть щита и напавал убил наводчика. Тело уже унесли.

Потом снова раздался гул самолетов. Мы побежали к лесу, но поняли, что не успеем. Бросились все втроем в воронку от вчерашней бомбы. Говорят, в одну воронку два раза не попадают. «Юнкерсы-87» пикировали едва не до земли. Хоть убей, не могу вспомнить, ревели ли сирены в первый день, но сейчас «лаптежники» пикировали с таким воем, что я, не помня себя, врылся по плечи в рыхлую землю. Вой буквально разрывал мозг, лишая меня разума. Кажется, я скулил, кричать мешала земля, забившая рот. В эти минуты я по-настоящему понял, что такое страх на войне.

Молодые верят, что бессмертны. Наверное, чаще так и бывает. Но в те минуты, особенно когда неподалеку грохнул взрыв, я понял, что живым с этого поля не выберусь. Кому понадобится хоронить мертвых? Неужели нельзя было дожидаться темноты? Грохотало, выло совсем рядом. Я выдернул голову из земли, чтобы хоть увидеть свою последнюю секунду. Но увидел другую картину. Мелкие и крупные комья земли плясали, подпрыгивали по всей окружности воронки, скатываясь вниз. Конопатого Гришу засыпало по пояс, и он греб под себя еще комья, влипнув лицом в землю.

Князьков матерился, свернувшись в клубок, и дергал из кобуры наган. «Юнкерс» промелькнул прямо над воронкой. Огромный, с изогнутыми крыльями и торчащими, заостренными, как шпоры, шасси, он на долю секунды закрыл полнеба.

– А-а-а! – кричал Князьков и махал наганом. – Долетаешься, сука!

На вершине воронки появился красноармеец в расстегнутой шинели. Возможно, один из артиллеристов. Он хотел спрыгнуть к нам, но неведомая сила смахнула его, и он исчез в

одно мгновение. Мне показалось, что это какой-то призрак. Дальнейшее происходило одновременно. Снова раздался грохот, и одна стена бруствера обрушилась стеной на нас. Меня завалило по грудь. Что творилось с лейтенантом и конопатым Гришей из первого взвода, я не видел. С неба опадала завеса пыли, дыма, горящих лохмотьев, потом рядом плюхнулось что-то тяжелое. Я лихорадочно разгребал землю, вырываясь из ловушки, которая могла затянуть меня еще глубже. Почувствовал теплую руку.

– Волков, ты? – кричал лейтенант.

– Я, товарищ...

Слово «лейтенант» произнести не удавалось. Я продолжал раскапывать землю вокруг себя. Попадались целые шматки дерна, килограмма по три. Как меня не пришибло? А может, и ударило, но спас танкошлем. Наконец я докопался до колен и выдернул сначала одну, затем другую ногу. Тьма немного рассеялась, лейтенант тоже вылезал из земляной ловушки. Грудь раздирали кашель. Я понял, что меня душит гарь от взрывчатки. Кое-как помог Князькову и полез вверх, подтягивая его за собой. Оба кашляли и отплеывались. Где-то рядом оставался Гриша из Таганрога, но я чувствовал, что если не выберусь, то через минуту просто задохнусь.

Мы вывалились через брустер и катались по земле, откашливаясь, выплевывая яд взрывчатки. Сильная тошнота выворачивала желудок, который был пуст, но мне казалось, если вырвет, то сразу станет легче. Я сунул два пальца в рот. Вышло немного воды с зеленью, а во рту нестерпимо горчило, словно я наелся хины.

– Двигайся, шевелись, – бормотал взводный, стоя на коленях и пытаясь подняться.

Весь облепленный землей, он был похож на негра. Рукав кожаной куртки болтался на нитках. Он сорвал куртку, а я телогрейку. Рванул воротник гимнастерки, душивший меня. Кроме нас, возле бруствера лежал красноармеец в распахнутой шинели. Значит, это не призрак и я не свихнулся? Мы кое-как приходили в себя, а боец громко повторял:

– Вам бы воды, а лучше перегонки... стакан... целый.

Он был контужен и кричал во весь голос.

– Там еще один наш боец. Завалило, – в три приема объяснял я. – Вытащить бы...

– Руку вывихнул, – снова запричитал красноармеец, показывая неестественно вывернутую кисть. – Можжит, сил нет. Врача надо, пропадет рука...

– Не скули, – оборвал его Князьков. – Найдем кого-нибудь, вправят.

Немного в стороне пронесся еще один «Юнкерс», стреляя из пулеметов. Я проводил его равнодушным взглядом. За нами пришли ребята из роты и привели на позицию. Гришу из Таганрога откопали уже мертвого. Тихомиров налил лейтенанту и мне по стакану разбавленного спирта. Я запил его водой, и меня вырвало.

– Добро переводит, – бубнил кто-то рядом, но я словно уплывал.

Очухался вечером, уже в темноте. Принесли котелок перловки, но меня воротило от запаха еды.

– Чаю бы...

Паша Закутный принес кружку теплого подслащенного чая. Я мелкими глотками кое-как выпил его. Горло и грудь нестерпимо жгло.

– Спасибо, Паша.

– Не за что. Может, поешь?

– Нет. Мутит. Дай бог, чтоб чай назад не вывернуло.

– Повезло вам с лейтенантом. Рядом трое ребят из полка бежали. От них одни ошметки остались.

– Фрицев отбили? – с трудом произнося слова, спросил я.

– Фрицев? Они сами отошли и на другом направлении прорвались. Они теперь и спереди, и сзади.

– Ничего, – бормотал я, теряя зыбкую нить сознания.

Потом заснул. Ночью меня в караул не будили, и я проспал в окопе под танком на подстилке из еловых веток, закутавшись в шинель.

Что такое один полк или батальон в масштабах тех осенних дней сорок первого года? Когда число погибших, попавших в плен наших бойцов и командиров исчислялось немислимыми цифрами, которым бы мало кто поверил. Да и узнали мы эти цифры много лет спустя.

Войска 3-й, 13-й, 50-й армий обороняли юго-западные подступы к столице. Я позволю себе обратиться к историческим документам, чтобы яснее понять ситуацию тех дней. Кто-то может найти неточности, ибо история Великой войны за прошедшие две трети века переписывалась не единожды, в угоду приходящим к власти правителям.

30 сентября 1941 года Вторая танковая группа генерал-полковника Гудериана в составе 15 дивизий, из которых – 10 танковых и моторизованных, начала наступление на Орел и Брянск. Его поддерживали почти все силы 2-го воздушного флота.

Действующая здесь 13-я армия Брянского фронта сражалась героически, но противник, используя громадный перевес сил, к исходу дня прорвал оборону и вышел ей в тыл. Первого октября части 2-й немецкой армии генерала Вейхса прорвались в полосу 50-й армии.

Третьего октября моторизованные соединения противника ворвались в Орел и двинулись дальше на Тулу. Шестого октября был захвачен Брянск. Войска Брянского фронта оказались расчлененными на части, а пути для отхода 3-й и 13-й армий перекрыты.

Пока я спал, к нам пробилась танкетка офицера связи армии, который, кроме приказов высокого начальства, сумел провести несколько грузовиков с боеприпасами, сухим пайком и горючим. Утром мы загружали танки снарядами и заливали баки бензином. Наш экипаж с удивлением убедился, что мы истратили в прошедшем бою лишь пяток осколочно-фугасных снарядов, зато щедро высадили запас бронебойных.

Механики-водители почти всю ночь не спали, ремонтировали Т-34 и возились с двигателем Т-26. Командир полка прислал на помощь двух бойцов, разбиравшихся в тракторах. Башню «тридцатьчетверки» кое-как укрепили, хотя угол поворота остался таким же узким. Двигатель Т-26 ремонту не поддавался, требовалась разборка и новые запчасти. Иван Войтик плевался и предрекал, что сцепление полетит через сто метров.

– Встанем посреди поля, и амбец! Бей нас, пока в головешки не превратимся.

– Ты, Ванька, чем орать, лучше бы доломал свои железяки, – тихо посоветовал Прокофий Шпень. – Сделали бы из танка огневую точку, а тебя в запас.

– Какой хрен запас! Винтовку бы сунули, и вперед. Бей фашистов! Пехоты не хватает.

– Да и со жратвой не густо! – поддержал его кто-то из ребят.

Мы ели хлеб с комбижиром и селедкой. Комбижир был противный, вонял коровьей шкурой, крошился и на хлеб не намазывался. Харчи мы запивали все тем же иван-чаем. О чае позаботились танкисты постарше, заявив, что без горячего нельзя. Они же предупреждали молодняк, чтобы не наваливались на комбижир – пронесет после голодухи. Некоторые не послушались и, наглотившись серых крошащихся комочков, начали бегать после еды в кусты.

Вернулся с совещания командир роты Тихомиров. Сообщил, что ожидается немецкое наступление, но мы пока остаемся в резерве. С запозданием раздали смертные медальоны – пластмассовые карандашники. Некоторые записывали свои адреса, молодые оставляли листы на прикурку. Над Иваном Войтиком, который старательно записал все данные о себе и адрес семьи, кто-то начал подсмеиваться. Иван молчал, старательно слюнявил химический карандаш, потом отбрил молодого:

– Чего рот щеришь? Если меня убьют, жене да детям хоть какая-то помощь от властей будет. Пусть овса мешок или ржи необмолоченной, но с голодухи не помрут. Мне с четырьмя

детьми никак нельзя без вести пропадать. Понял? А тебе фугасом башку сорвут – и будешь без вести пропавшим числиться. То ли дезертир, то ли еще непонятно что.

Белорус говорил с такой убедительностью, что смешки прекратились. Командир танка, молодой старший сержант, поддержал своего механика:

– Если пустой лист оставишь, думаешь, судьбу обманешь? Хрена с два. Она у каждого наперед записана до последней строчки. У нас под Смоленском один такой ум ник был. Как бой, так у него двигатель едва фурычит. За других прятался. А «юнкеры» с тылу заходить любили. Как врезали «соткой», от экипажа и танка, считай, ничего не осталось. – Сержант вздохнул и добавил: – Жалко ребят.

Я так и не понял, было ли сержанту жалко командира и башнера или весь экипаж вместе с трусливым механиком. Хотя чего там трусливый? Желających рваться вперед, лоб подставлять – немного.

Механик-водитель из первого взвода, коротконогий, округлый, как медвежонок, тоже рассказал про судьбу:

– А вот нам повезло. Под Оршей прямо в башню болванку вклепили. Насквозь, – он оглядел нас, чтобы мы прочувствовали серьезность ситуации. – И не маленькую, а миллиметров пятьдесят. Шарахнуло так, что в момент оглох. И что вы думаете? Прошла гадина между командиром и башнером. Командира тоже слегка оглушило, а башнеру мелкими осколками, как кошка лапкой, кожу на лице оцарапало. И снаряды не сдетонировали. Две бронебойные головки вышибло – все наши потери. Случается же такое, а?

– Везучие, – согласился Войтик.

– Я и говорю. Повезло.

– А дальше что было? Экипаж у тебя вроде другой.

– Дальше худо было, – механик печально покачал головой с короткой шеей. – Через день снова снаряд поймали. И что обидно, мелкий, наверное, 37 миллиметров. Но в упор. Врезало крепко, аж дым пошел. Думал, горим. Успел выскочить, «бэтэшка» подымила, да перестала. Ну, я полез, а там... Все в кровище. Рука валяется, кому-то живот разорвало. Погибли смертью храбрых товарищи мои.

– Дурак ты, – сказал Шпень. – Какое уж тут везение? Ты со своей круглой мордой уцелел, а ребят на куски. Да еще танк бросил.

Механик стал оправдываться, что заглох мотор, и оставаться в танке было нельзя.

– Но я быстро вернулся!

– Медаль тебе на задницу.

Рассказ круглолицего нам не понравился.

Мы практически не отходили от своих машин, мельком перебрасываясь несколькими словами друг с другом. Когда выдалось несколько свободных минут, сели перекурить с Пашей Закутным и Федей Садчиковым. Более спокойно обсудили вчерашний бой. Говорили откровенно, у кого что накопилось.

– Хотите верьте, хотите нет, – горячо убеждал нас Паша, – а я в бою не боялся. Перед этим тряся, чуть в штаны не напустил, а потом как обрезало. – Стрелял ты или Князьков?

– Князьков, кто же еще! Он метко садит. Чешский танк прямо в лоб уделал. А у того броня, наверное, усиленная. И вторым снарядом добил. Когда в воронке его чуть не завалило, попроще стал. Он и наган там потерял. Страшно, когда землей живьем заваливает.

– Не то слово, – отозвался я. – Когда по грудь засыпало, да еще гари надышался, думал, не выберусь...

– Тебя лейтенант хвалил. Рассказывал, как ты ему помог. А Гришку из Таганрога живьем засыпало. Жуткая смерть.

Помолчали, вспомнили своих. Потом самый опытный из нас, Федя Садчиков, сказал, что немецкие танки не лучше наших.

– Горят, как спички. Но подготовка добрая. Помните, как они подбитый танк эвакуировали? Видать, тренировались не раз. Подцепили в момент, дымовую завесу поставили, а остальные танки огнем прикрыли. Так мы и упустили фашиста. Нам этим вещам учиться надо. А мы с тобой перли, вылупив глаза. Нас чешский танк едва в боковину не уделал. Спасибо Князькову. Здесь я, конечно, прозевал, а наука для всех.

– Танки у них не такие уж страшные, – сворачивая очередную сигарку, согласился Паша. – С этими, считай, на равных. Но мы еще с тяжелыми Т-4 не сталкивались. У них броня тридцать миллиметров и пушка семьдесят пять.

Паша лучше всех знал технику. И нашу и немецкую. По крайней мере, теоретически.

– «Сорокапятка» метров за пятьсот его возьмет, – предположил я.

– В лоб вряд ли. Это же не мишень. Наклон брони, дополнительная маска у пушки. Да и броню фрицы могли нарастить.

– Целиться надо лучше, – сказал Садчиков. – Прошибем мы его, если попадем куда надо. Ладно, чего гадать. Встретимся – увидим.

Паша Закутный вдруг вспомнил институт и девушек нашего факультета.

– А ведь бегали они за мной. Правда, Леха?

– Бегали. Ну и что? Чего сейчас хвалиться.

– Просто жалею. Среди них такие были... ну, согласные. Они уже с другими парнями до этого жили. Мне открыто намекали, а я боялся. Вспоминаю, вот дурак был. Сгоришь, как головешка, и не узнаешь, для чего женщины на свете существуют. И Зинку Салину зря упустил.

Помолчали, потом пошли к своим танкам. Тем более мы оставили возле машины одного водителя Прокофия Шпеня. Тот жевал сухарь, мокая его в кружку с водой. Предложил и нам, но мы отказались. Механик сообщил, что слышал орудийный гул на северо-востоке. Значит, нас обошли?

– Необязательно, – авторитетно ответил наш командир, Федор Садчиков. – Линия фронта извилистая.

– Лучше б она к западу извивалась, – неожиданно захохотал Прокофий и уронил огрызок сухаря на траву.

Поднял, обдул и снова принялся грызть. Мы тоже попросили, а пока грызли, насчитали целую армаду двухмоторных «юнкерсов», плывущих правильным клином на восток. Мы насчитали тридцать шесть бомбардировщиков и штук десять истребителей.

– Вот где-то шарахнут. Не повезет ребятам.

– Зато нам везет, – огрызнулся кто-то. – Могилы рыть не успеваем.

А вскоре немцы снова навалились на полк Урусова.

Штук пять танков на скорости обстреляли линию обороны. Потом отступили и, маневрируя, принялись настойчиво долбить позиции фугасными и осколочными снарядами. Урусов дал команду не отвечать до особого сигнала. Танки совсем обнаглели. Разбили «сорокапятку», накрыли несколько стрелковых ячеек, а потом вклепили фугас в командный пункт батальона. Был убит один из опытных комбатов и двое-трое помощников, находившихся вместе с ним.

Разозлившись, Урусов приказал открыть ответный огонь.

Немецкие танки попятились назад. Но влезли слишком близко. Трехдюймовая пушка Ф-22 врезала бронебойным снарядом в верхнюю часть башни Т-3, снесла перископ. Танк рванул назад, как пришпоренный, успев выстрелить в ответ. Но танкистов, видимо, оглушило тяжелой болванкой, и панцер едва не перевернулся. Все это происходило недалеко от нас, и мы хорошо видели в прицелы, что происходит. Могли и сами открыть огонь, если бы не запрет.

Следующие снаряды ударили в борт и колеса. Из люков посыпались танкисты в маленьких круглых шлемах-колпаках. По ним стреляли из «максима» и винтовок. Двое упали, остальные, пригибаясь, убегали прочь. Танк быстро охватило пламя. Еще один Т-3 получил броне-

бойным вскользь. Вмяло половину бокового люка, но добить его не удалось. Танки на скорости уходили прочь, прикрываясь клубами густой дымовой завесы грязно-белого цвета. Но свою задачу они частично выполнили. По обнаруженным артиллерийским позициям и окопам ударили гаубицы и минометы. Наши орудия тоже отвечали, но большинство немецких стволов вели огонь с закрытых позиций. Передовая окуталась дымом. Раз два раздавались особенно сильные взрывы. Снаряды или мины накрывали окопы с боеприпасами.

Примерно через час прибежал знакомый нам помощник командира полка по разведке, капитан Безуглов. Переговорил с Тихомировым, потом собрали роту. Капитан, покрытый копотью, со ссадиной на скуле, говорил быстро, оглядывая нас всех, стоявших полукругом.

– Ребята, теперь ваш черед. У сволочей боеприпасов хватает. Бьют без перерыва второй час 105-миллиметровые гаубицы и минометы. Сколько их, точно не знаем. Гаубиц, судя по всему, штук шесть, а минометов не меньше десятка. Еще час такой пальбы, и мы останемся без артиллерии и пулеметов. Я уже про бойцов не говорю. Теряем людей. Если фрицам пасть не заткнуть, они нас голыми возьмут. Саперы уже толовые шашки к гранатам прикручивают. В общем, было решено ударить нашей ротой с фланга, сделав круг километров пять.

– У вас ведь семь танков. Боеприпасов хватает. Даем десант – семьдесят человек. С ручными пулеметами, гранатами.

Все это пахло обычным самоубийством. Если бы там были только гаубицы и минометы! Кроме них, наготове танки, противотанковые пушки. Но и другого выхода не оставалось. Если не нанести контрудара, немцы нас сомнут наверняка.

– Приказ мы выполним, – заговорил Тихомиров. – Но в роте всего шесть исправных танков. Десант пригодится. Когда мы начнем бой, поддержите нас.

– Поддержим. Пойдут в атаку первый и третий батальоны. Вернее, то, что осталось.

Свой второй бой я принял именно в этот октябрьский день. Он, как зарубка на теле, остался на всю жизнь.

ГЛАВА 4

Фланговый обход оказался даже короче пяти километров. Немцы даже не прятались. Мы сняли с ходу две легкие пушки, которые успели выстрелить раза по три. Танки остались невредимыми, зато с брони Т-34 смахнуло снарядом сразу двоих десантников. Разбросало по частям, руки, ноги, винтовки. Потом ударили пулеметы, и десант стал спрыгивать на скорости сорок километров на землю. Сколько их побило пулями, а сколько покалечились – неизвестно. Нам было уже не до пехоты.

Тихомиров со скрежетом смял одну, а Князьков вторую пушку. Пулеметы обоих танков валили на землю артиллеристов. Наш танк шел третьим. Немец в серой непривычного цвета шинели, в каске, затянутый поясом как в строю, метнулся прочь. От пулеметной очереди ушел, но Прокофий, повернув танк, ударил его корпусом, забросив под гусеницы. Танк от толчка вздрогнул. Мы не ожидали такого сильного удара тела о многотонный корпус. А потом под гусеницами захрустело. Со всех сторон стреляли. Мы с Федором тоже пальнули наобум и лишь затем увидели цель.

Три гаубицы с закругленными сверху щитами стояли в ряд в орудийных окопах. Одна еще вела в горячке огонь по нашим позициям, а две лихорадочно разворачивались. Тихомиров снес трехдюймовым фугасом ближнюю гаубицу. Мы с Федором стреляли бронебойной болванкой, да еще с ходу. Конечно, промахнулись. Сколько метров оставалось до орудийных окопов? А главное, сколько времени требовалось немецким артиллеристам, чтобы повернуть в нашу сторону толстые стволы с набалдашниками? Эти штуковины своими пудовыми снарядами разнесут нас в клочья.

Снаряд, уже осколочный, рванул метрах в пяти от колеса гаубицы. Второй взорвался под стволом, встряхнув тяжелый корпус. Снаряды сыпались градом. Мы так и не попали в гаубицу, но пулеметные очереди смахивали артиллеристов, а потом кто-то все же всадил снаряд прямо в щит. Шпень, перевалив через бруствер, раздавил гаубичные станины вместе с двумя артиллеристами, шевелящимися между ними.

– Суки... сволочи фашистские!

Танк уткнулся в крутую стенку окопа. Федя приказал мне быть наготове возле пушки, сам высунулся в люк. Шпень крутнулся, нашел пологий выезд из капонира, но увидел двух немцев, забившихся в узкий окопчик. На экипаж полагались два нагана, но ни командиру танка, ни механику их не выдали. Имелся только пулемет и гранаты Ф-1. Шпень остановил танк, а Федя крикнул мне:

– Бей из пулемета!

Пулемет до немцев не доставал, они были в мертвом пространстве. Я забыл про гранаты и лупил длинными очередями поверх голов артиллеристов. Скорчившись, они прикрывались ладонями и локтями, как от дождя. У меня кончился диск, и я торопливо вставлял запасной. Немцы с запозданием вымахнули из окопа. Один, поопытнее, перекатился через ров. Второй, пригибаясь, бежал. Очередь догнала его, он взмахнул руками и исчез.

Если с тремя гаубицами мы справились с налета, без потерь, то дальше началась мясорубка. Задержался, потеряв ход Т-26 Ивана Войтика. Двигатель выдержал три-четыре километра ходу, а теперь скрежетал так, что слышно было сквозь стрельбу. Гаубиц поблизости я не видел.

Только пулеметное гнездо и двойной окоп с минометами. Т-26 остановился, не доехав до окопа метров двадцать, и открыл огонь из пулемета. Куда он стрелял, я не видел, но зато отчетливо разглядел, как снаряд рикошетом задел цилиндрическую башню старого Т-26 и сорвал с креплений.

В смятой, лопнувшей от удара башне зияла щель толщиной с руку. Откинулся люк, и показалась голова командира танка. Упираясь локтем в край люка, он с трудом перебросил тело наверх. Там же Войтик? Жив ли он? Но времени разбираться не было. По нам в лоб бил станковый пулемет, вылетело несколько гранат. Мы раздавили пулеметное гнездо и неслись в сторону минометного окопа. Оттуда выскакивали солдаты. Кажется, я успел прошить одного очередью, но увидел повернутую в нашу сторону гаубицу. Это был второй взвод немецкой батареи – три такие же гаубицы, но уже готовые встретить нас.

– Стой! – крикнул я Прокофию, собираясь стрелять.

Шпень вместо этого крутнулся и дал газ. Крутой вираж спас танк и всех нас. Попал бы я в гаубицу – неизвестно. А тяжелый снаряд пронесся так близко, что воздушная волна хлопнула по броне, словно огромным деревянным чурбаком. Недостаток немецких гаубиц, как и наших отечественных, – сравнительно долгое раздельное зарядание. Чтобы забить снаряд, а затем гильзу и прицелиться, требуется 8 – 10 секунд. Я знал это, когда Федор Садчиков ловил гаубицу в прицел, а Прокофий Шпень приостановился.

– Быстрее!

Наша пушчонка с ее полутоннажным снарядом не подвела. Возможно, это был первый удачный выстрел. Фугасный снаряд пробил щит и взорвался, раскидав расчет. Оставшиеся две гаубицы ударили одновременно. Мчавшаяся впереди «тридцатьчетверка» старшего лейтенанта Тихомирова получила снаряд в лоб. Башню перекосило, танк остановился. Вторая гаубица ударила командира первого взвода. Фугас разорвался, сминая броню над пушкой, а орудие свернуло набок.

Князьков, Федор Садчиков и еще один танк лихорадочно били по гаубицам. Следующий залп гаубицы дадут через десять секунд. Преимущество «сорокапятки» заключалось в том, что мы могли выпустить за это время по три снаряда. Даже если плохо слушаются руки – по два. В любом случае преимущество у нас пока имелось. Если не промахнемся. У одной гаубицы оторвало колесо, отбросило в сторону наводчика. Чей-то снаряд, смахнув верхушку брестера, взорвался в глубине оружейного окопа. Кто-то сгоряча пустил бронебойную болванку. Маленькая круглая дырка в краю щита, и крик смертельно раненного человека. Одна из гаубиц одновременно со взрывом, ударившим прямо под щитом, все же успела выпустить пудовый фугас. Прицел сбило, но снаряд взорвался рядом с танком нашего взводного Князькова, распоров осколками броню и выбив вместе с куском гусеницы ведущее колесо.

Неужели убили Пашку? Нашего лучшего студента, будущего ученого и самого близкого мне человека? Но я не мог даже оглянуться. Оставшиеся танки шли вперед, и нас догоняли десантники. Немецкий бронетранспортер пяtilся, прячась за дерево. Он поджидал, когда мы подставим борт под его крупнокалиберный пулемет. На расстоянии сотни шагов он пропорет нас бронебойными пулями или издырявит сверху вниз тонкую крышку трансмиссии.

Я развернул башню, и Федор выстрелил на ходу. Снаряд пробил самый верх бронированного корпуса, а бронетранспортер ударил по нам сразу из двух пулеметов: крупнокалиберного и обычного МГ-34. Пули хлестали по броне с такой силой, что я невольно сжался. Брызнула разбитая фара, закричал Шпень:

– Он нас прикончит!

Одна из десятков пуль влетела в смотровую щель. Мы выстрелили снова. Попали, нет? Бронетранспортер с ревом несся прочь. Третий снаряд ударил в задний борт. Взрыва мы не услышали, значит, врезали бронебойным. В любом случае кому-то из сидящих в открытой коробке не поздоровилось. Мы влетели на поляну вместе с «бэтэшкой» третьего взвода. Грузовик ломился сквозь кусты, уходя от нас. Тебя-то мы не упустим!

Осколочный снаряд разнес угол дощатого борта. Вместе с обломками досок взлетел разлохмаченный в клочья брезентовый верх. Выпустили еще два снаряда, один за другим. Взо-

рвался и вспыхнул двигатель. Мелькали фигуры разбегающихся немцев. Я выпустил вслед весь магазин, кого-то свалил, но большинство фрицев скрылись в кустах.

Откинув люки, высунули головы. Грузовик горел, как копна сухого сена. В проломе кузова лежало тело, свесив вниз руки и голову. Еще один труп в луже горящего бензина корчило огнем. Задним ходом Прокофий выбрался из зарослей. Может, бой уже кончился? Треснул винтовочный выстрел. Пуля звякнула по щиту, заставив нас мгновенно нырнуть вниз. Мы ответили на выстрел двумя снарядами и пулеметной очередью. Набирая ход, протаранили полевую кухню, лошади, почти с человеческим криком, в страхе неслись прочь, таща на одном колесе кухню, откуда толчками выливалось густое варево.

– Танки!

Это крикнул Федор или подумал я? Где-то должны быть сволочные фашистские танки, которых мы разнесем с ходу. Но танков мы не увидели, а из-за поворота на большой скорости вывернулся легкий вездеход и пронесся мимо нас. Я с опозданием выпустил остаток диска, наверное, попал, но вездеход, не снижая скорости, исчез за следующим поворотом.

Бой затихал, хотя еще хлопали редкие выстрелы. Федор приказал механику заглушить мотор. Минуты три мы вслушивались. Осторожно двинулись дальше. Увидели БТ-5 из второго взвода. Из люка нам помахал сержант, командир танка. Второму взводу крепко не повезло в первом бою. Сгорели сразу два танка из трех, зато оставшийся БТ-5 благополучно пережил сегодняшнюю заварушку.

– Никого не видно? – спросил я.

Сержант покачал головой. Наверное, ошарашенные боем, мы не поняли друг друга. Немцы отступали, прикрываясь минометным огнем. Мы увидели несколько машин километрах в двух и выпустили в них с десятков снарядов. Азарт боя нас не отпускал. Тем более вокруг снова наши десантники и приближались пехотные цепи полка. Мы радостно кричали, приветствуя бойцов, размахивали над головами шлемами. Но вскоре настроение у нас изменилось.

От первой роты 171-го отдельного танкового батальона осталось всего три танка. По одному в каждом из взводов. Пройдет время, и я буду спокойно смотреть на батальон, в котором остаются после боев по пять-шесть машин, а три уцелевших танка в роте будут казаться целым подразделением. Но два первых боя, после которых уцелели три танка из десяти, ошеломили нас.

Погиб командир роты Тихомиров, хороший, смелый человек. Наша гордость, «тридцатьчетверка», горела, а башня, отброшенная взрывом боезапаса, валялась рядом. От БТ-7 командира первого взвода после прямого попадания гаубичного снаряда осталась сплюснутая башня и дымящийся корпус. Из экипажа никто не уцелел. «Бэтэшку» нашего взводного, с развороченными колесами и сорванной гусеницей, завалило набок. Погиб механик-водитель. Лейтенант Князьков и Паша Закутный отделались контузиями и синяками.

Среди раненых лежал механик-водитель командира роты Шарафутдинов, весь в крови, словно его окунули в лужу с бурой краской. Мы успели привыкнуть к добродушному, смешливому татарину, не подходящему по своей огромной комплекции в танкисты. Шараф, как мы, был из недоучившихся курсантов. Но еще до войны он работал на тракторе, а в училище освоил вождение Т-34. Наверное, Шарафутдинов был умелым механиком, поэтому Тихомиров взял его к себе. Он был в дружбе с командиром роты, но не выделялся. Шараф, как правило, знал обстановку лучше нас, а когда мы его спрашивали о чем-то, то он не делал из событий великой тайны: когда ожидается наступление или когда привезут боеприпасы и еду. Сейчас сержант, перемотанный бинтами и полосками натальной рубашки, тяжело дышал. В него попало не меньше десятка осколков.

– Иван... я жить буду? – с трудом спросил он у Войтика, признанного специалиста в медицине.

– Будешь. Конечно, будешь, – и чтобы убедить тяжело раненного Шарафа, стал перечислять: – Кровь изо рта не идет, значит, легкие не пробиты. Голова так, вскользь. А мясо зарастет.

– Врешь ты, Ванька...

– Ей-богу, – перекрестился Войтик. – Кто угодно подтвердит.

Но Шараф, не слыша его, закрыл глаза. Наверное, потерял сознание.

– Правда, выживет? – спросил я.

– Должен бы, – уже менее уверенно пожал плечами белорус. – Здоровый мужик. В санбат его быстрее надо.

Мы обнялись с Пашей Закутным.

– Живой, Пашка?

– Угу. Только мордой о казенник крепко приложило. А вообще, повезло. Как вспомню – жуть берет. Сверкнуло, грохнуло, танк как в стену врезался. Осколок у меня под мышкой прошел. Вот здесь... телогрейку порвало. И гильзу снарядную пробило. Порох почему-то не загорелся, поэтому мы с лейтенантом и уцелели. А нашего механика наповал. Жаль его. Хороший парень был. Хочешь, я тебе тот снаряд принесу? Сейчас...

Он вырвался, пошел к танку. Его шатнуло, и я посадил Пашу Закутного на траву. Князьков, в обычной, туго подпоясанной гимнастерке, с трофейной кобурой на поясе, обнял нас с Федей.

– Живы, ребята?

– Живы.

– Молодцы. А Ивана Лукьяновича даже из танка достать не смогли. Какой человек! Финскую прошел, медаль имел... Как у вас машина?

– Нормально, – козырнул Князькову, как командиру роты, Федя Садчиков.

– Перегружай снаряды из моего танка и сливай горючее. Я к вам перейду. Не возражаете?

Вопрос был формальный. Может быть, мы и возражали, привыкнув к своему экипажу без всяких лейтенантов. Но Князьков был командиром и мог находиться в любом танке.

– Никак нет, – кисло отозвались мы.

Взводный это заметил, но промолчал. Знал, что ребята его недолюбливали. Но война уже что-то меняла в наших отношениях. Потом все вместе подошли к телам командира взвода и башенного стрелка, накрытых шинелями. Для них и других погибших уже торопливо копали могилу.

Чудом уцелел Иван Войтик. Я потрогал смятую, лопнувшую от удара гаубичного снаряда башню, сорванную с креплений. Из танка уже выгрузили снаряды, слили остатки горючего и, как я понял, готовились сжечь.

– Толку с его нэма, – не скрывал радости Иван, что ему больше не сидеть за тонкой броней. – Даже колеса не проворачиваются.

Пехота активно собирала трофеи. Включились в это дело и мы. Я хотел найти пистолет, но пистолеты расхватали. Выдернул из-под трупа автомат. В подсумках и за голенищами укороченных кожаных сапог нашел четыре запасных магазина. Пока разглядывал мундир и нашивки убитого немца, Войтик ловко стянул сапоги и переобулся. Федя пошел со мной к гаубицам. Прокофий, оставленный караулить танк, возмущался. Он тоже рвался за трофеями.

– Водки поищите и пожрать, – кричал он. – Сапоги мне фрицевские найдите. Сорок третий размер... и автомат.

Мы отмахнулись. Автоматы и шнапс тоже расхватала пехота, вернее, наш десант. Мы осмотрели гаубицы. Наши снаряды хоть и повредили их, однако разбить до конца не смогли. Немцы убегали резво, но замки с гаубиц снимали. С одной снять не успели. Федор, осмотрев ее, сказал, что хоть прицел и разбит, но стрелять можно. Кругом лежали трупы. И наши, и немецкие. Из башни танка я видел только свои цели, а о жестокой схватке десантников, которых мы подвезли на броне, мог только догадываться.

Что осталось в памяти? Почти все немецкие трупы были сплошь изрешечены, исколоты штыками. Немцы были в касках, и раза два я находил возле трупов наши трехлинейки с разбитыми прикладами. Братья-славяне, не жалея ни себя, ни оружия, расплачивались за отступление, смерть товарищей, пережитые бомбардировки. Разбивали в щепки приклады о добротные фашистские каски с орлами, а взамен забирали трофейное оружие.

Бойцы, оживленные, хорошо хватившие шнапса, перебивая друг друга, вспоминали моменты боя. Оказывается, Ивана Войтика едва не застрелили. Вылезая из танка, он захватил наган убитого командира. Немцы, пробегая мимо, вначале не обращали внимания на лежавшего русского танкиста. Потом один остановился и, подмигнув маленькому белорусу, вскинул винтовку.

Как куму подмигнул, когда водку наливают, – рассказывал Иван Войтик. – А сам гадюка четырех моих детей сиротами хотел оставить. Испугался я. Что наган супротив винтовки? А пальцы сами на курок давят. Стрелял, сколько патронов в барабане было. У брюхо, у грудь ему попал. Расстояние-то пять шагов. А ен весь в дырках, ползти пытается. Часы у его забрал и ножик складной.

– Чего ж сапоги не взял? – спросил я.

– Так не догадался со страху. Другой кто-то стащил. Немцы оставили семь минометов, из них лишь один целый. Некоторые были разбиты нашими снарядами, а большинство фрицы взорвали сами.

– Знаешь, как взрывали? – спросил парень-десантник, «ехавший» в атаку на нашем танке. – Грамотно! В окопе миномет, и двое немцев гранаты в ствол вталкивают. По две штуки на ствол. Впихнут, и в другую половину окопа бегут, где второй миномет. Его тоже взрывают. А третий фриц из автомата шпарит, только обоймы успевает менять. Человек пять наших побил. Почти всех разрывными пулями. Взорвали оба миномета, карабины схватили, и все трое шмыг из окопа. Я прицелился в среднего, который с автоматом, в спину как вдарил. Он с копыт долой! Больше стрелять не стал, меня бы те двое убили. В окоп спрятался. Поглядели, потрясли они своего дружка-фашиста, автомат забрали и побежали дальше. Я подошел, пуля копчик ему размозжила и на выходе живот разорвала. Дышал еще. Я его штыком припорол, а в карманах губную гармошку и портсигар с голыми бабами нашел. Документы на всякий случай прихватил.

Еще рассказали нам, как погиб комиссар батальона, который возглавлял десант. Он повел группу бойцов добивать тягачи и убегающих немцев. Один тягач успел рвануть прочь, а две другие машины ждали, когда немцы вспрыгнут в кузов. Фамилия комиссара то ли Джухов, то ли Жухов. Осетин, кажется. Гранату бросил, а она от кузова отскочила и рядом с ним взорвалась, сшибла с ног. Он поднялся, пистолет хоть и выронил, а дверцу тягача открыл и водителя за волосы вытягивать стал. Тот пихается, рычаги дергает, а комиссар его тянет. Офицер, который рядом сидел, в лицо комиссару выстрелил. Наповал.

Сержант подскочил и гранату в кабину бросил. Кабину и водителя – в лохмотья. А офицер оказался ушлый, сумел удрать. Тех немцев, которые на тягачах смыться хотели, всех побили. Двоих в плен взяли. Сержант обыскал их и повел. Они просили пощады. А сержант по-немецки командует: «Геен зи» (идите, значит). Потом с пояса, одного из винтовки как шарахнет между лопаток. Второй обернулся, заплакал, а сержант повторяет: «Геен зи!» Затвор пере-дернул и шагов через пять, снова не целясь, в спину. Метко стрелял. Ни один, ни другой фриц не дернулся. Повернулся и пошел к своему отделению. Жестокая драка была, в плен немцев не брали.

– А тягачи? – спросил я.

– Два сожгли, остальные удрали. Гаубицу на прицепе уволокли. Хотели еще одну уволочь, но мы не дали. Наш сержант с «дегтярем» сбоку забежал и давай по кабине и мотору

садить. Еще ребята подросли. Гранатами тягач забросали. А вы, танкисты, хорошо дрались. Без танков мы бы ничего не сделали.

Вот так, с разных точек, описываю я свой второй бой. Можно сказать, что мы одержали победу. На поле боя немцы оставили, кроме минометов, пять разбитых и поврежденных гаубиц, два тягача, два грузовика и три раздавленные гусеницами легкие пушки. Мы насчитали сорок немецких трупов. Кроме трофейных винтовок, нам досталось штук семь автоматов. У немцев их было не так и много, как показывают в фильмах. Мы отбили три километра нашей земли. Но эту небольшую победу одержали в основном благодаря пехоте.

Наши семь танков, которые немцы разбивали один за другим, не могли сыграть решающую роль. Основную тяжесть боя взяла на себя пехота. Те восемьдесят десантников и два батальона, бежавших через поле нам на помощь. Вместе с окопами и капонирами снова рыли братскую могилу. Она показалась мне огромной. В нее уложили сто с лишним бойцов и командиров, включая нашего командира роты Ивана Лукьяновича Тихомирова и останки сгоревших танкистов.

Все тыловые повозки заполнили ранеными, они шли бесконечной чередой. Раненых сажали на передки разбитых пушек (эти передки уже были не нужны для артиллерии), легко раненные уходили, опираясь на палки и винтовки. Сколько их было всего? Даже примерно не скажу. Очень много. Ведь я только сейчас узнал, что батальоны навались на сильный пулеметный огонь с флангов. Все пулеметы мы раздавить не смогли.

Проводили мы и нашего механика-водителя Шарафутдинова. Единственное, что смогли для него сделать, – укрыть потеплее. Нашли две шинели и накрыли его. Сержант пришел в себя и попросил:

– Ивану Лукьяновичу хорошего водителя подберите... он лихой. Ему мастер нужен.

– Подберем, – ничему не удивляясь, заверили мы.

Иван Лукьянович Тихомиров, наш ротный, на глазах у Шарафа погиб. Видно, тяжелая у сержанта контузия была. Ничего не помнил. Дальнейшая судьба Шарафутдинова мне неизвестна. В хорошее мало верится. Сколько нас уцелело, кто осенью сорок первого воевал? Единицы.

Мы заняли новые позиции, а связной, примчавшийся из штаба дивизии или корпуса, привез приказ: «Держаться. Без команды не отступать». Такие приказы наши части получали каждый день, а то и по два-три раза. Выполняли или по крайней мере старались выполнять. К сожалению, вместе с приказом не прислали ни боеприпасов, ни еды.

Думаю, что к тому времени в полку, которым спокойно и разумно командовал похожий на Дзержинского полковник Урусов, осталось вместе с тыловиками не более пятисот-шестисот человек. Почти все интенданты, писари пополнили состав понесших огромные потери рот и взводов.

Азарт боя, оживленные рассказы о том, как мы врезали гадам, уступили место усталости, голоду и желанию спать. Мы вслушивались в гул артиллерии, доносящийся то слева, то справа, а часто за спиной, в тылу. Сразу в несколько сторон была выслана разведка: грузовик, несколько конных и два мотоцикла. Им также дали задание привезти из ближайших сел продовольствие.

Наши два уцелевших БТ стояли в неглубоких окопах, поближе к редким деревьям. Вокруг них сбились и безлошадные танкисты. Иван Войтик переквалифицировался в пулеметчика, сняв со своего разбитого, а потом сожженного танка пулемет Дегтярева. Теперь мы уже были не засада или резерв, а боевая единица полка: два танка и десяток пеших танкистов, которым предстояло оборонять участок с полкилометра шириной.

Понемногу, один за другим, мы заснули. Сон был недолгий. Опять налетели «Юнкерсы-87» в сопровождении истребителей. Позиции на новом месте толком не оборудовали, да и место, не считая редкого березняка и кустарника, было открытое. Снова посыпались бомбы, в том числе огромные пятисоткилограммовые. Сбросили несколько контейнеров с мелкими осколочными бомбами. Они рвались десятками, а вспышки и треск напоминали фейерверк. Только довольно жуткий. Осколки летели вниз дождем. Накрыло целый взвод. Я видел «максим» с расчетом, попавший под взрыв такой бомбы. Кожух пулемета был изорван в клочья, казенник разбит. Расчет, пытавшийся укрыться на дне окопа, так и остался лежать. Им досталось осколков не меньше, чем пулемету. Даже винтовки были сплошь во вмятинах, с расщепленными прикладами.

От разрывов тяжелых бомб было много контуженных. Люди уползали, уходили с трясушимися головами, глухие, ничего не соображающие. Опять рыли братские могилы. Потом налетели «мессершмитты», и с высоты двухсот метров на огромной скорости прострочили все из пушек и пулеметов. Снаряды попадали даже в мертвых, собранных у могилы, и убили несколько человек из похоронной команды.

От полка ничего бы уже не осталось, но Урусов выставил заслоны. Приводили группами по десять-двадцать красноармейцев, даже целые отступающие роты и остатки батальонов. Большинство были с винтовками, кое-кто с ручными пулеметами. Но все тяжелое оружие, включая «максимы», люди бросали на дороге. Многие срывали с себя командирские нашивки. Большинство хоть и не слишком охотно, но подчинялись приказу остаться на позициях полка. Другие упирались:

– Мы из другой дивизии. Останемся, а нас за дезертиров посчитают.

– Вы и так дезертиры, – отвечали им. – Бежите подальше от немцев, пушки, пулеметы побросали. Чем воевать будете?

Некоторые упорно твердили, что догоняют свои части. Другие жаловались на контузию. Третьи утверждали, что мы находимся в окружении и надо быстрее уходить, чтобы позже сосредоточиться в нужном месте, перевооружиться и восстанавливать линию фронта. Так грамотно говорил майор лет тридцати, с двумя «шпалами» на отвороте гимнастерки, в красноармейской пилотке и телогрейке без знаков различия. Капитан-особист, чернявый, как цыган, долго изучал документы майора.

– Ну и где ты будешь искать это нужное место? В Москве? Штабной, наверное? Обосрался со страху и нору ищешь.

Майор возмутился.

– Кто вам дал право «тыкать» старшему по званию? Отведите меня к командиру подразделения, я ему все объясню.

– У командира полка и без тебя дел хватает. Нарядился в пилотку и телогрейку, как клоун. А ты в шинели с портупеей и фуражке быть должен. Показывать пример подчиненным. А они у тебя зачуханные вроде тебя.

Майор, как я понял, был кем-то из штабных, вел с собой человек пятьдесят красноармейцев и двух лейтенантов. В группе были две повозки.

– Ладно, хватит разговоров, – скомандовал особист. – Берите свое шмутье из повозок. Они для раненых пригодятся. А ты, майор, веди взвод к начальнику штаба. Он тебе покажет место, где оборону держать. Попробуешь бежать – пристрелю.

Майор покраснел. Наш танк выдвинули вперед, и я наблюдал эту сцену.

– Без хамства нельзя?! – выкрикнул майор. – Я людей и оружие не бросил, а взводом, к вашему сведению, семь лет назад командовал!

– Снова поучишься, – грубо обрезал его особист и, заметив, что кое-кто из бойцов тащит из повозок продукты, рявкнул: – А ну, строиться! Командуй, майор, пока я другого вместо тебя не назначил, а тебя в рядовые не перевел.

Майор построил свою команду и повел в сопровождении нашего бойца к начальнику штаба. Он кипел от негодования, но команду исполнил молча. Конечно, проще было бы выставить майора в образе удирающего в тыл трусливого командира в немалом чине, да еще запасшегося продуктами. Но я слишком много нагляделся смертей за эти дни и не торопился судить людей. Я испытывал страх, но, когда что-то исполнял, страх забывался. Потом, проезжая мимо двух воронок, забитых трупами, снова почувствовал даже не страх, а самый настоящий ужас. Людей спешно хоронили, опасаясь новой бомбежки, и бросали в воронки как попало. Они лежали там безобразной кучей, с торчащими застывшими руками, ногами, скрюченные конвульсиями в клубок. Сверху бросали оторванные конечности, пропитанные кровью тряпки и торопливо закапывали.

Капитан осмотрел повозки. Там лежали ящики с консервами, сухари, сахар, что-то еще.

– Затарился, гад! – выругался матом особист. – Не обращая внимания на присутствующих бойцов и лейтенанта Князькова, отхлебнул раз и другой из десятилитровой канистры, держа ее на весу крепкими волосатыми руками. Выдохнул и, опустив канистру, попросил у сержанта-помощника воды.

– Спирт. Запить бы надо.

Запил, приказал сержанту наполнить фляжку спиртом. Нас в заслоне было восемь человек. Капитан с тремя помощниками, взводный Князьков и экипаж нашего БТ из трех человек. Капитан оказался мужиком понимающим. Приказал налить всем по пятьдесят граммов спирта, выдать по банке консервов на двоих, а остальное отправить в распоряжение заместителя начальника по тылу. Тушенку мы смолотили в один присест, а от спирта мир показался не таким уж страшным.

Задерживали мы и подозрительных. Трое в красноармейской форме были без документов. Капитан поспрашивал их, с час они лежали лицом вниз, под штыком часового. Потом особист пихнул ногой крайнего.

– На шпионов вы не похожи, но за брошенное оружие расстреливают. Поняли?

Всем троим было лет по восемнадцать-девятнадцать. Парни согласно закивали и стали оправдываться. Их направили в ближайшую роту. Произошел совсем дрянной случай, оставивший тягостное впечатление. Группа, человек двенадцать, не доходя до нас, остановилась на повороте. Бойцы сели вроде поправить обувь, затем торопливо зашагали к перелеску.

– Стоять! – крикнул один из помощников особиста.

Люди ускорили шаг, некоторые побежали. Захлопали выстрелы. Сержант-особист с пояса застрочил из ручного пулемета, а капитан скомандовал Федору Садчикову, сидевшему на краю люка:

– А ну, огонь по предателям! Из всех стволов.

В казеннике пушки был заложен бронебойный снаряд. Болванка с воем врезалась в подлесок, переломив несколько молодых осин. Федор ударил из пулемета. Позиция у него была более выгодная, чем у сержанта-особиста. Стрелял с высоты башни. И прицел у танковых пулеметов точнее. Федор выпустил весь диск, шестьдесят три патрона несколькими длинными очередями. Человек пять остались лежать в траве. Особисты ловили беглецов. Хлопали одиночные выстрелы. Видимо, добивали раненых. Назад привели двоих, остальные убежали. Все это время Федор курил, не глядя на меня, а потом буркнул:

– Иди, поветрись.

Я спрыгнул вниз. Особисты выворачивали карманы задержанных. Нашли листовки-пропуска со знаменитым немецким стишком «бей жида-политрука...» и призывами сдаваться. Допрашивали задержанных жестоко. Я впервые видел, как бьют сапогами людей. Не пинают, а бьют с такой силой, что у обоих что-то хрустело и екало внутри. Потом капитан приказал им встать. Оба были в крови. Один, сплюнув, разглядывал выбитый зуб.

– Ну, что скажете, защитнички? – усмехнулся капитан.

Мне показалось, что хлебнул он спирта из повозки майора изрядно, да потом еще добавил. Только кто особиста обнюхивать решится? Оба избитых, перебивая друг друга, заговорили, что искали свою часть, а побежали, потому что испугались. Кругом переодетые немцы. Они уже Брянск взяли, на всех дорогах германские танки. Один из задержанных был старшина со споротыми петлицами. По документам старшина числился призванным Глазуновским райвоенкоматом Орловской области.

– Три года в армии, а присягу позабыл, – пряча документы в карман, проговорил капитан. – Домой ты рвался. Почти дошел. Расстрелять!

– Постой, капитан, – быстро заговорил старшина. – Не надо стрелять!

– А что, орден тебе, сука, вешать? Сам бежал и десяток бойцов за собой тащил.

– Они из других частей. Не убивай нас, капитан! Я три года честно отслужил. На финской воевал, у города Линтула ранен был. Могу показать.

– Ну, покажи.

Старшина расстегнул шинель, задрал гимнастерку, рубашку и показал лиловый шрам на боку.

– Благодарность от товарища Сталина имею. Я пулеметчик, «максим» как пять пальцев знаю. Из «дегтяря» не промахнусь.

– А ты чем похвалишься? – спросил особист второго бойца.

Тот всхлипывал, с трудом сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, стал рассказывать, как немцы подавили танками их полк. Пленных колоннами гнали. В болоте целый день прятался.

– И большие колонны? – недобро усмехнулся капитан.

– Тыщи! – выкрикнул красноармеец.

– Паникер. Чего ж не сдался?

– У меня дом неподалеку, – не понимая, что сам загоняет себя в могилу, объяснял красноармеец. – Хотел отсидеться, переждать.

– Этого в расход, – приказал капитан.

Приговоренный взревел так, что у меня поползли мурашки по телу. Что я видел за свои девятнадцать лет? Жил с папой-мамой, десятилетку закончил, в институте два года историю да литературу изучал. На поэтические вечера ходил. К горлу подступал комок, когда несло со сцены:

Каховка, Каховка, родная винтовка,
Горячая пуля летит...

Это я с друзьями выбивал белых из Каховки и шел в штыковую, не боясь пуль. А когда упал, надо мной склонилась девушка в красной косынке, пытаясь перевязать смертельную рану. Почему здесь по-другому? Сначала мой друг Федя хладнокровно, не задумываясь (так я считал), расстреливал убежавших с перепугу наших же красноармейцев. Потом добивали раненых и едва не насмерть топтали сапогами задержанных. А теперь ведут расстреливать парня, моего ровесника, уткнув штык в спину. Болтанул про колонны пленных, и расстрел! Да еще штыком в спину тычат. Я не осознавал, что сам был на грани психического срыва. Сгоревшие танки, головешки, оставшиеся от моих товарищей, воронки, набитые трупами. К войне и смертям привыкают быстро, но я еще не привык.

– Не бей его штыком! – закричал я так громко, что в мою сторону обернулся капитан-особист, а боец, посланный исполнять приговор, перехватил винтовку и убрал штык от спины дезертира.

Хлопнули два выстрела. Боец возвращался спокойный, как будто ничего не произошло. А капитан-особист показал старшине направление, куда идти.

– Пулеметчики вон там. К ним шагай, – потом обернулся, внимательно оглядел меня. – Ты, парень, добреньким на войне не будь. Добренькие да слезливые действительно колоннами в плен шагают. Или по хатам разбегаются. Злым будь!

Особист хотел добавить что-то еще, но Князьков подтолкнул меня к танку.

– Парнишка надежный, – проговорил он. – В бою хорошо стрелял. Не привык еще.

А я заряжал опустошенный Федей Садчиковым диск, потому что чем-то надо было занять руки. Потом протирал снаряды. До вечера нас не оставляли в покое. Прилетали по три-четыре самолета, сыпали бомбы и обстреливали позиции. Разбили трофейную гаубицу, из которой мы собирались стрелять по немцам. Снова закапывали убитых, а за лесом разгорелся короткий бой. Пушечные выстрелы раздавались с юга и востока. Командир полка сделал самое разумное, что можно было сделать. Снова разослал по разным дорогам разведку.

Один мотоциклист приехал на хлюпающих пробитых шинах и, помогая выгрузить мертвое тело напарника из коляски, рассказывал, что видел танки и пехоту. Через речку, мимо взорванного моста, послали в разведку еще одно конное отделение. Отделение не вернулось, и к полуночи стало окончательно ясно, что полк находится в окружении. Сожженный не вовремя мост не дал нам переправиться. Полк отходил по какой-то кружной, ухабистой дороге. Было темно, люди натыкались на деревья, повозки цепляли кусты. Впереди шел конный взвод, за ним пехота, вперемешку с артиллерией, а мы, два танка, замыкали колонну.

Я ожидал, что танки пустят вперед, но командир полка решил, что две «бэтэшки» при тихом отходе только выдадут колонну шумом моторов. Во вновь сколоченном полку мы были единственной бронетанковой защитой. Двигались всю ночь, потом остановились. Снова вперед ушла разведка. Хотелось есть. Я уже забыл, когда мы как следует обедали или ужинали. Покидать расположение временного лагеря и даже ходить без нужды категорически запретили. В небе снова шли на восток немецкие самолеты. Нас не обнаружили, хотя мы простояли в лесу почти целый день.

Читая книги или слушая воспоминания людей, переживших сорок первый год, когда армия потеряла погибшими и взятыми в плен то ли четыре, то ли пять миллионов бойцов и командиров (цифры постоянно перекраивали), я скажу, что такие огромные потери можно объяснить больше неразберихой, непродуманностью многих действий. Я мало что понимал в стратегии и, как многие, все еще верил слухам о том, что немцев заманивают в глубь страны, как французов в 1812 году. Очень часто повторялись фразы о вероломном нападении. Но никто не мог нас заставить верить всему, что говорят. К октябрю сорок первого года солдаты постарше и даже командиры в узком кругу зло посмеивались над «внезапным вероломством». Но скажу еще, что у подавляющего большинства бойцов вера в Сталина была непоколебима. Конечно, те, кто придерживался другого мнения, предпочитали молчать.

За ночь, пользуясь темнотой, исчезло довольно много людей. Проще говоря, дезертировали. Когда я стоял на посту, у меня была возможность поговорить с пулеметчиками. Оказалось, что старшина, которого пощадил капитан, тоже ночью исчез. Значит, особист был прав. И прав был Федор Садчиков, когда стрелял из пулемета по разбегавшимся бойцам. Хотя вряд ли бы он стал делать это по собственной инициативе.

Нас стояло в лесу не меньше тысячи человек. «Стояли» – образно говоря. Лежали или сидели. Стоять разрешалось только постовым, и то в укрытии. Скажу, что нас не обнаружили благодаря крепкой, жесткой дисциплине. Как-то быстро сложилось, что, кроме командира полка (комиссар погиб во время бомбежки), нами руководили капитан Безуглов, помощник по разведке, и капитан-особист, фамилии которого я не запомнил.

Эти трое с несколькими помощниками передвигались по временному лагерю, проверяли посты, разговаривали с командирами рот и батальонов, записывали количество людей и оставшихся боеприпасов. Сидеть или лежать на одном месте очень тяжело, особенно пехоте. Да и наши остывшие после ночного марша танки стали холодными, как гробы. Мы поневоле

выползли наружу и сидели на брезенте, тихо переговариваясь. На два танка нас осталось одиннадцать человек, в том числе три запасных механика-водителя.

Тогда у меня первый раз шевельнулась мысль, что выживают чаще всего механики-водители. Впрочем, доставалось и им. Несколько экипажей сгорели полностью. Попавший снаряд глушит всех, а там остается минута-две, чтобы выбраться из вспыхнувшего танка. Башня, конечно, более уязвима, но стрелка и командира защищает маска пушки, казенник. «Ищешь, где безопаснее?» – ехидно поддел я сам себя. Бесплезно. Судьбу не обманешь. Механик-водитель Князькова погиб даже не от прямого попадания. Снаряд взорвался метрах в пяти от танка, а механику сломало грудь и ребра, а лейтенант Князьков и Паша Закутный отделались синяками.

Этот октябрьский день полк прожил без войны. Она шла вокруг, а нас не коснулась. Я видел через прицел два промчавшихся немецких мотоцикла. Они отличались от наших жестяной с номером, закрепленной на верхушке крыла переднего колеса. Еще выделялись каски и пулеметы, совсем не похожие на наши «дегтяревы». Мотоциклы прошли в километре. Если бы остановились на прогалине, свободно бы разглядели нас в бинокли. Но они спешили по другим делам.

Прокофий Шпень без разрешения отправился искать еду. Глупо. У кого ее найдешь? Прокофий вернулся через час, злой, потирая спину. Оказывается, нарвался на патруль. Начал было чесать языком, острить, но ему врезали прикладом между лопаток и уложили лицом вниз. Потом приказали убираться к своим, и пусть скажет спасибо, что он танкист. Иначе бы за нарушение приказа...

– Ну, и чего бы они мне сделали? – кипятился Шпень. – Расстреляли? Так всем даже патроны из казенников приказали вытащить.

– Удавили бы, как шkodливую кошку, – сказал Войтик. – Знаешь, как кошек вешают, которые цыпят жрут?

– Умный ты! Расстрелять, повесить. Достреляемся. Федька вон вчера по своим диск высaдил, троих мальчишек убил. А у меня старшему сыну семнадцать лет. Считай, по нашим детям стрелял.

Видать, механику-водителю крепко приложили прикладом, и не раз, если он вернулся такой обoзленный. Князьков, отлеживавшийся после контузии, приподнялся на локте и приказал:

– Всем механикам-водителям проверить двигатели, затянуть соединения, почистить свечи. И никому от танка ни на шаг.

Механики-водители, разделившись на две группы, полезли в люки и под танки. Команда была дельная, и спорить не приходилось. Потом принесли еду. На наш взвод отсыпали котелок раскрошенных в труху сухарей, дали комок комбижира с детский кулачок, одну селедку и плоскую банку «щуки в томатном соусе». Селедку, долго примериваясь, разрезал на одиннадцать одинаковых ломтиков острым, как бритва, самодельным ножом Иван Войтик. Потом кое-что добавил к одним порциям, отрезая крошечные полоски от других. К селедке добавил по три с половиной ложки сухарного крошева и по кусочку комбижира размером с половинку спичечного коробка.

Дело свое Войтик знал. Мы, облизываясь, глядели на одиннадцать аппетитных кучек. Оставалось самое сложное – разделить банку щуки пополам с томатным соусом. Здесь он поступил не менее умело. Десять человек получили по дольке щуки, а одну порцию мятых сухарей ссыпал в банку с соусом и вручил самому молодому из нас, худому мосластому башенному стрелку из третьего взвода. Остальные порции быстро разошлись по принципу: Кому? Ивану! Кому? Лейтенанту! И так далее. Все было съедено до крошки. Воду тоже разделили на всех, ровно по полкружки. Повеселели. Даже грозили плывущей среди осенних облаков девятке «Юнкерсов-88» с застекленными мордами. Долетаетесь, твари!

К вечеру облака стянулись в сплошную пелену. Рано стемнело, и колонна снова двинулась в путь. Часа через три вышли по карте к деревне Осутино. Здесь под начавшимся дождем встретили остатки нескольких частей, а самое главное – наш танковый батальон. Вернее, то, что осталось от него. Кто нами командовал? Штаб корпуса или начальство повыше, я не знал. Но вскоре мы получили приказ передислоцироваться северо-восточнее и занять линию обороны.

В деревне, несмотря на обилие начальства, такого порядка, как в нашем полку, не было. Сквозь неплотно завешенные окна уцелевших домов кое-где пробивался свет, часть машин шли с подфарниками, кто-то подсвечивал фонариком. Еще мне не понравилось, что многие были крепко выпивши. Красноармеец с туго набитым вещмешком свалился нам под гусеницы. Мы едва успели свернуть в сторону. Под навесом на соломе спали десятка полтора красноармейцев. Навес безбожно протекал, но бойцы храпели, прикрывшись дерюгами, разным тряпьем. Рядом в переулке стояли тяжелые гаубицы. Лошади хрустели овсом, насыпанным кучей вместе с сеном. Под дождем блестели их мокрые крупы.

– Бардак, светомаскировка не соблюдается. Точно под бомбы попадем, – сказал Хаустов, наверное повторяя слова командира полка.

Он оказался прав. Вскоре ночные бомбардировщики обрушились на деревню. Наверное, у немцев было не много таких машин. Бомбежка была так себе. Не сравнишь с тем, что нам пришлось испытать. Но бомбы нашли цель. Загорелось несколько домов, вспыхнуло зарево подожженной автоцистерны. А мы, изредка оглядываясь, двигались с черепашной скоростью по скользкому разбитому проселку.

Полуторка ремонтников со складным краном-стрелой сползла набок и замерла, готовая перевернуться. Князьков, умело распорядившись, подогнал под нее танк, а вторым осторожно вытянул на дорогу. Бронемашин тащила мотоцикл с колесами, забитыми черноземом. Они не вращались, и мотоцикл полз, как трехколесные салазки. Высунувшись, я отчетливо уловил запах гари. Резина горела от трения даже в холодной жиже.

Позиции занимали в темноте. Хорошо, что здесь кто-то распоряжался. К утру дождь прекратился, но продолжал дуть холодный ветер. Вокруг была холмистая полустепная местность. Редкие дубы, островки берез, растущих в низинах вокруг болотистых озер-пятачков, овраги. На более-менее ровных участках виднелось мокрое жнивье и стога сена. Унылое место, особенно после дождя да еще продуваемое холодным ветром.

Преимуществом было то, что немцы здесь с ходу не попрут. Пока объедешь да обойдешь болотца с оврагами... Но пойдут ли здесь немцы? Ведь еще двое суток назад мы слышали артиллерийскую стрельбу на востоке. У меня создалось впечатление, что мы по-прежнему в окружении, но этого слова старательно избегали.

Пока копали капониры для танков, обсудили с Федором и Пашей сложившееся положение. Ни у одного из нас оно оптимизма не вызывало. Собрали колонну, двинулись. Ну и шли бы дальше, пока все организовано. Выйдем к своим, а там можно уверенно воевать, зная, что тебя поддерживают. Прямо по полю шли небольшими группами красноармейцы. По раскисшей дороге тянулись обозы, изредка проходили машины. Увидев бензовоз, нам дали команду проверить его и, если есть горючее, пригнать и заправить танки.

Махать лопатами надоело, и мы, разбрасывая комки грязи, понеслись к дороге. Это был ЗИС-5 с объемистой трехтонной цистерной. Водитель и техник-интендант упорно не хотели сворачивать с дороги. Заставили силой. Пока интендант обещал нам неприятности, мы открыли, обнюхали бочку. Бензин. В кабине, в коробках и вещмешках обнаружили консервы, сухари, махорку. Кабина была набита доверху. Удивительно, как умещался там интендант. Часть продуктов лейтенант Князьков приказал перегрузить на танки. Интендант пытался властно объяснить, что он из штаба корпуса.

– А я из 171-го танкового батальона, – перебил его Князьков. – Уяснил, кто главнее? Поедешь с нами.

Горючего нам постоянно не хватало. Наши четырехсотсильные движки пожирали массу бензина. Теперь имелся запас... и продукты. Ржаные сухари мы принялись грызть на ходу. Хорошо прожаренные, но немного отсыревшие, они перемалывались на зубах, как на мельнице.

– Стоп! – скомандовал Князьков. – Желудки забьете.

Мы тайком дожевывали то, что успели рассовать по карманам. и, не доезжая до позиции, спросили:

– Товарищ лейтенант, мы в окружении?

Он с минуту раздумывал. что ответить:

– Ребята, судя по всему, сплошного фронта в здешних местах нет. Знаете такое выражение – «слоеный пирог»?

– Знаем.

– Часть немецких войск прорвались вперед, другие завязли в боях западнее. Наших войск вон сколько идет!

Он кивнул на дорогу. А я подумал, что лейтенант, успокаивая нас, говорит не то. Войсками этот непрерывный поток людей и лошадей назвать трудно. Есть ли у них командование и цель? Ну, цель, положим, есть – вырваться быстрее из окружения, но для серьезного боя без артиллерии и танков они вряд ли годились.

Хаустов похвалил нас и назвал «молодцами». В батальоне насчитывалось менее половины машин. Комбат провел перегруппировку, дал нам танк Т-26 и квадратную приземистую танкетку Т-27, вооруженную одним пулеметом. Иван Войтик, получая опять старый Т-26, командиром которого поставили Федора Садчикова, побурчал на невезение, но тут же взялся приводить его в порядок.

Закутного Пашу посадили на танкетку, дали механика-водителя с подбитого танка и назначили разведчиком. Немного поговорили, как воевал батальон. Потери вторая и третья рота понесли меньше, но людей погибло достаточно. Петя Маленький, без конца бегавший к нам, не мог наговориться. Рассказывал про бомбежки, как столкнулись с тяжелыми Т-4. Они сожгли нашего «Клима Ворошилова».

– Пушки короткие, но толстые. И снаряды сильные, – угощаясь сухарями, торопливо говорил Петя Маленький. – «Клим» два танка тоже раздолбал. Один легкий и один Т-4. Как шарахнет, железки в сторону отлетают. Но громоздкий, цель хорошая. Ему вначале гусеницы перебили, а потом снарядов штук десять всадили.

Игорь Волошин командовал во второй роте танком БТ-5 и получил «старшего сержанта». Такой же самоуверенный. Его танк прошел мимо, Игорь слегка кивнул нам и отвернулся. Я сплюнул вслед, а Петя спросил:

– Илюху Сошникова с биофака помнишь?

– Помню, конечно.

– Убили его.

Наш товарищ погиб нелепо. Их танк послали в разведку. Огляделись с высоты – вроде немцев нет. Илья уговорил командира доехать до хуторка – три дома да огороды. Ломиться напропалую, надеясь лишь на тишину, было глупо. Но командир, молодой сержант, голодный, как и весь экипаж, рискнул. Нарвались на засаду. Танк подбили из пушки. Сумел спастись лишь механик-водитель, пригнавший продырявленную машину к своим.

– Два снаряда в башню закатали. Сержанта и Илью искромсало так, что едва опознали.

Грустно покачали головой, вспоминая бесшабашного Илюху, так хорошо умевшего петь под гитару.

– Институт вспоминаешь? – спросил Петя, чтобы перевести разговор на другую тему. – Лену Батурину? У вас же любовь была. Я даже завидовал.

– Вспоминаю, – соврал я. В эти дни я уже забыл про институт. Столько всего нагляделся. Казалось, война вечно идет. Петя назвал имя еще одного погибшего студента. Я машинально покивал головой. Лица погибшего и с какого он факультета я не помнил.

Дальше все происходило следующим образом. Во-первых, нам сменили командира. Или влили наш полк в другое соединение. Вместо Урусова, к которому мы успели привыкнуть и зауважать, поставили рослого широкоплечего полковника с двумя орденами Красного Знамени. Говорят, он воевал в Испании и лично встречался с товарищем Сталиным.

Вспоминаю командиров сорок первого года, я бы не сказал, что нами командовала недоучившаяся молодежь, двинутая взамен «массы репрессированных» командиров на высокие должности. Батальоном командовал капитан Хаустов, в армии прослуживший лет пятнадцать, не меньше. Урусов с его козлиной бородкой и совершенно невоенной внешностью воевал в Первую мировую. Новый командир лет тридцати пяти, хоть и шумливый, тоже имел опыт. Впрочем, я говорю о событиях октября и не берусь судить о первых двух-трех месяцах войны. Может, тогда полками командовали капитаны, но я в этом сомневаюсь.

Нам не хватало организованности. Такую бы мысль выдал я, студент-недоучка, маскируя свой БТ-7 посреди холмистой равнины, где готовилась к сражению наша бригада. Кажется, так мы теперь назывались. Я знал, что скоро налетят самолеты, а у нас нет ни одной зенитки. Комбриг (фамилии не помню) отдал очень разумную команду: сосредоточить все пулеметы Дегтярева для стрельбы по самолетам.

Я тоже вытащил из гнезда наш ДТ, удлинил раздвижной приклад и приготовился из окопа встретить немецкую авиацию. Как бить по самолетам, нас, пулеметчиков первой роты, состоящей из четырех машин, коротко и по-деловому теоретически обучил лейтенант Князьков, исполнявший обязанности командира роты.

– Пока есть время, набейте по паре дисков бронебойными и трассирующими зарядами. Открывать огонь по «Юнкерсам-87» с расстояния пятисот метров. Взять вы их все равно не возьмете, броня не по зубам. Прицел фрицам собьете – и то хорошо. Хотя бы по головам гулять не будут. Ю-88, «хейнкели» и прочая двухмоторная тварь бомбы ниже, чем с километра, не бросают. По ним не стрелять.

– А «мессеры»?

– Во! – поднял палец Князьков, который был слегка выпивши. – Сбить «мессершмитт» вполне реально. Шансов пять-десять есть!

И захохотал. Мне его смех не понравился, и, наверное, Князьков это заметил. Мы зауважали его после боев, когда он умело вел нас за собой. Дурацкий смех не понравился и Феде Садчикову.

– Мы что, на клоунов похожи? – холодно спросил он, не называя лейтенанта по званию.

Князьков как-то сразу взял себя в руки. Объяснил, что «мессершмитты» слабо бронированы. Целиться надо, давая упреждение: в мотор, кабину, в крылья, хвост. Если удастся даже перебить тягу, повредить хвостовое оперение, то «мессер» сразу атаку прекратит, а то и вниз свалится.

– Моторы и кабины у них тоже бронированные, но метров с двухсот «дегтярев» броню прошибает. Если не вскользь, а под хорошим углом. Ребята вы, конечно, смелые, – Князьков оглядел нас, – но старайтесь истребитель достать сбоку или вслед. В лоб «мессершмитты» встречать не рискуйте. Большая скорость, точный прицел, две пушки и два пулемета. Они сметают все подряд. Я уже не говорю о бомбах. В общем, не устраивайте с ними дуэль, а, как говорится, бейте из засады.

Многое забывается, а ту короткую инструкцию нашего нового командира роты я запомнил. Мне очень редко приходилось видеть, чтобы из обычных пулеметов и винтовок сбивали или даже серьезно повреждали немецкие самолеты. Однако в чем оказался прав Князьков, дружный огонь, который мы хоть с опозданием, но научились вести по пикирующим «лаптежникам» и «мессерам», порой заставлял их шарахаться прочь и уходить с боевого курса. К сожалению, немцы быстро распознавали, что ведут огонь не крупнокалиберные, опасные для них пулеметы, а обычные «дегтяревы». И второй-третий заход часто заканчивался трагично для пулеметчиков, особенно молодых.

Но немецкая авиация обрушилась не на позицию бригады, а на дорогу. Несколько Ю-87 сбросили целую серию фугасных стокилограммовок и множество осколочных бомб, а потом несколько раз прошли над проселком, расстреливая людей, машины, повозки из пулеметов. До проселка было метров четыреста, его прикрывали легкие противотанковые батареи. Воронки от бомб в нескольких местах просто разорвали нитку дороги. Горели грузовики, ржали разбегающиеся лошади, волоча за собой повозки, спутанные ремни и доски от разбитых повозок.

Смотреть на все было горько. Но смерть многих людей, которую мы видели за эти дни, притупляла чувства. Убитых не хоронили. Ловили разбежавшихся лошадей, впрягали их в уцелевшие повозки, и, погрузив раненых, колонна продолжала свой путь.

Через час принесли горячую еду: пшенку с постным маслом и по куску хлеба с салом. Мы наелись сухарей, тушенки, реквизированной в бензовозе, но кашу все же подмели. Про запас. Неизвестно, когда в следующий раз накормят. Едва подчистили котелки, как звено Ю-87 с воем понеслось в пики на наши окопы. Мы все трое забились под танк. Я забыл, что надо вылезать и стрелять по самолетам. Бомбы рвались все ближе. Одна шарахнула метрах в пятидесяти. Танк окутался дымом чего-то горящего. «Юнкерсы» сделали еще один круг. Я посмотрел на лейтенанта и спросил:

– Может, шугануть гадов?

Князьков промолчал. Я услышал, что где-то стреляет пулемет, и, подхватив «дегтярева», побежал к вырытому на склоне, возле березы, окопу. Стрелять из-под танка не решился. Впервые, ни черта не видать и своих подведу. Бросят «сотку» на пулеметные вспышки, и всему экипажу – конец. «Юнкерсы», включая сирены, сделали три или четыре захода. Из некоторых окопов по ним вели огонь, но немногие. «Юнкерсы» обстреливали окопы из носовых пулеметов, а когда самолет выходил из пики, длинными очередями бил стрелок в задней части кабины.

Пули хлестали так густо, что высунуться из окопа было жутко. Все же я выпустил две очереди вслед. По крайней мере, приказ выполнил. Потом налетела пара «мессершмиттов». По ним стреляли уже дружнее. Я выпустил почти полный диск. Чьи-то пули заделали один из истребителей. Он вильнул, пошел к земле, но все же сумел набрать высоту и ушел, выстилая за собой тонкую струйку дыма. Все орали, как сумасшедшие, а кто-то даже разглядел, как чертов «мессер» врезался в землю. Может, и врезался, но мы не видели. Просто нам этого очень хотелось.

Зато через час прилетели сразу девять Ю-87. Кроме кучи разнокалиберных бомб, сбросили две особо мощные. Я думаю, весом с тонну. Удар ближней бомбы был настолько мощный, что танк встряхнуло. Над позицией стояла сплошная пелена дыма. Сквозь дым мы увидели, что в километре от нас, за проселком, прямо по жнивью, обходя овраги, шли на хорошей скорости штук двадцать танков, несколько бронетранспортеров и грузовиков. Они не обращали на нас внимания, словно не было бригады. А что мы могли сделать, прижатые бомбежкой и непрерывной стрельбой?

Видимо, нас не считали достаточно мощной силой, чтобы пускать танки, вступать в бой и терять время. Они смяли какую-то часть слева, уже хорошо обработанную авиацией, и прошли мимо на быстром ходу. Артиллеристы пытались развернуть в их сторону достаточно даль-

бойные «трехдюймовки Ф-22», но сильный пулеметный огонь пикировщиков ничего не дал сделать.

Нам досталось крепко. Убило полковника с двумя орденами. Сколько погибло бойцов и командиров, уничтожено артиллерии, нам не сообщали. Но достаточно было подняться на башню танка, чтобы увидеть, что вся полоса обороны курится дымом, горят маленькие и большие костры. От молодого сосняка, где окопалась батарея легких полковых пушек, остались одни срезанные стволы и вспаханная земля. Досталось и нашему батальону. Один БТ разворотило близким попаданием, двое танкистов погибли. «Командирский» Т-26, с круговой антенной вокруг башни, был засыпан землей, осколки оставили в башне несколько глубоких вмятин и сплющили пушку. Экипаж был контужен и изранен.

Петя Маленький, мой однокашник, лежал, тяжело, с хлюпаньем дыша, как рыба. Его крепко стукнуло головой, выбило зуб, но он отделался легче, чем командир танка. У сержанта переломало ребра и отбило что-то внутри. Он был без сознания, а на губах вскипали мелкие буро-зеленые пузырьки. Тяжело раненных погрузили на повозки. Те, кто мог идти, брели, держась за края повозок. Среди них были вполне здоровые люди. Не выдерживали нервы, и они, замотав голову или руку тряпьем, подобранным возле раненых, торопились уйти подальше от смерти.

Кого-то возвращали назад, но появились два «мессершмитта» и разогнали огнем всех, кто был на открытом месте. До вечера еще раз прилетели «юнкерсы-87». Потом, уже на закате, выплыли знакомые нам «хеншели-123», все в камуфляже, с крестами и свастиками. Не снижаясь, они прошли на километровой высоте двумя тройками. Сбросили множество осколочных бомб, обрабатывая всю полосу обороны. С открытыми кабинами и торчащими колесами, они казались едва не игрушечными. И моторы гудели негромко, и скорость куда меньше, чем у других самолетов.

По ним стреляли из пулеметов и винтовок. Но за километр самолет пулей не собьешь, а их бомбы, величиной с увесистое полено, ложились через каждые полста метров и находили новых жертв. Накрыло самодельный блиндаж и убило сразу человек двенадцать бойцов. Залетевшая в орудийный окоп бомба разнесла трехдюймовку и побила весь расчет. Были и другие потери.

Неожиданно и, как нам показалось, нелепо погиб Петя Маленький. Самолеты уже скрылись, а потом вынырнули из облаков и, снизившись, открыли огонь из пулеметов. Стреляли они с высоты метров шестьсот, разброс пуль был большой. Но Петя, на свою беду, высунулся из окопа. Он никак не мог отдышаться после контузии. Пуля пробила ему грудь наискось, и он истек кровью, прежде чем мы успели его перевязать. Это был наш второй однокашник, погибший в бою. Мы вырыли ему могилу, уложили уже застывшее тело, закутанное в шинель. Подошли пехотинцы и попросили положить вместе с Петей своего товарища.

Самим, что, лень вырыть могилу? – огрызнулся Паша.

Все пораненные да контуженные, – соврал пехотинец.

А я подумал, что после бомбежек они даже в сумерках боялись вылезать из окопов. Где гарантия, что даже в наступающих сумерках не вынырнет еще пара-тройка немецких самолетов. Любили они почти безопасную охоту за нами в ту первую военную осень.

– Ладно, несите.

Мы похоронили их вдвоем, и могила оказалась совсем неглубокая. Всего с полметра земли поверх тел. Но с дощечкой, звездой и фамилиями, написанными химическим карандашом.

ГЛАВА 5

Бригаду снова возглавил полковник Урусов. Мы все понимали, что завтра от нас не останется и половины. Немцы, походя бросая по несколько самолетов, расколошматят наши танки и пушки, а потом возьмут недобитых голыми руками. Повторялась прежняя история. Послали разведку. Она вернулась с приказом держаться до последнего. Обещали подослать подкрепление, боеприпасов и продовольствие. Боеприпасы мы почти не тратили, если не считать взорвавшихся при бомбежке части снарядов. Но артиллерию у нас повыбили. «Юнкерсы» не обошли стороной ни одну батарею. Подкрепление означало только новые десятки трупов. Мы оголодали до того, что некоторые жевали траву и выплевывали горький сок. Ночью, шурша и тихо переговариваясь, из окопов уползали беглецы. Или дезертиры. Называйте их как хотите. Я их презирал, но понимал, что люди бегут от неминуемой смерти или плена.

На фронте судьба столкнет меня с разными большими командирами. Храбрыми, твердыми характером, шумливыми, без колебания посылающими в заранее обреченные атаки батальоны и полки. Но долгоязого полковника Урусова, с его невоенной козлиной бородкой, мне не забыть. Он не испугался трибунала и, взвесив все, повел полк в утреннем тумане на восток. Нас стало гораздо меньше. Очень многие дезертировали, а сколько погибших товарищей, захороненных или просто оставленных в окопах, никто не считал.

Часов пять спасал туман, потом он рассеялся, но мы уже шли по лесной дороге. У небольшой деревни остановились и послали интендантов за едой. Не дожидаясь их, вслед кинулись десятки одуревших от голода бойцов. За что любить таких защитников, как мы? Волокли свиней, овец, мешки с мукой, хлеб, корзины с яйцами. Ели на ходу. Интенданты пригнали несколько бычков. Мясо варили в полевых кухнях и двух огромных котлах, выломанных из деревенских банек.

Я так думаю, что нас было человек семьсот или что-то возле этого. Глотали жесткую говядину с неразварившейся пшенкой. Горячо сыро не бывает! Когда поели и закурили, стали наводить порядок. Снова сбили людей в роты и взводы. Бродили несколько пьяных. Их уложили лицом вниз. Один, здоровенный и дурной, кинулся в драку. Его застрелили. Пехотный комбат, не тратя лишних слов, достал маузер и выстрелил размахивающему винтовкой бойцу в лоб. Труп так и оставили лежать, забрали лишь винтовку и патроны.

С немцами в тот день не сталкивались. Видели самолеты, технику, идущую по дорогам, но стычек не было. Только утром недосчитались еще человек тридцать. Люди исчезли, оставив противогазы, винтовки и подсумки. Вещмешки и фляги забирали с собой. Пригодится. Некоторые уходили с винтовками. Против нас, что ли, воевать?

Сами того не зная, как и многие отступающие части, мы попали в водоворот мощной наступательной операции «Тайфун», которая по замыслам Гитлера должна была закончиться взятием Москвы и окончательной победой немецкого оружия. Если посмотреть на карту военных действий начала октября сорок первого года, то на всей линии Западного и Брянского фронтов она была испещрена большими синими и мелкими красными стрелами. Немцы наносили мощные удары, а Красная Армия продолжала сопротивление, отвечая кое-где встречными ударами. Любая из синих стрел могла накрыть, смять нашу отступающую часть: остатки стрелкового полка Урусова, половинку нашего отдельного танкового батальона и несколько групп, которыми пополнили поредевшие батальоны и роты. Нас сопровождал бородастый дядька на лошади, местный колхозник, которого привели разведчики.

– Наш человек, – уверяли они, – сын и зять в армии.

Дядька вел нас километров двадцать по лесным малоезженным дорогам: перешли вброд речку, перегнали по галечной отмели танки, орудия, подводы. Потом, не доходя до какой-то деревни, бригадир сказал, что дальше дорогу не знает, и его отпустили. Послали в деревню тех

же разведчиков и две подводы разжиться харчами. Самовольно ничего приказали не трогать. Попросить под расписку у председателя сельсовета или колхоза. Но у безымянной деревушки везение наше кончилось. Трех конных разведчиков обстрелял броневи́к на окраине. Двоих срезал вместе с лошадьми, третий, пробитый пулей, кое-как держался в седле.

Вслед неслись два мотоцикла и броневи́к. Их встретили пулеметным огнем, развернули пушку. Один мотоцикл разбили. Броневи́к, дымя и стреляя из спаренного пулемета, скособочась, пополз назад. Конные, мстя за разведчиков, лесом догнали броневи́к и, спешившись, забросали его гранатами. Пока они возились, Урусов спешно повернул полк в сторону. Все мы понимали, что немцев в селе не взвод и не рота. Ночевать в сыром, подмерзающем под утро лесу они не будут, и почти в каждом селе расквартированы войска.

Преследовать в сумерках нас не стали. Выпустили десятка три снарядов, а мы торопливо уходили прочь, держа направление на юго-восток. Часа четыре, уже под утро, поспали. Пожевали сухомятку, которую нам раздали. Кому – сухарь, кому – брикет гречки на двоих, некоторым по пригоршне сахара. Хоть как-то желудок обмануть. Когда на рассвете собирались в путь, закопали в братской могиле двоих погибших разведчиков и двух раненых красноармейцев, умерших от потери крови и тряски.

Брянщина – не только глухие леса и волки, которые кому-то не товарищ. Хватало и открытых мест. По глухомани мы бы не прошли, разве что бросив танки и артиллерию. Но тогда мы перестали бы быть полком, и оставалось только прятаться. На это наши командиры не пошли. Три с лишним месяца длилась война, немцы несли ощутимые потери и теряли помалу напор. Мы это чувствовали. И когда на развилке полковник Урусов увидел немецкие орудия, не колеблясь, отдал приказ:

– Капитан Хаустов. Все танки на прорыв! Первую роту на броню, а первому и второму батальону атаковать следом.

Это была одна из немецких частей, перегораживающая отход наших отступающих войск. На дороге, прорезанной глубокими колеями танковых траков, автомобильных и повозочных колес, застыл БТ-5, уже сгоревший и продолжавший слабо чадить. Другой танк, видно, пытался прорваться из-под огня крутым разворотом, но перевернулся. Так и застыл гусеницами вверх, вдавившись башней во влажное жнивье. Рядом лежали трупы двух танкистов.

Разбитые повозки, десятки тел красноармейцев, убитые лошади. ЗИС-5, с вырванным взрывом мотором и передними колесами, уткнулся бампером в землю. Наш танк промчался мимо разбитой трехдюрмовки. Неподалеку стояла еще одна пушка, на вид вроде целая, но без расчета. Прокофий с треском проскочил по обломкам военной брички, покрашенной в ярко-зеленый цвет. Ездовой и три красноармейца лежали в ряд. Объезжать их означало подставить борт.

– Дуй прямо! – кричал Князьков. Под гусеницами снова захрустело. На этот раз мертвое человеческое тело. Мы наступали на правом фланге. Нас хоть как-то защищали редкие деревья и кустарник. Второй взвод, обгоняя, несясь вдоль дороги. Сколько нас было? Не помню. Примерно тринадцать-четырнадцать танков, штук пять пушечных бронемашин БА-10, две танкетки. Позади жались чудом уцелевшие два бронеавтомобиля БА-20, с почти несуществующей броней, которую прошибали даже винтовки. Они казались долговыми из-за своего узкого корпуса, но стреляли из пулеметов почти непрерывно. Может, глушили страх?

Немецкие противотанковые пушки, ждавшие своего часа, захлопали с расстояния метров пятьсот. Они были замаскированы. По звуку угадывались 47- и 37-миллиметровки. Наш единственный Т-34 несясь где-то в середине. Вперед не вырывался. Можно было обвинить Хаустова в недостатке смелости, а можно было и понять его логику. Единственный тяжелый танк, которого всерьез опасались немцы, следовало беречь. Если его подобьют, сбавят ход остальные машины, а страшнее всего – начнут останавливаться. Тогда нам всем конец, и вряд ли уцелеет

полк Урусова. Семь сотен человек лягут здесь, как легли бойцы, прорывавшиеся перед нами вечером или ночью.

У нас было достаточно снарядов, и я едва успевал загонять очередной в казенник. Князьков, как и остальные, вел непрерывный огонь. Я знал, что результат от этой бесприцельной стрельбы почти нулевой. Но иначе сойдешь с ума, сидя за броней, которую пробивают любые противотанковые пушки.

Господи, пронеси! Шпень кидал танк из стороны в сторону. Нас душила пороховая гарь, и я стал выбрасывать гильзы в открытый люк. На мгновение, повернув голову, увидел позади три горящих танка. Десант давно сдуло. Они спрыгнули в самом начале. Кроме вспышек пушечных выстрелов, увидел многочисленные пулеметные трассы, тянувшиеся к нам. Князьков дернул меня за плечо.

– Снаряд!

– Есть снаряд. Там наши горят. Три штуки, а может...

Я не договорил. Танк ухнул в промоину, и я едва не откусил язык. Закричав от боли, выплюнул на ладонь кровь. Мне почудилось, что в рот залетела пуля или осколок.

Шпень, развернувшись, шел вдоль оврага, уходя подальше от дороги, где сосредоточилось большинство немецкой артиллерии.

– Шпень, драный! А ну, вперед, – заорал лейтенант.

Я подвывал от боли, приходя в себя. Князьков, наклонившись, бил Прокофия сапогом в спину. Оба кричали, не слыша друг друга. Горящая танкетка Феди Садчикова замерла на краю оврага. Механик-водитель сумел ее выправить, и скатившаяся вниз машина чудом не перевернулась. Она встала в тридцати шагах от нас. Коробчатый корпус ближе к корме был разорван, из полуметрового отверстия вырывалось пламя. Второй снаряд вспахал верхушку башни. Было удивительно, что танкетка доползла до оврага.

Высочили Федя Садчиков и механик-водитель. Побежали к нам. Танкетка горела, трещали в огне патроны, потом взорвались сразу несколько гранат. Один из верхних люков вырывало из креплений и подбросило вверх. Из трещин в лопнувшей броне полетели осколки. Федя и механик бросились на землю. По броне нашего БТ тоже звякнули несколько осколков. В луже разлившегося бензина с треском полыхал сухой бурьян и мелкие кусты. Обогнав нас, по нижней пологой части оврага пронесся Т-34 комбата. Федя и механик-водитель вскочили к нам на броню.

– Надо вперед, – сказал Князьков. – Иначе под трибунал угодим. Ты, Леха, если ранен, пусть тебя Федор сменит.

– Ни хрена не ранен, – прошамкал я. – Язык!

– Тогда погнали. Прокофий, давай газ.

Садчиков и младший сержант-механик уселись на броню. Причем механик-водитель, который потерял две машины, делал это явно неохотно. Комбинезон у него был в крови.

– Ранен я, товарищ лейтенант, – пробормотал он. Нас обогнали еще один танк и броневый автомобиль. Князьков торопился. Кроме того, механики были в дефиците.

– Терпи. Вдруг механики-водители понадобятся. Сержант Шпень, вперед!

Прокофий дал газ, и танк с ревом вылетел из оврага. Бронебойный снаряд ударил в тополь, а Прокофий мгновенно разогнал танк километров до пятидесяти. Я уже хорошо видел 47-миллиметровую пушку с набалдашником на конце длинного ствола. Шпень по сигналу лейтенанта приостановил танк, и мы выстрелили одновременно – чешская пушка фирмы «Шкода», которую гнали фрицам заводы оккупированной Чехословакии, и наша родная «сорокапятка».

Осколочный снаряд взорвался с недолетом, встряхнув «шкоду» и осыпав ее градом осколков. Снаряд, сработанный умельцами-чехами под присмотром фашистов, надорвал нам

левую гусеницу и выбил кусок резины из колеса. Нам повезло, что снаряд шел под углом, иначе вдребезги разбил бы колесо.

В критический момент экипаж действовал как единый слаженный механизм. Я кидал в открытый зев пушки снаряд за снарядом. Князьков стрелял, выкрикивая сам себе команды, а Прокофий Шпень задним ходом осторожно гнал «бэтэшку», выискивая укрытие. Надорванная гусеница могла в любой момент лопнуть.

– Куда ехать? – спросил Прокофий.

– Щас гляну, – оторвался от пушки Князьков. – Леха, стреляй сам.

Лейтенант, высунувшись из открытого люка, что-то прикидывал. За это время я успел раз шесть выстрелить. Попал куда или нет, не знаю. Зато отчетливо разглядел впереди подбитый Т-26 и что-то еще горящее.

– В овраг, – принял решение командир.

– Опрокинемся, – кричал Прокофий.

Но мы не опрокинулись. Жить хотелось всем, а танк сержант вел умело. Перед тем как нырнуть в овраг, мы получили еще один привет от фрицев. Болванка ударила под брюхо, Шпень охнул и направил корму на крутой спуск. Мы скатились почти благополучно. Сразу выскочили, осмотрелись. Вместе с резиной вырвало кусок металла из обода колеса. Я заглянул под днище. Снаряд прошел рикошетом, не пробив днище, и смял нижний люк. Остальные, в том числе Федор Садчиков и его механик, дергали колесо, осматривали гусеницу. Решили, что за полчаса можно натянуть, заменив звено. Все же нас пять человек и в том числе два механика-водителя.

А бой шел вовсю. Нас уже догнала пехота, но большинство осталось в овраге. Немцы вели сильный пулеметный огонь. Князьков приказал мне снять пулемет и быть готовым к отражению контратаки, а пехоту попытался вытолкнуть вперед.

– Поймите, дурыи головы! Через пять минут сюда мины как горох посыпятся. Все погибнем. Надо прорываться.

Лейтенант говорил что-то еще, но бойцы сидели или лежали на склоне оврага. Я пристроился с пулеметом. До немцев было метров триста. Наши танки и бронемашины оборону не прорвали. Штук восемь, не меньше, стояли неподвижно или горели. Немцы подбитые машины не трогали, наверное, собирались захватить в качестве трофеев. Остальные танки отошли вправо, в ельник, и стреляли оттуда. Танк комбата тоже горел, и мне стало совсем тоскливо. Чтобы прийти в себя, я открыл огонь по вспышкам немецких пулеметов. Успел выпустить диск и достал второй, когда в ответ засвистели пули. Одна очередь сыпанула так густо, что я мгновенно сполз на метр вниз.

Народу в овраге скопилось уже человек сто, не меньше. Ротный старлей с наганом на ремешке тащил бойцов за шиворот, пинал, стрелял над головой, но все было бесполезно. Люди отлично понимали, что танки не прорвались, не подавили артиллерию и пулеметы. Хоть и не такой мощный заслон у немцев, но пулеметов хватит, чтобы перебить наступающих.

– Мины, – повторил слова Князькова старлей. – Сейчас...

Договорить он не успел. Первая мина рванула с перелетом. Зато вторая, словно предупреждая, взорвалась недалеко от горящей танкетки. Человек двадцать шарахнулись вдоль по дну оврага, но ударила целая минометная батарея. Четыре почти одновременных взрыва подбросили, раскидали несколько человек бегущих. Кто-то закричал от боли. Люди шарахнулись назад. Одни ложились на землю, другие побежали вниз к дороге, но мины рвались так часто, словно их выпускали из пулемета. Вначале по четыре, потом – парами, накрывая овраг в разных местах.

Старлей уже не гнал людей в атаку, а кричал, показывая наганом направление вправо, где овраг постепенно сужался и темнели многочисленные промоины по склонам. Взрыв выбил у него наган вместе с кистью руки и обрывком ремешка, осколки изрешетили тело, превратив

шинель в ключья. Ротный упал, а двое бежавших к нему бойцов влетели прямо в столб взрыва. Мы полезли под танк. Князьков, бледный, но почти спокойный, торопил:

– Быстрее. Переждем обстрел под танком и сразу вперед.

К нам втиснулись еще двое пехотинцев. Человек семь залегли вокруг – хоть какое-то укрытие. Мины продолжали падать. Такого минометного огня я еще не видел. Столбы земли и дыма плясали, как хоровод смерчей. Осколки доставали и бегущих, и лежавших на земле. Бойцы, ошалевшие от грохота, разбегались кто куда. Часть бежали вверх, вдоль оврага, куда успел показать погибший старший лейтенант. Другие – вниз, к дороге. Многие бросились назад, рассчитывая нырнуть за бугор, окаймляющий овраг.

На самой верхушке их доставали пулеметные трассы, и большинство скатывались вниз или оставались неподвижно лежать. Творилось что-то невообразимое. Осколки пронзали живых и мертвых. Одна из мин взорвалась рядом с танком. Кого-то убила, разорвав на части. Двое вскочили и кинулись убежать. Что с ними стало, я не знаю, потому что очередная мина ударила прямо в башню танка. Броня приняла, погасила удар, а я успел подумать: слава богу, что успели закрыть люки. В танке оставалось достаточно снарядов, чтобы разнести всех нас.

Осколок пролетел между колесами, ударил в колесо другого борта. Рядом стонал и всхлипывал раненый. Минометный огонь прекратился. Мы выжидали. Затем по одному стали выбираться из-под танка. Никогда не забыть мне этого оврага. Воронки усеяли дно и склоны. Вокруг лежали изорванные тела убитых, ворочались, звали на помощь раненые. Тот, который лежал рядом с танком и плакал, лежал с окровавленными ногами.

Я помог стянуть ботинки, размотать обмотки. Можно сказать, парню повезло. Штук десяток осколков врезались в толстые подошвы ботинок, располосовали обмотки, шаровары. Федор ловко, двумя пальцами, выдернул один, другой осколок из ноги. Раненый вскрикнул.

В этот момент в овраг посыпались пехотинцы, которые прорвались вперед, но угодили под пулеметный огонь. Спасти из передовых батальонов удалось очень немногим. Они бежали прочь, не собираясь останавливаться, но политрук с перевязанной грязным бинтом ладонью отпихнул одного, другого, махая пистолетом.

– Куда, бздуны хреновы! Здесь оставаться. Оборону держать будем!

Но люди бежали, обтекая его, не обращая внимания на крики и пинки. Те, кто перемахнул овраг, снова попали на вершине под пулеметный огонь. Шарахнулись назад, оставляя убитых. К ним на помощь пришел Князьков с моим автоматом. Врезал очередь под ноги бежавшим. Кто-то, взыв, покатился клубком, зажимая ступню.

– Всем на склон! Занимать оборону! Сейчас придут танки.

Взяли себя в руки сержанты, подгоняя бойцов. Оказалось, по пятам отступающих шла немецкая пехота, тяжелый бронетранспортер и маленький броневи́к. По крайней мере три пулемета, не считая тех дальних, на позициях, стреляли, добивая отставших бойцов. Это были остатки первого и второго батальонов из полка Урусова. Я нашел свой мешок с дисками, оставшийся на склоне, и открыл огонь. Неподалеку бил еще один ручной пулемет, хлопали винтовочные выстрелы.

Немецкая пехота приотстала, но бронированные машины срезали, как косой, все, что поднималось над краем оврага. Боец шагах в трех от меня закричал и покатился вниз. Сразу двое или трое сползли пониже. Я попытался высунуться. Вроде не заметили. Но едва я выпустил очередь, как рядом зашлепали, завизжали пули.

– Гранаты! Нужны гранаты!

Кто это кричал? Не знаю. Экипаж бронетранспортера «ганомат» бил с расстояния ста шагов из крупнокалиберного пулемета за щитком и сразу из пяти-шести автоматов. Гранату на такое расстояние не добросишь. Наши бойцы сползли вниз и стреляли куда попало. Немецкие бронемашины замедлили ход, их обтекала пехота. Сколько времени надо, чтобы пробежать это расстояние? Минуту, две? А потом полетят вниз гранаты, и немцы начнут расстреливать нас

сверху вниз. Если бы мог двигаться наш родной БТ! Я бы размолотил с ходу оба немецких гроба. Если бы... Четверо бойцов бежали цепочкой вверх по оврагу. Политрук стрелял им вслед. Один упал, остальные исчезли за дымом горящей танкетки.

Первые дни я терпеть не мог Князькова. За его кажущееся высокомерие, кожаную щегольскую куртку, пренебрежение к нам, новичкам. Но в этой ситуации он показал себя. И позже я буду замечать, что в смертельно опасной обстановке всегда (или почти всегда) находится человек, который берет командование на себя, сколачивает людей и, как правило, находит выход из самого безнадежного положения. Князьков был всего лишь лейтенант, а в этом гиблом овраге (его так и будут называть «гиблый») лежали, метались, ждали смерти не меньше двух сотен человек, многие из них раненые. Князькову помогал политрук, сержант Садчиков и все наши танкисты. Мы временно оставили свою «бэтэшку», тащили из люка гранаты, подбিরали винтовки у погибших и раненых. Садчиков напихал за пояс штук шесть гранат и подгонял вверх бойцов.

– Не дрейфь! Иначе всем амбец!

Кто-то, отчаянно матерясь, щелкал затвором и лез вверх. Патроны вылетали из казенника впустую. Красноармеец не соображал, что дергает затвор, выкидывая целые, не выстреленные патроны. Но этим щелканьем обозленный, отчаявшийся мужик подгонял себя, и штык был его главным оружием.

– Огонь! Всем огонь! Бей гадов!

Кричали Князьков, Садчиков, незнакомый мне политрук, танкисты и десятки красноармейцев. Все понимали, что немцев требуется остановить на пятачке не ближе полусотни шагов. Иначе градом полетят ручные гранаты, которые вместе с огнем автоматов смахнут нас на дно оврага, а добить нас сверху будет совсем легко.

Десятки винтовочных, редкие пулеметные и револьверные стволы захлопали навстречу атакующей пехоте генерала Вейхса. Полетели гранаты. Слишком рано. Они падали с недолетом. Большинство бойцов просто не умели пользоваться гранатами, потому что их не учили. Тренировались на деревянных макетах. Нашу самую массовую в начале войны гранату РГД-33 требовалось перед броском встряхнуть, как градусник. Бойцы этого боялись. Вдруг тряхнешь сильнее, чем надо, и она рванет в руках. Многие швыряли гранаты, как камень. «Лимонки» были проще. Выдергивай кольцо и кидай. Да и то забывали дернуть кольцо. Все это происходило у меня на глазах. Но так было обидно!

Из брошенных гранат взорвалась едва ли треть. Но, причинив наступающим немцам даже небольшой урон, взрывы и разлетающиеся осколки заставили их замешкаться. Кто-то залег, кто-то уползал, зажимая раны. Но в атаке останавливаться нельзя. Это хорошо знали и наши бойцы, и немцы. Но все же атака на минуту-две замедлилась. И сразу усилился огонь с нашей стороны. Уже не осколки на излете, а пулеметные очереди и пули из трехлинеек находили свою цель.

На расстоянии шагов они не царапали, как осколки, а калечили и валили арийцев насмерть. Кто-то кричал от боли. Офицеры четкими командами устранили заминку в передних рядах. «Гансы» (тогда еще не укрепились окончательно кличка «фрицы») бежали, как на учении, и хорошо начищенные штыки блестели холодно и остро. Немцы берегли своих людей, и такие атаки были нечасты. Просто они хотели быстрее добить остатки упрямых русских. Неграмотных, лапотных, не знающих даже, что такое туалетная бумага. Но умело бил их из «Дегтярева-пехотного» уже чему-то обученный сержант Федор Садчиков, вели огонь еще несколько ручных пулеметчиков. И я, успев выпустить за неделю пребывания на фронте с полдесятка дисков, стрелял хоть и торопясь, но целясь. И веер длинных очередей пусть изредка, но находил свою жертву.

Князьков с противогазной сумкой, набитой гранатами, швырял с задержкой по счету. «И раз...» Гранаты рвались точно, едва коснувшись земли, или даже в воздухе. Но так бросать

гранаты умели немногие. Зато стреляли часто и дружно. Немцы снова залегли. Кто-то срезал офицера. Начали отползать назад те, кто не выдерживал или был легко ранен. Азарт, злоба при виде дрогнувшего врага окончательно взяли верх. Лязгая затворами, бойцы стреляли непрерывно, и никто в горячке не стопорился, когда погибал сосед, а рядом взрывала гребень очередь крупнокалиберных разрывных пуль. В бою наступил перелом.

Фашисты тоже смертные. Каска, шинель, а под ней очень уязвимая плоть, когда нет рядом самолетов и танков. И автоматов у них не так и много. Примерно пара на десяток стрелков. У остальных винтовки ничем не лучше наших трехлинейек. Я наблюдал это, меняя очередной диск, и не чувствовал, как раскаленный ствол обжигает пальцы. Они не побежали. Залегли, давая возможность своим гробам на колесах снова открыть огонь из пулеметов.

Полк действовал активно. Оставшиеся легкие пушки отогнали броневик и всадили снаряд в борт «Ганомату». Бронетранспортер пополз назад и вылез из зоны обстрела с задраным вверх пулеметом. Значит, пулеметчик готов! Начала отступать и пехота. Князьков хотел забрать у меня пулемет, но я заявил, что это мое штатное оружие. Хватит того, что присвоил трофейный автомат и расстрелял все магазины. Лейтенант не стал спорить и подобрал лежавшую возле убитого бойца винтовку. Снизу прибежал кто-то из танкистов. Возбужденно сообщил, что гусеницу натянули, танк на ходу. Но отступившие немцы дали возможность своим минометам снова открыть огонь. Поступил приказ уходить вверх по оврагу и там прорываться через лес.

Тяжело ранило Федю Садчикова, близкого друга, самого способного курсанта в нашей бывшей учебной роте, а теперь командира танка. Две пули угодили ему в плечо, почти напрочь оторвав правую руку. Перевязать это место было практически невозможно. Мы наскоро затянули рану пучками ваты, туго примотали руку к туловищу, но кровь продолжала идти.

Начали снова взрываться мины. Мы укладывали раненых на броню, кто мог, ковылял прочь сам, соорудили несколько носилок из винтовок, связав их ремнями и накрыв шинелями. Раненых весом полегче вваливали на плечи. Но поднять и нести человека может не каждый. Носилки из винтовок были неудобны, и раненые соскальзывали на землю. Мина рванула, свалив обоих санитаров. Раненый извивался на земле, потом пополз. А мины сыпались все гуще. Фрицы мстили за своих убитых.

Нам складывать раненых было уже некуда. В танке и так было пятеро, считая Федора Садчикова и механика-водителя с танкетки. Снаружи машину облепили еще человек пятнадцать. Прокофий гнал БТ вверх по оврагу, а я старался не глядеть на ковыляющих, ползущих бойцов, наших товарищей.

Не поверю я людям, которые, стуча себя в грудь, гордо произносят: «Мы своих не бросаем!» Значит, политрук, уводящий из-под огня остатки батальона, лейтенант Князьков, я и все остальные сделаны из другого теста? Мы оставили часть раненых, чтобы спасти живых. Сколько могли, мы оборонялись. Оставаться дальше было нельзя. У меня гремел под ногами мешок с пустыми пулеметными дисками, а в казенник «Дегтярева» я вставил последний диск. Да и боеукладка торчала пустыми гнездами.

Я оправдывался сам перед собой. Во мне было больше студенческого, юношески возвышенного, чем военного:

И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной...

Много лет я не рассказывал никому о том овраге и уползающих обреченных ребятах. В те часы что-то изменилось во мне. Я стал ненавидеть. И нашу невольную беспомощность, и фашистов, которые, экономя патроны, будут добивать ребят штыками, своими кинжалами со

свастикой, саперными лопатками. И эта ненависть выплеснулась во мне, когда мы, соединившись с остатками полка, прорывали немецкий заслон.

Мы его прорвали. У нас не оставалось другого выхода. Князьков стрелял из пистолета прямо из командирского люка, показывая мне направление. Теперь наши танки шли впереди. Штук пять БТ и Т-26, уцелевшая бронемашинка БА-10 и броневилок с пулеметом. Я всадил снаряд в немецкую тупорыльную пушку и догнал очередь двоих артиллеристов. Прокофий едва не завалился в траншею, которую успели вырыть фрицы. Но с ревом выполз. Мы получили очередь в упор, смахнувшую несколько человек с брони, а я выстрелил осколочным в дальний конец траншеи, где что-то копошилось, огрызалось вспышками пулеметных очередей.

Пехота отставала, и капитан Безуглов (после гибели командира полка он исполнял его обязанности) приказал танкам задержать преследование. Мы заняли позиции, прячась между деревьями. Князьков, определив для каждого танка место, вернулся и сел за пушку. Окоченевший труп Федора мы вытащили наружу. Он умер, наверное, еще там, в овраге.

Его механик-водитель ушел с остальными, а мы почти час пропускали между танками бредущих людей. Немцы действительно пытались нас преследовать, но не слишком упорно. Так или иначе, мы оставались в кольце, а соваться в мрачный азиатский лес они не торопились. Нас обстреляли напоследок из минометов, и уже в сумерках сбросили бомбы и прострочили из пулеметов «Юнкерсы-87». Впрочем, без особого успеха. Нас укрыл лес.

Начальник разведки, капитан Безуглов, а теперь командир полка, утром после холодной с инеем ночи снова сколачивал боевую единицу, которую трудно было назвать полком. Скорее, батальон. Две сотни пехоты, две легкие трехдюймовые «полковушки», три танка и упрямый броневилок БА-20, сумевший проскочить через артиллерийский и пулеметный огонь.

Повозки были забиты тяжелоранеными. Остатки боеприпасов и еды раздали на руки. Лишнее хламье выбросили. На раненых было жутко смотреть. Медсестра с сержантскими тревожными лицами и санитар собирали индивидуальные пакеты, чистое белье, одеколон или спирт (кое-кто сохранил). Все пойдет на перевязки.

Полк так и остался полком, сведенным в три роты, одну батарею, разведвзвод, медвзвод и ударную силу – три танка и все тот же броневилок БА-20 с экипажем из двух человек и пулеметом. Уцелели Паша Закутный и механик-водитель Иван Войтик. Наш командир батальона, орденноносец капитан Хаустов погиб, когда вел огонь по противотанковым пушкам.

– Он разбил их две или три, – возбужденно рассказывал Паша. – Потом получил снаряд в башню. Я сам видел.

– А броня? У «тридцатьчетверок» же мощная броня.

– Мощная... – протянул кто-то и, наверное, хотел добавить, что снаряды у немцев тоже стали мощнее. Война уже три с лишним месяца идет.

Пока перевязывали раненых и рыли могилу для умерших за ночь, Паша рассказывал, как танки пытались прорвать заслон. У немцев хоть и небольшие пушки, но сильные снаряды. И пушек было достаточно. К тому же наши в спешке влетели на минное поле. Там подрывался Т-34 комбата. Он и с поврежденными гусеницами вел огонь, а потом выскочил уцелевший стрелок-радист, но немцы вели сильный пулеметный огонь и убили его.

– Леха, танки один за другим подбивали, – с горечью повторял Паша. – Мы им тоже врезали. А батальона, считай, нет.

Как бы ни спешили, но в лесу проторчали едва не полдня. Перевязывали раненых, накладывали шины на перебитые руки и ноги. Повозок и лошадей не хватало, и несколько человек отправили на их поиски. Потом двинулись дальше. Встречали небольшие группы наших бойцов, которые в основном шарахались прочь. Возможно, они боялись переодетых диверсантов, а скорее всего шли по домам. Но две группы человек по пятнадцать к нам присоединились. Это были остатки рот, которыми командовали лейтенанты. Безуглов их лично на ходу опрашивал. Рассказы были похожи один на другой, настроение подавленное. Но если быть объективным,

то это выбирались к своим бойцы, которые и дальше собирались воевать. Пусть они шли под командой своих взводных командиров, но при желании могли сбежать в любой момент. Сделай несколько шагов в сторону, и ты уже в лесу, где тебя никто не найдет. Покидать свою часть они не собирались. Однако хватало людей с другим настроением.

Настроение голодных, чудом уцелевших бойцов я почувствовал на себе. Рано утром, когда я стоял на посту с пулеметом, ко мне подошел один из наших танкистов. Лет тридцати пяти, слегка рыжеватый. Говорил он со мной спокойно, рассудительно, но от его предложения мне стало не по себе. Я уже не помню в деталях тот разговор, а имени и фамилии танкиста не знал. Кажется, он был из третьей роты.

– Алексей, ты сам видишь, что творится. Сегодня нас всех перебьют. Защищать Родину – святое дело. Но нас, как скот, на бойню гонят. Из целого батальона всего три танка осталось. А людей сколько погибло? Тебе лет двадцать, неужели помирать хочешь? Кому от этого польза, что ты завтра червей кормить будешь. Командиры у нас против немецких слабые, мечутся взад-вперед и нас на смерть за собой тащат.

– Ну, и что ты предлагаешь? – вырвалось у меня. – К немцам, что ли, перебежать?

Я не решился назвать предателем человека старше себя лет на пятнадцать.

– Зачем к немцам. Уйдем в село, места я здешние знаю. Отсидимся, переждем. Там ведь одни бабы остались, им и опереться не на кого. Примут с радостью.

До меня стало доходить, что мне, комсомольцу, да еще стоящему на посту, предлагают стать дезертиром. Но как себя вести, я толком не знал. Не стрелять же в своего! А задержу, его наверняка расстреляют.

– Много вас?

– Пятеро. Ты шестым будешь. Только шум не поднимай, – спокойно продолжал рыжеватый, почувствовав что-то в моем голосе.

Несмотря на небольшой рост, в нем чувствовалась сила привыкшего к физическому труду крестьянина и уверенность прошедшего через смертельные бои солдата. Я тоже успел повоевать. Но почему-то был уверен, если подниму шум, то рыжеватый успеет залепить мне прикладом в лоб, хотя в голосе его не слышалось угрозы.

– Зря вы это задумали. Поймают – верный расстрел, – наконец подобрал я нужные и, как мне казалось, убедительные слова.

– Надо еще попробовать меня поймать. А здесь остаться – точно смерть. Расколошматил нас немец. Может, когда и соберутся наши с силами, только мы до того времени не доживем. Ну, идешь или нет? – резко закончил танкист, держа наготове карабин.

Из кармана комбинезона торчала рукоятка нагана, а на поясе беглеца висела «лимонка»! Я понял, что он твердо решил уходить и так просто задержать себя не даст. В его голосе чувствовалась, хоть и чуждая для меня, убежденность в своем праве поступать, как он решил.

– Я-то для чего вам нужен? – невольно вырвалось у меня.

– Во-первых, мать твою жалко. Пропадешь ни за хрен. А во-вторых, ты по-немецки немного шпыхаешь. Вдруг объясняться придется.

– Нет, – замотал я головой. – Проваливай. Я тебя не видел.

В эти секунды из меня уходила сопливая растерянность. Наверное, вспомнил погибших ребят, наших студентов Петю Маленького и Илюху Сотникова. Своего друга Федю Садчикова, застывшего в танке так намертво, что мы вытаскивали его, негнувшегося, с открытыми глазами. Я сжимал рукоятку пулемета. Патрон был в патроннике, а снимать оружие с предохранителя я наловчился за секунду.

– Только спокойнее, – отступая, проговорил танкист. – Друг на друга нам кидаться ни к чему.

И он ушел. Потом я часто вспоминал тот случай. Танкист совсем не был похож на плакатного дезертира, трусливого мужика, в кургузом пиджаке, выглядывающего из подпола. А мимо шли на фронт настоящие бойцы: со штыками, каски со звездами, танки, самолеты.

Я уже хватил кусочек войны. Убил несколько фашистов. Но наше отступление, гибель огромного количества бойцов (я и представить такого не мог), ожесточенные бои, после которых мы отступали, тоже играли роль в моем настрое осенью того бесконечно далекого года. В этом настрое смешались и подавленность, и злость к немцам, и жалость к моим ровесникам, оставшимся лежать на всем пути отступления.

Отпустил я того танкиста не из-за страха. Просто я его не принял всерьез. Уйдет – не уйдет... какой-то непонятный разговор. Но позже, набравшись опыта, я не сомневался, что если бы поднял шум, матерый мужик, знающий цену жизни и собиравшийся, несмотря ни на что, выжить в этой мясорубке, просто прихлопнул бы меня прикладом.

А мы через пару часов двинулись дальше, совершив обычный скорбный обряд – похоронив умерших за ночь раненых. О красноармейцах, покинувших в эту ночь полк (или батальон), никто ничего не говорил. Командиры предпочли не предавать огласке факты дезертирства. Их было слишком много.

Запомнилось в то утро еще одно небольшое событие. Не склонный к речам и призывам капитан Безуглов приказал построить полк и, держа в руке журнал боевых действий, поблагодарил личный состав за проявленное мужество.

– Мы не просто отступаем. Мы ведем постоянные бои с фашистами.

Капитан привел несколько цифр. Не брехливых, как в сводках Информбюро, а вполне реальных. Кого обманывать? Командиров и бойцов, которые воевали и видели все своими глазами? Только с тридцатого сентября силами полка и отдельного танкового батальона было уничтожено свыше 300 немцев и подбито 20 с чем-то танков. Были и другие цифры. О количестве уничтоженных грузовиков, пушек, минометов. Оказывается, мы умеем воевать! И хотя по сравнению с нашими огромными потерями (о них не говорилось) цифры были гораздо меньше, я подумал, что пару фрицевских батальонов мы расшлепали.

В том, что мы вскоре снова наткнулись на немцев, не было ничего удивительного. Полк находился в огромной полосе мощных ударов, которые немцы наносили начиная с 30 сентября, пробивая дорогу к Москве. Уже с утра стало ясно, что мы не сумеем пройти незамеченными.

Для прорыва у нас просто не хватало сил, а леса центральной полосы России – это не Сибирь. Несколько сот человек, повозки с ранеными, техника растянулись в длинную колонну. Но и дробить, а практически рассеивать полк на мелкие группы Безуглов не стал. Сейчас мы были боевой единицей с танками, пушками, штабом. Разбей эту единицу на десяток мелких групп, и полк с его знаменем, номером исчезнет, как будто его и не было. Такого ни Безуглову, ни другим командирам не простят. Да и куда девать раненых? Их слишком много. Они были тяжелым грузом, но оставить их никто и не помышлял. Хотя шли разговоры, что часть тяжелораненых придется разместить по селам у надежных людей.

Но для этого нужно было время, чтобы найти глухие деревеньки и надежных людей, а такой возможности мы не имели. Нас не выпускали из поля зрения самолеты. Вначале заметила колонну пара «мессершмиттов». Они возвращались с задания. Наверное, только этим можно было объяснить, что, сделав один-другой заход, «мессеры» ограничились несколькими пулеметными очередями. Зато наверняка сообщили по радиации своим. У нас не было даже времени похоронить двух убитых ими бойцов. Раненых быстро перевязали пожилой старшина-фельдшер и санитарка. С помощью бойцов погрузили в повозки на место умерших тяжелораненых в предыдущих боях.

– Без медикаментов будут умирать один за другим, – пробурчал старшина, отходя от повозок. – Спирт весь вылакали, обеззараживать мочой скоро придется.

– Ты же его сам хлебал, – поддела своего начальника шустрая санитарка.

– Мне положено. Без спирта на этих бедолаг глядя, через день свихнешься.

Сказано было с такой важностью, что стоявшие вокруг бойцы рассмеялись. Потом нас догнал легкий самолет-наблюдатель с большой застекленной кабиной и принялся кружить над колонной. Единственный пулемет находился у него только в задней части кабины, и стрелять по земным целям было несподручно. Немцев это, видимо, злило, и пилот решил доказать свою лихость. Он спикировал, а на выходе из пике стрелок выпустил по нам не меньше сотни пуль. Скорость у этого недомерка была и так небольшая, а из пике он выбирался едва не пешком. Без всякой команды по нему ударили из пулемета и нескольких винтовок. Полетели мелкие ошметки, и самолет как пришпоренный унесся, едва не касаясь брюхом вершин высоких сосен.

Это ненадолго подняло настроение, а потом с холма ударила пушка. Места для засады, которые немцы оставляли в своем тылу для уничтожения пробивающихся из окружения советских частей, выбирали грамотно. Проселок, по которому двигалась колонна, был окаймлен редким березняком и просматривался хорошо. Третий или четвертый снаряды рванули прямо на дороге. Кто-то закричал. Люди заметались. Определив цель, ударила одновременно артиллерийская батарея – три пушки среднего калибра.

Снаряд взорвался возле повозки с ранеными. Ошалевшая от грохота лошадь волокла остатки разбитой повозки, с которой сыпались беспомощные люди. Мы развернули танки и тоже открыли огонь. Но расстояние для наших пушек было слишком велико – немецкие «семи-десятипятки» били с расстояния километра. Безуглов вскочил на наш танк, подтянул за ворот Князькова.

– Егор, вперед! Раздави б...й! Намотай их на гусеницы.

Взрыв ударил недалеко от танка. Бежавшего бойца подкинуло и отшвырнуло в кусты. По броне забарабанили комья земли. Безуглов присел возле башни.

– Колонну останавливать нельзя. Вот-вот «юнкеры» налетят. Возьмешь на броню десятка два бойцов с «Дегтяревыми» и уничтожь там все живое. Быстрее!

На три оставшихся от батальона танка посадили десант. Наших безлошадных танкистов, по-прежнему державшихся вместе, и пехоту во главе с младшим лейтенантом. Мы на полной скорости погнали через поле. Вскоре увидели три короткоствольные пушки в окопах, посылающие осколочные снаряды по колонне. Когда увидели наши танки, стали спешно разворачиваться. Открыли огонь два пулемета.

У нас было время, пока немцы развернут пушки, и все три танка по команде «Делай, как я!» открыли огонь с коротких остановок. Мы разбили одно орудие. Но ответный снаряд уже развернувшихся двух других пушек взорвался рядом с БТ-7, которым командовал мой бывший однокашник Игорь Волошин. Десант с танков уже спрыгнул и залег, ожидая, когда мы подавим огневые точки. Танк Волошина остановился.

Эти легкие пушки с длиной ствола девяносто сантиметров не имели в комплекте бронебойных болванок. Они били по нам специально предназначенными для танков фугасными снарядами весом шесть килограммов. Этой штуки вполне хватило, чтобы проломить нашу противопульную броню и разнести экипаж в клочья. Поэтому мы шли с максимальной скоростью, делая отчаянные зигзаги и не переставая вели огонь.

Я не скажу плохого о своем танке БТ-7. В девяностых годах, когда разоблачали все и вся, находили ошибки в каждом шаге. О легких танках БТ и Т-26, составлявших основу бронетанковых войск в начале войны, говорили очень мало добрых слов. Но немногие уцелевшие танкисты, воевавшие на «бэтэшках», и я в том числе, не разделяем пренебрежительного отношения к этим скоростным, маневренным машинам.

Немцы быстро реагировали на любую ситуацию (только Россию они недооценили!). Уже к октябрю большинство 37-миллиметровых «колотушек» они заменили на 47– и 50-миллиметровые противотанковые орудия. А они прошибали броню «тридцатьчетверок» на расстоянии семисот метров и больше. Но «тридцатьчетверка» была в 1941 году живой легендой, а

что оставалось нам, с нашей противопульной броней? Оставалось не пятиться, вести бой на скорости, резких поворотах и стрельбе с коротких остановок. Тем более наши «сорокапятки» не уступали немецким пушкам. Я понял эту науку со временем, а лейтенант Князьков постиг куда раньше, чем я.

Поэтому мы взлетали на позицию артиллеристов на равных, оставив позади разбитый танк Игоря Волошина. Еще одну пушку в упор расстрелял Т-26, а Иван Войтик переехал штанину и, догнав, раздавил гусеницами двоих артиллеристов. Мы ударили вторую пушку корпусом. Расчет, не бросавший ее до последнего момента, пригибаясь, побежал прочь. Они были вне зоны огня и скрылись в боковой траншее.

Мы всадили туда два осколочных снаряда, которые взорвались выше, чем надо, и вряд ли кого достали. Зато по броне ударило как зубилом. Что-то небольшое, металлическое, пробив борт танка с правой стороны, лязгнуло о казенник пушки и, отрикошетив, пробило снарядную гильзу в боеукладке, едва не под носом у меня.

– Еще пушка! – кричал Прокофий, разворачивая танк. – Не телитесь, бейте!

Но это была не пушка. В броню ударило снова, но мы уже повернулись лицом к опасности. В нас стреляли из противотанкового ружья. О них вкратце упоминали в училище как о чем-то малозначительном и не представляющем большой опасности. А между тем в нас с расстояния шагов семидесяти выплескивал частые вспышки тонкий ружейный ствол с массивным набалдашником. Что-то кричал Прокофий, снова разгоняя танк.

Двое солдат, в шинелях и кепи с козырьками, шарахнулись в разные стороны, но окоп был небольшой. Его не успели соединить с траншеей. Прокофий крутанул танк, едва не провалился одним боком, но наш механик-водитель дал такой газ, что мы вылетели из окопа одним прыжком и брякнулись всей массой о землю.

Я разбил подбородок, но развернул башню в сторону убегающих немцев. Один попал под строчку пуль и упал. Другой пригнулся, буквально нырнул под пулеметную трассу и скатился в траншею. Опытный, гад! Из траншеи вылетели несколько гранат. Обычных, противопехотных, но рванули они довольно точно, под гусеницами. Шпень затормозил. Осколки могли перебить маслопровод и издыривить бак. Всегда рискованно вести бой без поддержки пехоты. Князьков приказал отогнать танк назад.

– Ищи бугор под задницу! – командовал он, но Прокофий, который еще не пришел в себя после трех противотанковых пуль, выпущенных в упор, соображал плохо.

– Ставь танк с уклоном, – кричал я.

До Прокофия наконец дошло, и он загнал «бэтэшку» кормой на бруствер оружейного окопа. Теперь мы могли стрелять по траншее сверху вниз под отрицательным углом прицела. Мы выпустили три осколочных снаряда и опустошили диск.

Появились десантники. Немцы продолжали вести огонь. Упал один, второй боец. Остальные залегли, стреляя из винтовок. Немцев надо было вышибать гранатами, но с этим делом у нас было туго. Плохо учили красноармейцев метанию гранат. По крайней мере тех, кого призывали в последние месяцы. Позади нас что-то оглушительно рвануло. Я невольно высунулся наружу. Т-26 Ивана Войтика (командира я не знал), накренившись на правый бок, дымил. Еще одна пушка?

– Бей из пулемета! Чего зеваешь!

Лейтенант рывком стянул меня за штанину. Пехота, а скорее всего, наши танкисты, более подготовленные, взялись за гранаты. Из дальнего конца траншеи выскакивали фрицы и бежали в сторону кустов. Пулеметчик прикрывал их, поставив сошки на бруствер. Бронебойный снаряд выбросил в метре от него фонтан чернозема.

– Нет осколочных!

Я длинными очередями бил по убегающим немцам. Но отступали они умело. Врассыпную, кидаясь из стороны на сторону. Мой огонь был не слишком эффективным. Правда, я

срезал пулеметчика, который полез из траншеи вслед за своими. Его опрокинуло за бруствер, он попытался подняться и снова осел на вытянутых руках. Мой «Дегтярев», лязгнув, замолк.

– Заряжай, чего смотришь! – закричал Князьков.

– Диски кончились.

– Какого хрена пустым в бой идешь!

– В овраге целый мешок дисков расстрелял, – огрызнулся я. – И сегодня два оставшихся.

– Прокофий, гони.

– Щас мы их, – включая скорость, отозвался Шпень. – Два наших танка угробили и меня чуть не продырявили!

БТ быстро набрал скорость, преследуя убегающих. Немцы срывали с себя шинели, бросали оружие. Время от времени кто-то оглядывался. Один, понимая, что не убежит, встал на колени и поднял руки. Двое суток назад я был свидетелем самой настоящей мясорубки в овраге, где на узком пространстве мины рвали на куски людей. Трупы и части человеческих тел лежат там до сих пор. Но сегодняшняя погоня за людьми, как за зайцами, заставила меня вцепиться в рукоятку поворота башни, чтобы не закричать. Князьков, как я считал, перешагивал какой-то порог.

– Зачем? – невольно вырвалось у меня.

Танк ударил стоявшего на коленях и что-то громко выкрикивающего немца. Крик мгновенно смолк, а танк встряхнуло так, словно мы врезались в дерево. Потом догнали второго, третьего. Четвертый из-под локтя строчил на бегу из автомата.

– Автомат не портить! – выкрикнул Князьков.

Прокофий, сбавив ход, ударил немца бортом и пропустил тело между гусеницами. Двое нырнули в промоину, один исчез в небольшой роще. Лейтенант приказал остановиться, а мне сбегать за автоматом. Один автомат у нас имелся, только без патронов. Я подобрал знакомый мне МП-40, снял с немца пояс, на котором висел штык-нож и подсумок с запасными магазинами. Еще два вытащил из-за голенища сапог. Боеприпасов у фрицев хватало. Случайно дотронулся до тела, смятого мощным ударом. Крови почти не было, только тонкая струйка сочилась изо рта.

– Глянь еще в сапогах, – крикнул Шпень. – Они запасные магазины там носят. И сапоги сыми, если хорошие.

Разувать перемолотый труп я не стал и молча вернулся к танку.

– Чего сапоги не снял? – спросил Прокофий. – У меня обувка ни в задницу.

Я огрызнулся, влез в люк и протянул трофеи Князькову. Он взял автомат, два магазина к нему и сухо приказал:

– Подбери свой автомат за сиденьем.

Я достал автомат, но лейтенант сделал знак Прокофию, чтобы тот подождал.

– Заряди автомат, рядовой Волков. Сумеешь или руки трясутся? Ты кого пожалел? Фашистов, которые четвертый месяц наших людей убивают? Пожалел, говори прямо?

– Нет, – хрипло отозвался я.

– Запомни, сучонок, ты немца чем угодно бить должен. Нет патронов – прикладом! Штыком, ножом, руками...

Изо рта обычно спокойного лейтенанта летела слюна. Он трясся от злобы, эта злоба была направлена на меня.

– Я в батальоне полтора года служу. Каждого танкиста знаю. А они за неделю почти все погибли. Единственный танк уцелел, потому что нам, дуракам, повезло. Воевать без злости и слюни распускать я тебе не позволю.

– Ты, лейтенант, выбирай слова, – я загнал магазин в автомат и передернул затвор. Это прозвучало почти угрозой, и Прокофий попытался выдернуть автомат. Я отпихнул его ногой.

– Я одиннадцать дисков во фрицев выпустил и не в небо стрелял, а целился. А тыкать мне в глаза этими раздавленными уродами нечего!

– Сядешь на башню, – приказал Князьков, – и добьешь тех троих, чтоб не мучились. Прокофий, врубай скорость. И механику сапоги сдерни. Оружие и документы не забудь.

Добивать никого из троих немцев не пришлось. Двое были раздавлены всмятку, у третьего, который стоял на коленях, почти напрочь была оторвана голова. Трофеи – две винтовки, «парабеллум» и штук шесть гранат – я собрал. Но сапоги ни с кого снимать не стал. Князьков промолчал. Вынул из кобуры «парабеллум», повертел и опять вложил.

– Заберешь себе, Леха. Тебе наган или пистолет по штату положен. Автомат отдай Прокофию.

Немецкому МП Шпень не слишком обрадовался. Тоже отматерил меня и сам сбегал за сапогами. Мы вернулись на позицию немецкой батареи. Бойцы ковырялись в карманах и ранцах убитых немцев. Игорь Волошин доложил, что, кроме двух орудий, уничтожен станковый пулемет. У второго фрицы вытащили затвор. Наших погубило девять человек, сколько-то были ранены. Я удивленно слушал Волошина. Вообще-то старшим по званию был старшина Букаев, командир подбитого Т-26. Но Игорек, как всегда, вылез вперед. Князьков рассеянно кивнул и начал быстро распоряжаться.

За что я всегда уважал своего первого командира взвода – за умение четко оценивать обстановку и принимать быстрые решения. Человек пять легко раненных и часть бойцов он отправил догонять полк. Все бы на броне не уместились.

– Ребята, быстрее, – торопил лейтенант. – Самолеты, не дай бог, налетят.

Осмотрели Т-26. Ивану Войтику не везло. За считанные дни он потерял второй танк. Или, наоборот, повезло. Два танка накрыло, а он остался жив. Старшина Шуваев доложил, что фрицы сунули под гусеницы противотанковую мину. Командира танка била мелкая дрожь, лицо было в кровоподтеках. Он докладывал громко, почти кричал. Башенного стрелка сильно ударило головой, сам идти не сможет.

Мы быстро осмотрели танк с разорванной гусеницей и выбитым колесом. Кто-то из бойцов достал из окопа ручную противотанковую мину, похожую на металлическую сковородку с двумя ручками.

– Повезло, что не на стационарную наехали, – сказал Князьков. – Та, гадина, могла весь экипаж на тот свет отправить. Перегружайте быстро боеприпасы и сливайте бензин. Танк уничтожить.

Я посмотрел на мертвого немца, который ценой жизни взорвал наш танк. Лет двадцати, без шинели, но в каске, в издырявленном пулями френче, он лежал метрах в семи от танка. Светло-русые волосы, тронутое восковой желтизной лицо. Он бы мог убежать и не лезть под танк со своей сковородкой. Может, его заставили? Вряд ли. Просто они намерены победить нас любой ценой.

Подожгли Т-26. На наш танк погрузили оставшихся раненых, в основном тяжелых, уцелевших танкистов и бойцов. Облепленный людьми БТ, Прокофий, спрямляя расстояние, погнал к лесу через поле. Вовремя. На опушке нас догнала пара «мессершмиттов». Прокофий вломился в заросли, десантники спрыгнули. Пушечные и пулеметные очереди прошли по верхушкам деревьев, срезая ветки. Нам повезло, но ребятам, которые вышли раньше, досталось крепко. Пилоты били, снижаясь почти до земли. Им тоже оставалось до леса совсем немного, но фрицы успели перебить половину группы. Каждый «мессер» имел две 20-миллиметровки и два пулемета. Восемь стволов в несколько заходов обрушили огонь на наших ребят.

Когда самолеты улетели, мы помогли унести глубже в лес оставшихся в живых раненых. Авиапушечные осколочные снаряды отрывали руки, превращали тела в месиво костей. Спаренные пулеметы оставляли в телах сплошные смертельные раны. Не надо про это писать? Но тогда мне не надо было рассказывать, как по команде лейтенанта Князькова наш деревенский

увалень Прокофий Шпень давил гусеницами немцев, а из разорванных лохмотьев мундиров торчали скользкие груды кишок.

Один из бойцов был ранен бронебойным снарядом в лопатку. Из раны, размером с кулак, вытекло столько крови, что я не мог представить, как этот человек еще жив. Мы сносили тела под клены, где нас защищали раскидистые ветви, с яркими облетающими листьями.

Пока торопливо рыли могилу, умерли трое раненых, в том числе тот, пробитый снарядом в спину. С могилой не рассчитали. Когда опустили последнее тело, девятое или десятое по счету, оно было почти вровень с землей. Мы, усталые и подавленные, глядели на Князькова, боясь, что лейтенант заставит вынимать тела и расширять братскую могилу. Но он лишь приказал накрыть погибших шинелями и насыпать бугорок побольше. Когда все было закончено, Князьков трижды выстрелил вверх из пистолета.

– Спите, ребята. Мы вернемся.

ГЛАВА 6

Мы пытались догнать свой полк, но в лесу оказалось столько дорог, что вскоре мы потеряли ориентировку. Кругом были следы солдатских ботинок, повозочные колеи. Мы двигались, держа направление на восток. Танк, облепленный со всех сторон бойцами, шел со скоростью километров пятнадцать в час. Когда пытались увеличить скорость, начинали кричать от тряски раненые и падали с брони бойцы, которым не за что было ухватиться.

Раза два мы видели на обочине тела мертвых красноармейцев, в ссохшихся от крови бинтах. На ветках висели противогазы без сумок. В одном месте стояла тяжелая допотопная гаубица-шестидюймовка. Затвор был снят, а ствол, видимо, пытались взорвать, но не смогли. Здесь же валялись вперемешку пустые и полные ящики со снарядами. Отдельно – гильзы, отдельно – остроносые снаряды.

Много чего мы видели в тот день. Сгоревшие полуторки, груды телефонных катушек, лопат, киркомотыг и прочего брошенного военного имущества. И снова противогазы. Их бросали сотнями. А ведь в старших классах и институте нас очень старательно готовили к химической войне. Иприт, зарин, заман... Какую еще гадость готовили нам фашисты вместе с империалистами? В химическую войну, видно, больше никто не верил. Возле дороги сидел, прислонившись к сломанной повозке, красноармеец, накрытый сразу двумя шинелями. Торчала замотанная в тряпки оторванная по голень нога. Когда мы остановились и хотели посадить его на танк, он закричал:

– Уйдите! Казнить меня желаете? – Он был крепко пьян и повторял, что за ним должны скоро приехать. – В баньку повезут! Лечить будут. Уезжайте, идола!

Слово «идолы» совсем не звучало смешно. Под шинелью обнаружили две фляжки со спиртом и обгрызанные брикеты пшенной каши. Одну фляжку мы забрали для наших раненых. Еду не тронули и двинулись дальше. Догнали человек семь бойцов. Все без знаков различия, только двое или трое с винтовками. Когда Князьков высунулся из люка, они кинулись в лес.

Остановились километрах в полутора от небольшой деревеньки. Нас оставалось примерно человек пятнадцать. Трое – тяжелораненые. Почти у всех остальных, особенно у танкистов, – контузии или сильные ушибы от ударов. Каждого из нас не раз трянуло в железной коробке близким взрывом или ударом бронебойного снаряда. Ранеными занимался Иван Войтик, наш доморощенный фельдшер. Трех человек Князьков отрядил в село – Пашу Закутного, Игоря Волошина и меня.

– Если немцев в деревне нет, обязательно постарайтесь найти какого-нибудь лекаря. В крайнем случае, любые медикаменты. Что-нибудь из народной медицины. Иван знает. Что нужно?

– Настой чистотела, – подумав, стал загибать пальцы белорус, – спирт, барсучий или гусиный жир, мед. Да, много всего. И лекарства наверняка у кого-то остались. Сульфидин, стрептоцид, аспирин...

– Ладно, – перебил его Князьков, – иди сам, если сил хватит. На месте решишь. А ты, Волошин, оставайся. – Дойду, – заверил Войтик. – Башка вроде прошла.

Мы все хотели есть. Не просто есть, а были голодные до боли в желудках. Поэтому на нас с завистью смотрели все остальные. Раненые мечтали о стакане самогона, который непременно снимет боль.

– Вы мне не доверяете? – с вызовом проговорил Игорь, обращаясь к лейтенанту. – Зачем тогда командиром танка назначили?

– Потому что опытнее не нашлось. Поэтому вас, сопляков, назначаю, а ты пустую болтовню затеваешь. Знаю, что жрать хочешь. Терпи, когда принесут.

В деревню вошли осторожно. У первой же встретившейся бабки осторожно расспросили, что и как. Немцы появлялись сегодня утром и вчера. Сказали, что советская власть кончилась.

– Фельдшер есть в селе? – спросил Войтик.

– Откуда?

– А председатель колхоза?

– Бригадир есть. К ему идите, он вам все расскажет.

Бригадир, мужик лет за сорок, оглядев нас и поздоровавшись с каждым за руку, послал сына-подростка подежурить на улице, а нам сказал:

– Сейчас перекусим. Только помойтесь вначале.

На стол собирали жена бригадира и дочь, стройная, красивая девушка лет семнадцати. Я заметил, как она с любопытством оглядывала нас. Больше посматривала на Пашу Закутного. Вроде краешком глаза, но я уловил это сразу и мгновенно на нее надулся. Тоже мне, красавица из Лаптевки! В косынку, как бабка, закуталась! Я лицемерил. Дочь колхозного бригадира, Варя, была хороша, и мне понравилась сразу.

Выпив по полстакана самогона, жадно хлебали густые, настоявшиеся в русской печке щи с говядиной. Заодно прихватывали ложками из глиняных тарелок сало, грибы, соленую капусту. Нам с Пашей налили еще понемногу, а оставшуюся бутылку бригадир с сержантом Войтиком приканчивали вдвоем. Немного поговорили о положении на фронте, но тема была невеселая.

– Варюха, наливай кавалерам молока, а мы со старшим другое молоко допьем.

– Угощайтесь, – впервые подала голос дочь хозяйки и налила нам в литровые кружки молока.

– Спасибо, – сказал Пашка и добавил: – Меня Пашей зовут, а дружка моего Лехой.

– Варя, – почти кокетливо представилась девушка и снова посмотрела на Пашку.

Уткнувшись в кружку, я пил молоко, закусывая его домашним пшеничным хлебом с хрустящей корочкой.

– Поесть я вам соберу и телегу с лошадей дам, – рассуждал бригадир. – Из колхозной конюшни. Расписку только оставьте. Там же молоком, творогом, маслом загружу. А насчет врачей – сложнее. Больница у нас за тридцать километров, в Дятьково, но там уже немцы. Акушерка есть, баба опытная. Но она в другом селе живет. Сейчас уже поздно. Пока харчи соберем да вашим отвезем. За акушеркой с утра съездим. Марли чистой я вам найду, йод, спирт есть. Аспирина с десяток порошков. Вместо мази мед пойдет. У нас им раны всегда замазывают. Помогает.

Бригадир Иван Никифорович (фамилию я забыл) оказался мужиком приветливым, обстоятельным. Тогда я воспринимал это как само собой разумеющееся. Мы же Красная Армия! Защитники. Но далеко не везде нас будут встречать так же. Что я мог знать, городской житель, о жизни села? Щи с мясом и прочая хорошая еда на столе тоже казались мне нормальным явлением. А то, что в колхозах почти бесплатно работают и этого мяса неделями не видят, я просто не задумывался.

Из конюшни вывели лошадь, запрягли, потом поехали на склад, где из холодного подвала вытащили две сорокалитровые фляги молока, глиняный горшок застывших сливок, головок пять домашнего масла. Грузили еще какие-то харчи, я сейчас не помню. И Варя нам помогала. Перешептывалась с Пашей, хихикали. Когда привезли еду и самогон, Князьков нас расцеловал. Всем налили по стакану самогона. Раненым по полтора. Подогрели молоко и выпили почти целую флягу вместе с хлебом и маслом.

Спали, кроме экипажа нашего БТ, в шалаше, на сосновых ветках. Но к рассвету все промерзли так, что, не выдержав, стали подниматься. Развели костер, вскипятили во фляге остатки молока, доливали еще. Пили горячее, не чувствуя, как обжигает до лохмотьев губы и рот. Кто-то попросил у лейтенанта «для сугреву» самогону.

– Нет, ребята. Сухой закон... до вечера, – отозвался Князьков. – Немцы вокруг. Тут с трезвой головой дай бог выбраться.

Он осматривал вместе с Иваном Войтиком и старшиной Шуваевым наших тяжело раненных. Если вчера, со свежими повязками и «обезболенные» самогоном, они заснули более-менее спокойно, то сейчас некоторые расплачивались и за пищу, и за самогон. А самое главное, они нуждались в срочной медицинской помощи. Запомнился один из бойцов. Ему в ноги и живот попали несколько мелких осколков. Сейчас он лежал со вздутым животом, а из дырочек медленно вытекала буроватая жидкость. Наверное, содержимое кишок.

Войтик осторожно протирал спиртом живот, но даже при легком прикосновении красноармеец стонал, а по лицу стекали крупные капли пота. Его снова перевязали, и мы молча переглянулись. Он уже обречен. У другого раненого, одного из танкистов, сильно обгорели ноги. Сапоги мы кое-как сняли, срезали вместе со штанами еще вчера, но сильный жар вплавил куски сгоревших сапог и теплое белье в тело. Танкист был в возрасте, лет за тридцать. Смотреть на его обожженные до колен ноги было жутко. Все спеклось и покрылось коричневой коркой.

Он пытался изо всех сил терпеть, но боль пересиливала. Танкист не то чтобы стонал, а тянул почти неслышное: и... и... и. По движению губ Войтик понял, что он хочет. Обожженному налили стакан самогона. Он выпил спиртное маленькими глотками, как воду. Другой танкист был ранен в лицо и плечо несколькими осколками. Пару штук удалось извлечь. Один осколок, разбив зубы, застрял в гортани. Говорить он не мог, и ему тоже, очень осторожно, влили тонкой струйкой самогон. Рано утром приехал на повозке Иван Никифорович, привез большой чугунок вареной с мясом картошки, ковригу хлеба и самосад для курильщиков.

– Как у вас дела?

– Один доходит, – отозвался Князьков. – Двоим срочно врач нужен. Вон сам глянь, Иван Никифорович.

Бригадир осмотрел наших раненых. Покачал головой.

– Господи, какие муки люди принимают.

А я снова подумал, как не похожа настоящая война на кино, даже в мелочах. Там раненые с повязками на голове или груди бодро улыбаются, мужественно терпят боль, готовые встать в строй. Или умирают, стиснув зубы. А здесь мой ровесник, с раздувшимся изрешеченным животом, тянет, как больной котенок, непрерывное «и... и... и», полное уже потусторонней боли. А как будут лечить танкиста с застрявшим в гортани осколком? Он лежал с открытым ртом, весь опухший, и задыхался. Его тоже срочно требовалось оперировать.

Прежде всего бригадир показал Князькову место, куда надо перебраться. Мы находились слишком близко от дороги. Перегнали танк, перенесли раненых через мелкую речушку и остановились в зарослях молодого сосняка. Здесь нам предстояло переждать несколько дней. Князьков сразу выставил посты и приказал рыть землянку. А мы со старшиной Шуваевым сели на его повозку и поехали за акушеркой. Когда уже собирались, Иван Никифорович будто невзначай проговорил:

– Пусть с нами вон тот хлопец до села доедет, – бригадир показал на Пашу. – Он знает, где я живу. Бабы хлеб испекли, принесет вам свежего.

Я понял, Иван Никифорович не против, что его дочь хочет встретиться с Пашей. Князьков согласился. Пашка, весь заулыбавшись, вскочил в повозку. Он, наверное, всю ночь не спал, о Варе думал.

Акушерка Батаева Клавдия Марковна, высокая, широкоплечая женщина, лет тридцати пяти (кобыла! – как окрестил я ее со злости), ехать с нами наотрез отказалась. Выслушав старшину и задав несколько вопросов, коротко проговорила:

– Их к врачу надо.

– А где он, врач? В Дятьково немцы. Может, покажете, где есть ближе?

– У меня две дочки и мать. За эту прогулку германцы всю семью постреляют.

– Помрут мужики без помощи. А вы, Клавдия Марковна, акушерка, почти хирург. Инструментами владеете. Никто не узнает, что вы нам помогли.

– В селе ничего не скроешь. Через день все знать будут, что я раненым красноармейцам помогала.

– Собирайтесь, – коротко сказал старшина, – и сумку свою санитарную не забудьте.

Никуда я не поеду! – женщина смотрела на нас с нескрываемой злостью, а потом накинулась на бригадира. – А ты, Иван, все выслуживаешься. Из бригадиров в председатели метишь! Поздно уже. Немцы тебе другое место присмотрят.

– Выпивший с утра бригадир недобро прищурился.

– И где ж мне это место будет?

– Где-нибудь повыше. Они найдут.

– На березовый сук намекаешь? – надвинулся на нее бригадир.

– Цыть! – прервал обоих старшина. – Я командир Красной Армии и тебя, Клавдия, не в кусты тискаться зову. Считаю, приказ командования. Пять минут на сборы. Все инструменты, лекарства не забудь. А твоих фрицев я на гусеницы десятков уже намотал и столько же из пулемета перебил. И тебя пристрелю, на отродье твое не гляну.

Дочки, лет двенадцати, конопатые, в одинаковых шерстяных кофточках, заревели в голос. Шуваев оглядел всю семью акушерки и добавил:

– Какое лекарство или инструмент забудешь, пеняй на себя! Шевелись.

К своим ехали, торопясь. По дороге хлебнули самогона. Немцев видно не было. Только иногда пролетали небольшими группами самолеты. Акушерка молчала. Зато никак не мог прийти в себя бригадир. Шуваев хлопнул его по плечу:

– Брось, Ваня. Война сразу показывает, кому какая цена. Языком лишнее ляпнет – вместе с домом спалим.

Я не мог понять злобы этой женщины. Может, она из этих? Врагов народа. И на бригадира обозленная. За что? Причины я узнал позже.

Князьков оборудовал самый настоящий временный лагерь. Танк стоял в капонири, замаскированный ветками. Пушка направлена в прогалину, единственное место, по которому могла пройти какая-либо техника. По периметру были вырыты окопы для стрелков. В чугуне, в котором утром бригадир привозил картошку с мясом, что-то варилось. Костерок был небольшой и почти не дымил. Акушерка оглядела все вокруг странным, непонятным мне взглядом. Читалось в нем вроде того: «Ну-ну, варите, пока немцы вас не нашли».

– Дамочка не очень соглашалась ехать, – доложил Князькову старшина. – Немцев ждет, а тут бойцов Красной Армии лечить заставляют.

– Никого я не жду, – равнодушно отозвалась акушерка. – У меня мужа в августе под Смоленском убили. Чего мне их ждать?

– А чего тогда выделялась? – удивился Шуваев. – Ладно. Показывайте раненых.

– Повежливее, Егор. Зовут вас как? – Батаева Клавдия Марковна.

Она уже склонилась над самым тяжелым из раненых, с пробитым животом. От лежавшего без сознания человека пахло нечистотами. Пока акушерка мыла руки, Войтик на правах коллеги по профессии рассказал, что, видимо, у раненого что-то лопнуло внутри и надо делать срочную операцию.

– Не болтайте, чего не знаете, – протирая пальцы марлей со спиртом, оборвала его Батаева, – самопроизвольное сокращение кишечника. Отнесите его подальше. У него перитонит в последней фазе. Безнадежный. Хорошо, если час-два протянет. У меня обезболивающего нет. Если очнется, налейте спирту или самогона. Давайте вон того, с распухшим лицом.

Батаева приказала посадить раненого осколком в челюсть спиной к пеньку, разжать рот и крепко держать челюсти. Внимательно оглядев его, приказала убрать с костра чугунок. В

круглой банке из нержавеющей стали прокипятили хирургический инструмент. Я глянул на щипцы, скальпели, зажимы. По спине побежали мурашки.

– Слушай, лейтенант, – заговорила акушерка. – Надо вытаскивать осколок. Не вытащим – пойдет заражение. Удалять тоже опасно. Я не знаю, какой он величины. Может умереть.

Князьков молча закурил. Глянул на Ивана Войтика. Тот неопределенно пожал плечами.

– Умрет, если не вытащить, – наконец подтвердил он. – И так едва дышит.

– Тогда тяните.

Красноармеец, до которого дошел смысл разговора, замычал и попытался вскочить. Его держали человек пять. Акушерка, несмотря на холод, осталась в одной кофте, завернула до локтей рукава:

– Не бойся, парень, мы сделаем все быстро.

Но осколок не поддавался. Кричать раненый не мог, только сипел. Один из танкистов, не удержав руку, отлетел в сторону. Ошалевший от боли человек оттолкнул Батаеву.

– Держите, мать вашу... – заорала она.

Теперь навалились шестером, и я в том числе. Впервые видел, что у человека могут быть такие расширенные зрачки. Осколок наконец поддался, и женщина рывком вытащила его. Крупный, величиной с гороховый стручок. И сразу изо рта хлынула черная, со сгустками кровь.

– Вниз лицом его!

Крови вытекло много. Потом акушерка долго возилась с ним, промывала рану. И что меня больше всего поразило – отсасывала ртом через стеклянную трубку кровь, что-то еще, сплевывая в тряпочку, и внимательно разглядывала содержимое. Я не выдержал, а Шуваев налил в кружку самогона и протянул ей вместе с кусочком хлеба.

– Ну-ка, прими, Клавдия, чтобы заразу не подхватить.

Акушерка выпила. От хлеба отказалась, а потом долго полоскала горло теплой водой. Мы смотрели на акушерку другими глазами, а Войтик только головой покачал:

– Я бы так не смог!

Потом взялась за обожженного механика-водителя Дудника, которого тоже пришлось крепко держать. Срезала ланцетом клочья сапог, одежды, обгорелой кожи. Танкист вскрикивал от боли, но вытерпел получасовую пытку, почти не шевелясь, только хватая пальцами пучки хвои и земли. К концу операции у танкиста стали закатываться глаза. Клавдия сильно ударила его по одной, другой щеке: «Очухивайся, браток! Тебя дома дети ждут». И сказала, чтобы мы налили обожженному граммов сто пятьдесят самогона. Потом протирала спиртом ноги (да не ноги, а живое кровоточащее мясо!), обложила листьями чистотела и перебинтовала.

Клавдия Марковна пробыла у нас сутки. Узнали мы причину ее ненависти к бригадиру. Во время июльского призыва некоторым специалистам на лесопилке, молочной ферме, колхозным руководителям дали временную отсрочку. Но не всем. В военкомате что-то решали по-своему, и мужа Клавдии, сорокапятiletнего механика на ферме, вскоре забрали на фронт. Через два месяца она получила похоронку. Клавдия считала (как было на самом деле, не знаю), что ушлый бригадир подставил ее мужа вместо себя.

На ночь мы оставили Батаеву ночевать в танке. Специально для нее привезли ватное одеяло. И в ночь умер красноармеец, раненный в горло. Акушерка даже из танка почувствовала хрип задыхающегося человека. Выскочила, что-то пыталась сделать, но рана оказалась смертельной. Раненный в живот красноармеец умер еще днем, и мы его похоронили. Теперь мы столпились вокруг умершего танкиста. Лейтенант Князьков, хоть и старался казаться спокойным, с трудом сдерживался. Я видел, как на щеке ходили желваки:

– И третий умрет? – спросил он таким голосом, что я понял, сейчас возьмет и пристрелит бабу. Он ведь в курсе был про ее угрозы бригадиру.

– Третьему покой и постоянный уход нужен, – явно нервничая, ответила акушерка. – Повязки менять, мази всякие, чистотел.

– И кто это делать будет? – Могу и я.

– Как же, доверю я тебе Дудника. Он в роте лучшим механиком-водителем был. Ты своего бригадира немцам сдать обещала, а танкиста тем более! За тридцать рублей... или марок.

Клавдия заплакала:

– Чего сгоряча не скажешь! Ну, ненавижу я нашего бригадира, а предавать никого не собираюсь, тем более нашего бойца.

Вот с такой ситуацией мы столкнулись возле деревеньки Острожки, название которой врезалось мне в память. Акушерку свозили домой успокоить детей, и она почти пять дней пробыла вместе с нами. На ночь Клавдию Марковну отвозили домой, а потом снова забирали. Поверили ей и не ошиблись. А старшина Шуваев Егор, который ее отвозил и привозил, кажется, очень близко с ней познакомился. В одной избе спали. С автоматом и гранатами охранял ее. Поэтому и слезу пустила наша акушерка, когда дней через пять расставались.

Механик-водитель Дудник ходить не мог. Раны хоть и заживали, но очень медленно. Клавдия Марковна договорилась оставить его у какой-то надежной подруги. Та тоже была вдова и мужика приняла с охотой. Пообещала, что сумеет укрыть нашего сержанта. В крайнем случае, сохранились документы покойного мужа, а соседи подтвердят, что Дудник и является этим мужем. Обожженного из-под бомбежки привезли.

Князьков торопился. Гул артиллерии мы уже не слышали. Значит, фронт отодвинулся далеко. Зато слышали гул немецких моторов. Сами фрицы нас вряд ли найдут. Но вызывало тревогу другое. Отряд наш таял. Исчезли еще трое бойцов-пехотинцев. И никто не мог ручаться, что они не наведут на нас немцев. Вечером отвезли в Острожки обожженного механика. С высокой температурой, исхудавшего, упорно отказывающегося от еды. Выживет ли он?

Мы считали раньше, что если раненого увезли с поля боя, то он почти наверняка выживет. А оказывается, все куда сложнее. Клавдия Марковна – опытный медик, а двое умерли. И хирурги вряд ли сумели бы их вытащить с того света. Слишком поздно приходит помощь, особенно в наших условиях. Князьков принял решение выступать на рассвете. И здесь меня ожидала еще одна неожиданность. Можно сказать, удар. Паша Закутный, выбрав момент, отозвал меня в сторону и сказал, что он остается с Варей.

– Леха, можешь кем угодно меня считать, но я не от трусости решил, – убеждал меня друг. – Убьют нас всех немцы, а я у матери один. Ей прямая дорога в петлю. И с Варей мы живем, как муж с женой.

Я по-дурацки разинул рот:

– Мы ж и неделю здесь не пробыли.

Паша невесело усмехнулся:

– А ты думаешь, для этого месяц или год нужен? Любим мы друг друга. И дядя Иван просил не оставлять Варю. Она красивая, немцы от нее не отстанут. Изнасилуют или жить с каким-нибудь тыловым боровом принудят.

Я минуты две молча переваривал услышанное. Паша понял это по-своему. Притянул ближе к себе.

– Леха, оставайся и ты. Я насчет тебя тоже разговор вел. Хорошую девчонку найдем. Чего молчишь?

– Это ж дезертирство. Считаю, предательство.

– Предавать я никого не собираюсь. А насчет дезертирства... Дезертируют из армии, а ее у нас нет. Князькову деваться некуда, он командир. Ну а нас зачем на убой тащить?

– Пашка, брось дурить, – почти выкрикнул я. – Любишь Варьку, бери ее с собой. Ведь наши вернутся, тебя сразу под трибунал.

Оглядываясь по сторонам, мы долго убеждали друг друга. Но, сами не заметив, мы уже крепко стояли по разные стороны войны. Паша продолжал твердить про любовь, про Варю, которая стала его женой и не выживет без него. А я поначалу никак не мог понять простой вещи. Выжить, во что бы то ни стало, хотел прежде всего сам Пашка. Война его сломала. Трезвый во всем, он взвесил шансы уцелеть и списал нас из списка живых. Погибли почти целиком полк и наш танковый батальон. Еще день-два – и наша оставшаяся маленькая группа с единственным танком расшибется о немецкое железо, их бесчисленные самолеты. Мои уговоры выглядели по меньшей мере смешно. Предлагать умереть человеку, который твердо решил выжить! Никогда он не согласится!

Я и сам был на грани, сытый по горло смертями. Впереди – неизвестность, холодный ветер, первые снежинки и... война, которая закончится смертью каждого из нас. Мне почти каждую ночь снился по ночам сон, где в овраге мины рвали на части живых и мертвых и тела лежали едва не на каждом квадратном метре. А Федя Садчиков? Он истек кровью в танке, потому что невозможно было перевязать почти напрочь оторванную руку. И две последние могилы здесь, на поляне. Боец из пехотного полка и наш танкист. Они долго и мучительно умирали от ран, и мы отворачивали лица от запаха разлагающихся тел, когда закапывали их.

Война сразу окунула нас в такую трясиину, которую я и представить себе не мог. Но я не мог представить себя предателем. Ведь война почти не ставит разницы между дезертирами и предателями. И дело не только в присяге или тех принципах, на которых нас воспитывали. Наверное, в каждом мужчине (пусть еще мальчишке!) заложено нечто такое, что трудно переступить. Пашка смог. И я скорее удивлялся, не понимая его, чем презирал.

– Ты меня не выдашь, Леха? – с заметным напряжением в голосе спросил он.

– Конечно, нет. До завтра ты сам все поймешь. Пусть Варька одевается потеплее, будет у нас санинструктором. У нее хорошо получится. Через пару-тройку дней пробьемся к своим, получим новые танки...

Я что-то говорил еще, наивное, бессмысленное для Паши Закутного. Он кивал и напоминал, чтобы я не проговорился, ведь я для него лучший друг. Единственный, кто его поймет.

А на рассвете все произошло как бы само собой. Мы двинулись в путь. Четыре человека, уместившиеся в танке, и пять на броне. Паша отпросился на час попрощаться с Варей, взять еще хлеба на дорогу, но не смог нас догнать. Его немного подождали, и Князьков, сплюнув, приказал заводить мотор. Когда я нырнул в люк, Игорь Волошин негромко, но отчетливо проговорил:

– Во, Адольф хренов! Удрал.

Слова были обращены ко мне, потому что прежнее имя Закутного знал только я и Волошин. Забегая на годы вперед, скажу, что судьба забросит меня в маленькую деревню Острожки спустя лет тридцать пять после войны. Часть села сожгут немцы, на их месте вырастут новые дома. Село останется таким же, разве что увеличится на десяток подворий и появится новый мост. Младшая дочь бригадира Ивана Никифоровича, ставшая к тем годам огруженной деревенской бабой, узнает меня, встретит радушно. Всплакнет и, накрыв с мужем стол, после второй-третьей стопки все того же самогона (тогда действовал сухой закон Горбачева) расскажет что знает.

Отца, то бишь Ивана Никифоровича, немцы принудили занять должность старосты. Он помогал партизанам и, после освобождения Брянщины, отделался несколькими неделями проверки в лагере НКВД. Затем вернулся к прежней работе бригадиром. Умер он года за полтора до моего приезда. Варя уехала в пятидесятых годах в Рязань, где вышла замуж, имеет троих детей. В село приезжает редко, иногда пишет. О ее недолгом замужестве с окруженцем Пашей сестра мало что помнила. В сорок третьем Паша из села исчез потому, как числился в «самоохране». Не то чтобы полицай, но близко к этому.

От Паши Закутного у Вари осталась дочь, а у меня память о нашем последнем разговоре. Осуждаю ли я его? Сейчас скажу определенно – да, осуждаю. Какими бы словами Паша ни прикрывался, а он ценил свою жизнь превыше всего на свете и хорошо знал, что мало кто из нас уцелеет. Так и получилось.

ГЛАВА 7

Наверное, проще было идти пешком, но Князьков упорно не хотел бросать танк. Заправленный, с боезапасом, хорошо подготовленный за те дни под Острожками к дальнему пути. Лейтенант заранее наметил маршрут, и мы прошли за неполный день километров сто двадцать. Если бы напрямую! Но почти каждое село приходилось объезжать, да и дороги выбирали глухие, без телеграфных проводов.

У небольшого моста через речку, наверное один из притоков Оки, мы вовремя заметили пост. Мотоцикл с пулеметом в коляске и двух немцев у шлагбаума. Речушка была так себе, метров десять в ширину, но мы не стали рисковать и решили поискать брод. Сунулись в одном месте, в другом. Едва не завязли. Надвигались сумерки, и нам пришлось переночевать в лесу.

Если кто пробовал ночевать осенью в лесу или степи без палаток и теплой одежды, тот знает все удовольствия таких ночевок. У нас что имелось? Куртки, телогрейки, шинели через одного да кусок брезента. День уже начинался со снежинок, а к вечеру подул по-зимнему холодный, пронизывающий ветер. Ветер часа через три утих, но заглодало так, что зуб на зуб не попадал. В танке тепло, пока двигатель не остыл, а потом от металла становится еще холоднее, чем снаружи. Вначале вроде согрелись, прижимаясь друг к другу. Потом заснуть уже не могли. Тряслись от холода, да еще по часу парами несли караул.

Возможно, эта холодрыга и бесконечное петляние по дорогам, сожравшее треть имевшегося горючего, снова толкнули нас к мосту. От мостов никуда не денешься, и мы, не завтракая, двинули назад к мосту с мотоциклетным патрулем. От него до деревни было километра полтора. Князьков, в общем-то, верно решил, что даже если поднимется шум, то с нашей скоростью мы успеем нырнуть по одной из дорог в лес. Но лейтенант не рискнул бросаться очертя голову и послал на разведку Шуваева и меня, отдав единственный в отряде бинокль. Я уже не удивлялся, что меня посылают вместе со старшиной. Так сложилось, что последнее время нас посылали вместе. Шуваев, понятно, он мужик опытный, участвовал в польском освободительном походе, в армии больше десяти лет служит. Я мог похвалиться лишь тем, что научился более-менее стрелять из пулемета и кое-как мог объясниться с пленным немцем, если таковой попадется.

Но немцы в плен пока не сдавались и продолжали наносить удары. Пулемет приказали с собой не брать. На поясе висел лишь наган и две «лимонки». У Шуваева – трофейный автомат, но ввязываться в бой нам строго запретили. Главное – убедиться, можно ли проскочить через мост. Мы выбрали позицию метрах в пятистах и вскоре убедились, что здесь нам лучше не соваться.

Кроме поста с пулеметом, Шуваев разглядел хорошо замаскированный оружейный окоп. Пушка вроде одна, но она наверняка пристреляна. И поставлена не только для охраны гарнизона деревни, а для таких, как мы. Мелких остатков воинских частей. Логично добавить «разбитых», но мы это слово не употребляли. Осторожно поползли назад, затем в перелеске поднялись в рост. Я почему-то ждал от старшины вопроса насчет Пашки. Что ни говори, а Паша Закутный в роте на виду был. Самый начитанный, о чем ни спроси, на все ответить мог, а немецкий лучше меня знал. Но старшина вопросов не задавал, а перебросившись со мной несколькими фразами насчет моста, действительно вспомнил Пашку.

– Дружок твой, конечно, умный. На сто шагов вперед видит. И проживет, бог даст, подольше многих, да с теплой бабой под боком. Но одного не поймет, ведь ему немцам служить придется.

– Может, и не придется.

– Нет, Леха. Слышал ведь, что они старост своих ставят, полицию организывают. Кто же здорового парня в стороне оставит? Еще как в полицаи зачислят! А это измена Родине, с вытекающими последствиями. Расстрел. И родню в покое НКВД не оставит.

– У него из родни одна мать.

– Ну, матери будет приятно узнать, что сын предатель. Ребят втихую бросил и смылся. А ты, Лешка, в курсе был.

Ответа от меня Шуваев не ждал, и мы молча вернулись к своим. Выслушав доклад, лейтенант принял решение двигаться дальше, искать другую дорогу. Но и другая дорога часа через полтора уткнулась в мост. Такой же бревенчатый, небольшой, похожий на первый. Только покороче и без охраны. Мыкаться дальше взад-вперед становилось опасно. Уже примелькались, наверное. Убывал бензин. Низко пронеслась пара «мессершмиттов». Бомбить или стрелять не стали. Видимо, приняли за своих. Эти приняли, а другие не примут. Рискнем!

Мост вроде был крепкий, но, судя по всему, изрядно подгнивший от времени, хотя подъезды к нему выглядели накатанными. Главное, здесь не было поста, хотя на холме, километрах в двух, снова виднелась деревня. За час наблюдения проскочил мотоцикл (и здесь немцы!), проехали две подводы с сеном и прошли несколько человек пешком. Наверное, беженцы. На этот раз в разведку пошли Прокофий Шпень и Ваня Войтик. По левому пологому берегу рос ивняк, и оба механика-водителя подкрались к мосту незамеченными. Вернулись довольно быстро.

– Пройдет танк? – спросил Князьков.

– Должен, – неуверенно пожал плечами Прокофий. – Мост, конечно, старый...

– Тьфу, Шуваева, что ли, везде посылать? – ругнулся лейтенант. – Вы же механики-водители. Кто лучше вас знает?

– Настил вроде гусеницами изодран, – сказал Войтик. – Значит, проходили танки.

– Могла и танкетка пройти, – заметил Шуваев. – В ней всего три тонны, а БТ четырнадцать весит.

– Гусеницы шире, не от танкетки.

Решили рискнуть. Другого выхода не оставалось. Шпень разогнал танк, а мы заранее перебрались на левый берег. Прокофий был опытным механиком-водителем, и танк, набирая скорость, без рывков, влетел на мост. Двадцать восемь шагов настила. Несколько секунд ровного и быстрого бега. Мы наблюдали, затаив дыхание. Десять... двадцать шагов. Вот уже и левый берег. Но «быки» у берега вдруг с треском повело в сторону. Одно из бревен лопнуло с таким звуком, словно взорвалось. Танк исчез в мешанине обломков. Мы подбежали ближе. Корма завязла в покрытой тонким льдом тине и грязи. Мотор ревел, выбрасывая фонтаны водорослей и воды.

– Не газуй! – орал Иван Войтик. – Выползай без рывков.

Мы тоже что-то кричали. Никогда не слышал, чтобы железное нутро нашего танка ревели так надсадно. Это не могло продолжаться долго. Или что-то лопнет в моторе или... БТ медленно выползал, и мы непроизвольно манили его руками: «Сюда... сюда».

Шпень, деревенский тракторист, начавший свою карьеру лет пятнадцать назад с чистки ржавых деталей, и сам видел, куда вести танк. Рискуя, он сделал в тине поворот, чтобы не упереться в остатки «быков», и полез, выбираясь из речушки наискось. Он уже почти выполз, когда обвалился слой глины и гусеницы принялись вращаться на месте. Без команды мы подхватили бревно, обломки досок. Пихали под траки все подряд. Выползай, родной! Танк выскочил в двух шагах от меня, и опасно кренясь, полез наверх. Левый берег не был слишком крутым, но пара глиняных уступов оказались серьезным препятствием. БТ переполз через второй уступ и, промчавшись сгоряча, резко тормознул.

– Прощка! Шпень чертов!

Все радостно орали, облепив танк, в котором от напряжения и перегрева что-то булькало и шипело. Открыв люк, высунулся чумазый и улыбающийся Прокофий. Мы не сразу заметили,

что на окраине села появились несколько фигур в шинелях, а по полю наперерез уже несясь вездеход с брезентовой крышей. Остановился метрах в восьмистах, блеснула оптика. Мы полезли на свои места.

Танк шел вдоль речки, огибая село. Вездеход, видимо, передал по радиии, что появился русский танк. Первым выскочил бронетранспортер с противотанковой 37-миллиметровкой на прицепе. Нас обстреляли из пулемета, а артиллеристы торопливо разворачивали орудие. Прокофий гнал на полной скорости. Но уже появилась вторая пушка. Когда артиллеристы развернули свои стволы, мы уже миновали их и неслись напрямую к лесу. Нам в корму, с расстояния метров шестьсот, ударили одновременно обе пушки. Снаряды прошли рядом. Две небольшие раскаленные болванки весом 400 граммов врезались в рыхлую землю. Мы не отвечали. Они и так стреляли на пределе прицельной дистанции, хотя снаряды могли пробить кормовую броню и за километр. Снова залп. Снаряды летели с интервалом 3–4 секунды. И бронетранспортер добавлял веер крупнокалиберных трассирующих пуль, кого-то сорвало с брони.

– Стой! – закричали, свешиваясь в люк.

Прокофий затормозил и, не разворачиваясь, дал задний ход. Раненого механика-водителя Кружилина подняли на броню. Эта небольшая задержка превратила танк на минуту в неподвижную мишень. Несколько снарядов пронеслись совсем рядом, один ударил в корму, другой – в колесо. Мы сумели проехать еще метров двести. Мотор дымил, дергался, потом заглох. Прокофий открыл люк:

– Приехали. Масло на нуле.

В башню ударило, выбило несколько снарядов из боеукладки, но броня удар выдержала. Мы выскочили наружу. Кружилин лежал, зажимая лодыжку.

– Всем в лес! Волков, на прикрытие! Выпустишь десяток снарядов, поджигай танк и догоняй нас. Кто с ним? Нужен помощник.

Остаться должен был кто-то из экипажа. Шпень? Но механиков-водителей мы старались беречь, да и какой из него стрелок? Вызвался Игорь Волошин. Вот от кого я не ожидал такой смелости!

– Ребята, – крикнул Князьков, – я оставлю кого-то возле крайних дубов. Вас дождутся.

Восемь человек быстро уходили прочь. Четверо несли раненого в ногу. Наперерез группе шел броневи́к, вынырнувший из боковой улицы. Я сидел слева от пушки, на командирском месте. Мне было наплевать, что Волошин был командиром танка и старшим сержантом. Это моя машина, и хозяин здесь я. Броневи́к стрелял на ходу из спаренного пулемета. Я нажал на спуск, и фугасный снаряд рванул с недолетом.

– Ставь на осколочное действие! – скомандовал я.

Волошин ловко забросил снаряд в дымящийся казенник. Выстрел! Снаряд рванул снова с недолетом, но осколки достали броневи́к. Он крутнулся и погнал под защиту тополей, у околицы. Я успел послать ему вслед еще два снаряда. Один рванул совсем близко. Наверняка хорошо врезало осколками по корпусу. Броневи́к исчез за бугром. Зато выскочили человек шесть солдат, двое установили пулемет. Я высунулся из люка. Наши уже приближались к лесу. Открыли огонь пулеметчики. Я выстрелил дважды. На этот раз удачно. Ствол подбросило вверх, один пулеметчик остался на месте, второй ужом пополз к овражку.

Напомнили о себе обе 37-миллиметровки. С километрового расстояния их огонь был малоэффективен, но я старательно выпустил несколько снарядов подряд. По броне стучали пули. Немцы вели беглый огонь из винтовок и автоматов. Теперь нам предстояло подумать о себе.

– Глуши их! – крикнул Волошин. – С пяток снарядов, и выскакиваем.

Я выпустил не пять, а, наверное, штук двенадцать снарядов. Все, что оставалось, подряд: осколочно-фугасные, бронебойные. Сняли с креплений пулемет, диски лежали в мешке. Разобрали гранаты и выскочили наружу. Одну «лимонку» Игорь бросил в люк. Но танк не взо-

рвался, снарядов почти не оставалось. Я выпустил очередь по бензобаку, выплеснулся горящий бензин.

Ждать, пока загорится танк, у нас не оставалось времени. Пригибаясь, бежали к лесу. До него было гораздо дальше, чем нам казалось вначале. Пули разных калибров гудели над головой, поднимали фонтанчики смерзшейся земли, рикошетили, лопались мелкими взрывами. Обе пушки сыпали в нашу сторону осколочные снаряды. Один взорвался совсем рядом. Из мешка с пулеметными дисками, который Игорь тащил на спине, брызнули клочья, а Игорь свалился. Я машинально упал тоже.

– Игорь, живой?

– Жив. Мешок порвало. Давай по склону к речке.

Путь к лесу нам был отрезан. Если не пуля, то осколочный снаряд нас достанет. Придется делать круг. В этот момент я осознал, что нахожусь к смерти ближе, чем когда-либо. Это был даже не страх. На него не оставалось времени. Просто осознание, что, прикрывая своих товарищей, мы приговорены.

Мы бежали вниз, и целиться артиллеристам было труднее. Зато от дороги с тополями и от околицы села по нам лупили не меньше, чем из десятка винтовок и нескольких автоматов. Пока спасало расстояние и то, что я разбил немецкий пулемет. Но в любую минуту мог появиться броневик, наверное, поврежденный. Но если его вытолкнут даже на руках, то спаренный пулемет смахнет нас первыми очередями.

Немцы, догадываясь о нашем намерении, бежали наперерез, отрезая путь к лесу. Присев на колено, я торопливыми очередями выпустил диск. Вынул из мешка запасной. Игорь стрелял из трофейного автомата. Мы снова побежали, заставив преследователей залечь. Нас частично защищал береговой откос, но он же втрое удлиннял расстояние до леса.

Мы добежали до ивняка, миновали две огромные корявые ивы. Пулеметная очередь рубанула поверху, сбив ворох сухих веток. Так я и думал. Броневик стрелял с бугра, из обоих стволов. Не добил я гада! Когда пули вонзаются в живую плоть, звук перекрывает все остальное. Игоря Волошина сбilo с ног. Мой однокурсник и однополчанин лежал на мшистой, усыпанной ветками земле. Попытался подняться, но смог лишь опереться на руки.

Комбинезон на поясице набухал кровью. Я рвал пуговицы, растегнул ремень. Наверное, Игорю мои движения доставляли боль, но он молчал, глядя непонятно куда, тусклыми неживыми глазами. Две пули пробили навывлет поясицу. Я мог только представить, что натворили два кусочка немецкого свинца, одетые в медь. У него был разбит таз, а из дырки повыше лобка вытекала кровь с мочой. Раны были смертельные, но Игорь был жив.

От села бежали человек восемь немцев. Они бы меня добились, потому что я медлил, бес толково возился, пытаюсь перевязать Волошина. Из леса застучал пулемет, один из ДТ («Дегтярев танковый»). У нас их было два, снятых с подбитых танков. Больше всего я боялся, что меня посчитают за труса, оставившего раненого товарища. Если бы Игорь сказал мне: «Иди!» – я бы сразу побежал. Но он молчал, и я медлил, уменьшая свои и без того мизерные шансы на спасение.

Снаряд ударил в ствол ивы. Брызнули щепки. Одна больно ударила в спину. Я понял, что надо бежать. Инстинкт, страх, назовите как угодно, толкал меня, доказывая, что я ничем не смогу помочь смертельно раненному человеку с раздробленным тазом. Единственное, на что меня хватило, это несколькими очередями выпустить диск по торчащим бугорками немецким каскам. Подхватив мешок, не перезаряжая пулемет (все решали секунды), я побежал. Я несея, не пригибаясь, торопясь скрыться от свиста пуль, разрывов снарядов, которыми нас провожали немцы. Уже в лесу меня догнал Шуваев и схватил за рукав. Я невольно шархнул от него.

– Все, все, Лешка, – успокаивал он меня, трясущегося, не в силах произнести ни одного слова. – Вы молодцы. Хорошо врезали этим уродам!

– Игорь уже мертвый, – твердил я. – В него попали две пули. Вот сюда.

– Что теперь сделаешь? Война. Я не думал, что и ты живым останешься. С десяток фрицев вы уложили, факт.

Я пытался показать, куда угодили пули, но Шуваев, продолжая что-то говорить, вытряхнул из мешка оставшиеся диски, изорванные осколками. Нашел один целый и перезарядил мой пулемет. Пару дисков, из которых торчали смятые патроны, старшина снова затолкал в мешок.

– Нам теперь все пригодится, – подтолкнул он меня, протягивая мешок. – Пошли быстрее. Бегом!

Нас осталось девять. Из полка, отдельного танкового батальона, остатков рот и пехотных батальонов, бойцов, которых полковник Урусов ставил в строй. Большинство погибли. Кто-то прорывался к своим, а кто-то, как Паша Закутный, отсиживался по деревьям.

Шестеро из девяти были танкисты. Трое – пехотинцы. Ранили механика-водителя Кружилина из третьей роты. Совсем молодой, конопатый парнишка. Крупнокалиберная пуля прошла навывлет, повыше лодыжки, вырвав клочок мяса. Повязка подмокла кровью. Он лежал, вытянувшись, что-то с усилием бормоча под нос. Может, молился. Меня никто не спрашивал, как погиб Волошин, но я как заведенный несколько раз повторил:

– В него попали две пули. В поясницу. Он уже умер.

Когда я произнес это в третий или четвертый раз, Иван Войтик обнял меня и погладил, как ребенка, по голове.

– Успокойся, хлопчик. Вы молодцы. Что положено – сделали. Дали нам всем до леса добежать.

Лейтенант, дождавшись, пока я успокоюсь, расспросил о том, как все происходило. Особенно его беспокоило, точно ли сгорел танк. Тогда я еще не знал, что означает слово «окруженец», и не знал, что каждому из нас, а особенно лейтенанту Князькову, придется подробно докладывать (если выберемся живыми) о каждом дне, проведенном в окружении, и отчитываться за каждый потерянный в роте танк. Ведь Князьков был назначен ротным командиром и отвечал за технику и всех своих подчиненных.

Затем мы почистили оружие, набили остатками патронов пулеметные диски. Оружия на девять человек у нас хватало: два снятых с танков пулемета ДТ, трофейный автомат, винтовки, несколько наганов и пистолетов. Имелось сколько-то гранат. С патронами было хуже. Расковыряв смятые диски, мы набили еще один, имевшийся в запасе пустой диск. Получилось полторы сотни патронов на пулеметы. Штук по двадцать было к винтовкам. Оставшийся трофейный автомат – практически пустой. Гранат тоже не густо – по одной-две на человека. Всех запасов хватит на короткий бой или прорыв через пост. А дальше хоть прикладами отбиваться.

Завтрак, он же и обед, состоял из кусочка масла размером со спичечный коробок и примерно такого же ломтика хлеба. Это были остатки продуктов, которыми обеспечил нас бригадир. Спасибо, неделю на его харчах сидели! Невольно вспомнился Пашка. Князьков аккуратно заполнял журнал боевых действий батальона, хотя от батальона даже взвода не осталось. Слюнявя химический карандаш, переспрашивал:

– Немецкий броневик, значит, подбил?

– Зацепил, – честно признался я, – но двигался он кое-как. Фрицы, считай, на руках его выкатывали. Один снаряд я ему едва не под колеса вlepил. Наверняка из экипажа кого-то убило. Но пулеметы работали. Из них Игоря Волошина и достали.

– Немцев сколько уничтожил?

Этого я не знал. Вместе с Игорем выпустили двадцать с лишним снарядов. Еще я стрелял из пулемета, а Игорь из автомата.

– Штук семь-восемь уделали, – подумав, отозвался я.

– Наверное, больше. Вы долго стреляли. Или не целился?

– Целился. И попадал, – возразил я.

– Запишем тогда так. Подбит бронеавтомобиль системы «Хорьх», уничтожено девять немецких солдат. Получивший многочисленные повреждения танк БТ-7 был подожжен лично рядовым Волковым А.Д. Находившийся вместе с ним старший сержант Волошин Игорь Макарович получил смертельные ранения и погиб смертью храбрых на окраине села (Князьков назвал по карте село, название которого я не запомнил). Распишись.

Я расписался. Лейтенант уже собирался встать, потом глянул на меня:

– А про дружка твоего, Кутького-Закутного, что написать? Самовольно оставил батальон, то есть дезертировал. Или без вести пропал?

– Не знаю, – ковырнул я землю носком сапога.

– Зато я знаю. Закутный Павел совершил дезертирство, и ты не предотвратил это преступление. Ладно, идем.

И снова долгий путь через голый октябрьский лес. Раненого сержанта Кружилина мы несли на самодельных носилках, меняясь каждый час. В книгах о людях, выходивших из окружения, особенно изданных в шестидесятых-восьмидесятых годах, этот путь нередко представлялся как полный схваток и отчаянных прорывов. Мелькало даже что-то приключенческое. Все же тыл врага, а значит, неизбежные схватки, дерзкие нападения на вражеские посты.

Окружение – штука тяжелая. Раненый был один, а нас восемь. Вроде и нести не так трудно. Но все танкисты получали контузии. У Войтика не гнулась рука. Кто-то оглох. У старшины Шуваева были обожжены ладони. Носилки мы сплели удобные, легкие, но вскоре убедились, что даже по часу нести не можем. Менялись каждые сорок минут. Два человека – головной дозор, двое – прикрытие.

Какие к чертям засады, если мы к вечеру едва тянули нашего Васю Кружилина. Хорошего механика-водителя, веселого мужика, любившего рассказывать анекдоты. В основном про хитрых жен и мужей-рогоносцев. Я его не очень хорошо знал, но сейчас мы как родные стали. И Вася Кружилин, улыбаясь через силу, что-то пытался рассказывать, но тяжелая рана доставала его непрерывной болью до такой степени, что он начинал тихо по-щенячьи скулить. Знал, что любой звук в лесу нас выдаст, и терпел, как мог.

Мы выходили из окружения восемь суток. Пересказать я их не смогу. Врезались в память отдельные дни и эпизоды. Как мы хотели переночевать в скирде соломы. Уже в темноте начали копать норы, но метрах в ста с небольшим оказалась дорога. Прошла одна машина, другая, потом целая колонна. Шли внаглую, с включенными фарами. Даже громкие голоса слышно было. Мы замерли, ожидая пулеметной очереди по скирде, или того хуже – немцы решат проверить, есть ли здесь кто. Но завоевателям было не до нас. Колонна прошла, не останавливаясь. Наверное, торопились на теплую ночевку.

А мы отошли в лес и, наломав сосновых веток, сбились в кучу, пытаюсь согреть друг друга. Холод не давал заснуть. Я погружался в забытие, но через полчаса просыпался. Трясся, бегал, чтобы согреться, а потом наступала моя очередь идти на пост. Утром чувствовал себя разбитым, как кляча. Съел свою крошечную порцию масла, уже без хлеба, и взялся за носилки. В тот день впервые выпал мелкий снег и вскоре растаял. А мы менялись, передавая друг другу носилки уже каждые полчаса.

Шли по бездорожью. Сунулись было на колею, где легче было идти, но послышался шум мотора, и мы торопливо убралась в чащу. Правильно сделали! Проследовали два грузовика и машина поменьше.

Сколько там было немцев – неизвестно, но уж не менее десятка. Сытых, здоровых, наверняка с пулеметом, готовые встретить огнем нашу измученную, с воспаленными ранами группу. Много нас выходило той осенью из окружения. А если выходят, то собираются воевать. Значит, надо добивать азиатов, не жалея патронов.

В ночь рискнули переночевать в небольшой деревеньке. Выбрали дом на отшибе. Шуваев сходил на разведку. В телогрейке, шапке без звезды, в карманах наган и граната. Убедился, что

немцев в селе нет. Тогда мы осторожно двинулись всей группой. Постучали в дом на краю, где прямо за огородом начинался сосняк. Хозяин сразу заявил, что в селе немцы.

– Врешь, гад! – выругался старшина. – Я целый час наблюдал. Нет здесь никаких немцев.

– Ну, не германцы, так полицаи, – оправдывался хозяин. – Я вам харчей вынесу, а вы уходите. В лесу ночуйте.

Прозвучало как издевательство. Мы ночь от холода не спали и сюда едва притащились, голодные, усталые, а нас опять в лес гонят. Лейтенант Князьков, в туго перепоясанном ватнике, с кобурой, не сдержавшись, с маху втолкнул хозяина в глубь двора, где заливалась лаем собака.

– Заткни ее и сам заткнись, если жить хочешь!

Вошли вслед за хозяином в дом, оставив одного на карауле. Я видел, что наш лейтенант едва сдерживался. Находило на него такое. Пошарив в кармане, вытащил червонцы, которые не взял бригадир Иван Никифорович.

– Вот деньги. Накормишь бойцов Красной Армии. Мало или хватит?

– Не надо. Накормлю и так.

– За деньги накормишь и на постой возьмешь на ночь. Как гражданин, обязанный помогать сражающейся Красной Армии. Согласно закону. Это я тебе говорю, как лейтенант, командир роты. – Веско прозвучали слова Князькова, готового сорваться в любую секунду.

– Сколько полицаев в деревне? – продолжал Князьков.

– Двое или трое. Да они еще не полицаи. Вроде охраны. Германцы их за порядком следить назначили. – И винтовки дали?

– Не-е... без винтовок пока.

– Ну, так мы твоих полицаев, хоть с автоматами, в капусту посечем и тебя заодно, предателя. Молись Богу, чтобы никто не сунулся. И дом твой сгорит со всем отродьем.

Мужику было лет сорок. По возрасту в армию подходящий. Опережая вопрос, хозяин сказал, что не призван по болезни. Жена, шмыгая по дому, быстро собирала на стол.

– Фельдшер в селе есть? – спросил Войтик.

– Нет. В районе только.

– Ну, что, Василий, потерпишь? Перекусим сначала, а потом я тобой займусь.

– Вытерплю, – ответил Кружилин. – Самогону пусть нальет, боль снять.

Хозяйка поставила на стол чугуны картошки. В большом блюде принесла капусты и несколько огромных мятых огурцов. Сало хозяин резал сам: старое, желтое, пахнущее свечкой, наверное, прошлогоднее. Потом нарезал хлеба. Выпили по стакану самогона и в пять минут смахнули со стола все содержимое. Оголодали. Деньги мужик вроде и не взял, а переложил на подоконник.

– Вари еще картошки, – позвал он жену.

– А куры, что, не несутся? – поддел его Войтик. – Пожарь для раненого яишню.

Меня послали в караул. Боец, топтавшийся у ворот, кинулся в дом с такой прытью, что на ступеньках поскользнулся. С голодухи едва смены дождался. Прибрали еще чугуны картошки вместе с давленными кислыми огурцами. Для раненого хозяйка поджарила пару яиц. Сказала, что несутся плохо – не сезон. Ну и черт с тобой! Зато переночевали в тепле. Высушили сапоги, часть одежды. Телогрейки так сырыми и остались.

Хозяин торопился выпроводить нас до рассвета. Войтик сменил повязку. Хоть и бодрее выглядел наш товарищ, но такую рану покоем и лекарствами лечить надо, а не таскать человека по лесу. Хозяйка сварила картофельного супа с мелкими кусочками сала и выставила два кувшина молока. Вместо хлеба заедали суп холодной картошкой. «Нет хлебушка!» – как объяснил хозяин. С собой дали творога, мелкой картошки в мундире и огурцов. Жадный был хозяин. Хотя и его понять можно было. Семья, впереди зима, немцы. Но Шуваев, старый солдат, его все же раскрутил. Записал на клочке бумаги фамилию, имя хозяина, хозяйки и пригрозил:

То, что ты немцев ждешь, сразу видно. Еслипустишь кого по нашему следу, отпор дадим. Два пулемета видишь? Отвори зенки пошире. Кто в живых останется, эту бумажку прямиком в НКВД отправят. Не надейся, что немцы победят. Твои фрицы, как клопы, а Россию еще никто одолеть не мог. – Лучше замполита растолковал. Хозяин не на шутку испугался. Про репрессии, может, он мало что слышал, а НКВД народ боялся.

Вы, товарищи военные большевики, не сомневайтесь, – выдал напуганный хозяин нам всем диковинное название. – Я всегда за Советскую власть, а фашисты смерть и рабство несут.

Наверное, отродясь, этот хозяин так грамотно не выражался.

– Не надо бы вам, товарищи, такую записку писать. Вдруг, не дай бог, с вами что случится, а мне отвечать. Порвите записку-то...

– Подумаю, – строго сказал старшина.

Пока Шуваев думал, хозяин принес литровую бутылку самогона, ковригу хлеба и сырых яиц, которые уместились в каску одного из пехотинцев. Штук двадцать или чуть больше. Продолжал убеждать, что немцев он не ждет, а Красной Армии готов помочь, чем может.

Похоже на анекдот. А ведь было. Посмеялись, употребили самогон, запивая его круто послонными деревенскими яйцами, и двинулись дальше. На смех уже не тянуло. Холод, ветер, задувающий первый снег, неизвестность...

Васю Кружилина оставили в надежных руках. Плохо заживала рана от тяжелой немецкой пули. Пухла, гноилась нога. Через пару дней ночевали у женщины. Видать по всему, одинокая. Встретила нас хорошо, помылись, поели. Василия попарила, оглядела крепкого парня и сама напросилась:

– Оставьте его мне. Пропадет он в лесу. А я его вылечу.

Согласился наш механик-водитель. Считай, что сосватали. Бабенка душевная, незамужняя. Хоть и невзрачная, постарше Васи, но кому красота в этой ситуации нужна? Приняла ласково, как мужа. Наверняка вылечит. В первую ночь постеснялась с собой положить, а как мы уйдем, наверняка к себе греть устроит. А там, глядишь, дите зачнется, станет Вася ее мужем. Эти мысли прямо читались в глазах хозяйки. Харчей дала в дорогу, и в том числе большую вареную утку. Мы когда уходили, были рады за Василия. Пересмеивались даже. На котомку харчей, самогон и вареную утку нашего механика обменяли. А насчет того, что невеста Кружилина невзрачная досталась, Шуваев мне подмигнул:

– Васек в себя придет, оттопчет ее раз, другой, да пятый, расцветет баба. Это уж мне поверьте. Я в таких делах разбираюсь.

Еще как-то раз повезло. Председатель сельсовета на постой к бабуле, жившей на выселках, определил. Принес баранью лытку, сала, самогона. С нами посидел и утром проводил. Но на этом наше везение кончилось.

Началось с того, что наткнулись на целое поле мертвых. Человек двести лежало наших бойцов, уже изгрызенных, исклеванных хищниками. Часть – раздеты, разуты. Некоторые не тронуты. Мы еще удивились. Полезли менять сапоги, ботинки. От прохуdivшейся обуви мы больше всего страдали.

И вдруг – взрыв. Кричал, катался по земле один из башенных стрелков (башнер, как нас называли), а сплюснутая, вывернутая нога, намокшая кровью, болталась от судорожных движений, как посторонний предмет.

– Стой! Не двигайся.

Кричали в несколько голосов, но истекающий кровью человек мало что соображал. Пополз к нам. Мы шарахнулись прочь. Теперь уже Князьков орал на него, приказывая застыть на месте. А башнер полз. Вторая мина рванула под локтем. Тело подбросило вверх, оторванная рука отлетела метров на пять. Отмучился парень!

Уходили с минного поля цепочкой. Шуваев осторожно тыкал шомполом землю, делал шаг-другой, а мы двигались следом. Кто-то брел в одном ботинке, не успев переобуться, другой бормотал непонятное под нос. Страшной, неожиданной была гибель танкиста. Только что живой, утром махоркой делились, а спустя час оставили мертвым. Когда отошли подальше, опомнились, Войтик разглядел возле разбитой полуторки полусгоревший ботинок. Постучал по дереву, вытряхивая землю, и протянул босому бойцу, прыгающему на посиневшей от холода ноге.

– Обувайся.

Сели перекурить, помянуть махоркой погибшего танкиста. Хороший был парень и стрелок меткий. И смерть неожиданная. Впрочем, никто смерть не ждет – она сама приходит. Кто мог подумать, что на истоптанной дороге, по которой столько транспорта и людей прошло, окажется эта чертова мина.

– Т-3 немецкий с первого снаряда уделал, – вспомнил кто-то погибшего башнера.

– И гаубицу он фугасным накрыл. А потом пушкарей из пулемета причесал.

– И-и-эх, жизнь солдатская...

А босой пехотинец, натянув ботинок, растерянно его разглядывал.

– Он же левый. Мне правый нужен. Левый-то у меня есть.

– Шагай, в чем Бог послал, – посоветовал Иван. – Или сходи на мины. Там и левых, и правых хватает.

Маленький белорус за словом в карман не лез. А смерть, если уж прицепилась, то не отстанет. Через день мы потеряли еще одного товарища, и сам я едва вылез из передраги.

Я не запомнил имени и фамилии красноармейца, вместе с которым Князьков направил нас к деревушке у дороги. Имена и фамилии уходят быстрее, чем какие-то характерные черты человека. Кажется, он был высокий, на голову выше меня. Служил в армии год или полтора. Родом был с наших южных краев, из-под Астрахани. По дороге он рассказывал, как ловил с братом воблу. По мешку за день весеннего лова приносили. А брат, хоть и младше его, уже пропал без вести. Так написала мать в последнем письме. Еще он нахваливал соседку-разведкунку, красивую бабу, которая приклеилась к нему, хоть и старше на три года.

– Три года, Леха, это ничего? – спрашивал у меня астраханец.

– Конечно, ничего, – соглашался я.

– Вот и говорю, – неизвестно чему радовался мой напарник.

Несмотря на равный с ним возраст и то, что я в армии перед войной не служил, астраханец сразу признал во мне командира. Во-первых, Князьков меня старшим назначил, во-вторых, грамотный, в институте учился, и к тому же танкист. А танкистов пехота всегда уважала. Мой напарник, может, и по немцу толком выстрелить не успел, а наш БТ в немецкие танки снаряды всаживал, две пушки и несколько пулеметов разбил. На счету экипажа было как минимум два десятка уничтоженных фрицев.

И еще я почувствовал, что мой авторитет в нашей небольшой группе вырос после того, как мы с Игорем Волошиным остались прикрывать на разбитом танке под артиллерийским огнем всю группу. После этого и Князьков меня звал советоваться, когда собирался вместе со старшиной Шуваевым и Иваном Войтиком что-то обсудить, а я ведь всего-навсего рядовым башнером был. Значит, заслужил. В разведку меня чаще других посылали. И сейчас шли мы к одной из деревушек, которые кормили и обогревали нас на всем долгом пути из окружения. Глянуть, есть ли там немцы, а дальше действовать по обстановке. Главное – найти безопасный ночлег. В лесу уже ночевать было тяжело. То дождь со снегом, то ветер холодный с вечера так закрутит, что ни один шалаш и еловая подстилка не спасут.

Так получилось, что астраханец шел, немного обгоняя меня, вымеряя своими длинными ногами огромные шаги. Я его придерживал, но моего напарника гнал вперед голод и надежда отоспаться в теплой хате. Не доходя до села, я выбрал место, и мы минут двадцать наблюдали

за маленькой, в одну улицу, деревней. Дорога была пустынная, кроме редких сельчан, никого не заметили. И все же мы поторопились. Не рассчитывали, что в этой глуши окажутся немцы.

Произошло все вот как. Мы осторожно приблизились к баньке, стоявшей на дальнем конце огорода. Рядом журчал мелкий, воробью по колено ручеек. Вода в нем была прозрачная, а камни разноцветные: желтые, красно-коричневые, зеленоватые. Мы перешли ручей по двум плоским валунам. Огород был крупно и глубоко перекопан к зиме. Мы шли по тропинке к дому, и никто нас не видел. Может, потому, что сеял мелкий холодный дождь, ветер хлестал брызгами и на улице делать было нечего. Сначала, осмотревшись, двинулся я, затем астраханец. Вдруг мы увидели задний борт грузовика, который показался нам чем-то нереальным среди пустой, утопающей в лужах улице.

Немцы загнали машину радиатором к калитке. Мы замерли. С досадой промелькнуло в голове, что не ночевать нам сегодня в теплом доме и снова оставаться голодными. А через минуту все перебила уже другая мысль – выбраться отсюда живыми. Двое немцев вышли из третьего дома по улице и торопливо шагали в нашу сторону. Один был в шинели нараспашку, другой – в плащ-палатке. Они несли холщовую сумку с чем-то съестным и у обоих были винтовки.

Мы пятились за палисадник, а немцы почти бежали, не глядя на нас. Нам оставалось несколько шагов, чтобы нырнуть за угол дома, когда один из них поднял голову. Мы не желали стрельбы. В деревне, наверное, остановились на ночь водители небольшого подразделения. Может, всего человек шесть-семь. Но уж никак не двое.

И мы, и фрицы застыли на месте. Немцы не хватились за винтовки. Неожданность прошла, но оба солдата понимали, что их положение хуже нашего. Мы держали оружие наготове, а винтовки немцев висели за спиной. Может, и разошлись бы живыми-здоровыми, но заскрипела калитка, и мы бегом бросились назад. Бегущих бьют. Мы на секунду про это забыли, а фрицы сдергивали с плеч винтовки. Мы уже нырнули за угол, когда треснули два выстрела. Мой напарник споткнулся на скользком, как мыло, черноземе и упал на спину. А из-за угла уже вылетал завоеватель, передергивая на бегу затвор. Я нажал на спуск. Очередь с пояса, россыпью ударила в солдата, опрокинув его в лужу.

Второй немец успел отскочить. Пули выбили куски щепок из бревенчатого сруба. Астраханец с трудом поднялся, и мы побежали к баньке. Метров семьдесят голого огорода. Я ожидал, что второй немец высунется снова, и дал на всякий случай еще одну очередь. Когда мы миновали баньку и перескочили ручей, по нам открыли огонь из-за плетня. Стреляли из двух-трех винтовок, и это было хуже, чем автоматы. Нас ловили на мушку с упора, а мы не могли бежать быстро, скользя в грязи, едва не падая. Я плюхнулся в бурьян и добил диск двумя длинными очередями. От плетня полетели сухие прутья, но одинокий выстрел догнал астраханца. Я вставил запасной диск, в котором было десятка три патронов, и выпустил очередь, прижимая фрицев.

– Земеля... браток.

Мой товарищ лежал на спине, дергая ногой в трофейном немецком сапоге. Пуля попала ему между лопаток и вышла из груди. Такие раны смертельны. Из-под шинели выбивало густую темно-красную массу, а когда я рванул крючок шинели, густеющая кровь хлынула мне на ладони. Пуля ударила в землю, облепив меня комочками грязи. Вторая глухо ударила в уже мертвое тело. Я обернулся.

Из-за плетня продолжали стрелять, но меня взбесило то, что «мой» убитый немец уползал, и, помогая, его тянул за шиворот второй гад-фриц. Я вогнал в них три очереди подряд. Оба немца замерли. Патроны в пулемете закончились. А через плетень застучал автомат. Перепрыгнул один, затем второй немец. Они хотели взять меня живым. Отомстить за своих убитых или раненых. Повесить, изрубить тесаками. Я подхватил трехлинейку погибшего товарища, выстрелил раз, другой и побежал, петляя, ожидая каждую секунду пулю между лопаток. Как

раз в то место, куда получил ее мой земляк-волжанин. Повезло, пули прошли мимо, и я остановился отдышаться лишь на краю леса.

Теперь нас оставалось семь человек. Князьков выслушал меня с каким-то странным выражением. Я вернулся без пулемета, с винтовкой волжанина и тремя патронами в обойме. Возможно, он мне верил. Я оставил раненого (пусть даже смертельно!) Игоря Волошина и мог оставить без помощи другого раненого. Наверное, я все же накручивал ситуацию. Князьков неожиданно обнял меня за плечи.

– Молодец, что выжил. И фрицам врезал.

– Двоих уделал, – с трудом приходя в себя, сказал я. – Или наповал, или – калеки.

– Эх, Лешка! Играешь со смертью. Не надо было с фрицами связываться.

– Не хотели мы стрельбы, – оправдывался я. – Немцы внезапно появились, мы возле крайнего дома стояли. Хотели убежать, а они уже в нас целятся. Пришлось стрелять. Жаль, парень погиб. Так получилось.

– Ладно, иди полежи. Успокойся.

Ребята сидели в шалаше, наскоро срубленном из сосновых веток. Какой шалаш спасет от дождя, который уже падал вместе с мокрыми хлопьями снега! Разожгли небольшой костер, который без конца гас. Мне сунули кружку горячей воды, снова расспрашивали, как все получилось.

– Жалко парня, – сказал механик танкетки.

– Ты бы пошел, тебя бы жалели, – отозвался Иван Войтик.

– Послали – пошел бы.

– Чего тебя посылать? Целую неделю стонешь да царапины ковыряешь. А Лешка молодец. За одного нашего – двоих фрицев уложил.

– Может, и не наповал, – сказал я. – Но врезал крепко. Так и остались лежать.

– Значит, подохнут, – подвел итог Шпень. – Двигайся ближе, Леха, к костру.

Какое-то время лежали молча, прислушиваясь к шуму ветра. Костер почти не горел. Слишком сыро и сверху, и снизу. Жались теснее друг к другу, но всех трясло от холода.

– Это еще ничего, – рассказывал Иван Войтик. – Я в лесу однажды застрял. Кабана завалил, а оставлять жалко. Мороз под тридцать, декабрь, ночи длинные. Костер развел и валежник подбрасываю. Мяса поджарил, снегу вскипятил. А два пальца на ноге отморозил. Валенки сырые были, в ручей провалился.

– Шел бы ты со своим мясом! – матюгнулись в ответ. – У тебя там костер, мясо. А тут вода да снег.

– Лейтенант, мы здесь околеем к утру, – подал голос старшина Шуваев. – Надо строить настоящий шалаш или идти дальше.

– Машина была одна? – уточнил Князьков.

Он никак не назвал меня. Просто бросил в темноту вопрос.

– Одна, – ответил я. – На улице мы больше не видели ни одной поблизости.

– Тогда одна и была, – снова подал голос старшина. – Если больше, то ставили бы вместе. Охранять легче. И за Лехой не погнались. Они бы ему гонки устроили, будь их побольше.

– За таким героем себе дорожке гоняться, – усмехнулся лейтенант Князьков. – Навалил из пулемета немцев. Те, кто выжил, трясутся небось.

– Или удрали, – дельно заметил Прокофий. – Чего им рисковать зазря? Они ведь не знают, сколько нас. Может, целый батальон прорывается. А если раненые у фрицев имелись, наверняка в лазарет повезли.

Снова замолчали. Я ощупал противогазную сумку со своим нехитрым барахлом. Там же лежала завернутая в полотенце «лимонка». Одну я брал в деревню, но в горячке не догадался ею воспользоваться. Запал лежал отдельно. Я аккуратно ввинтил его. Шпень недовольно буркнул, чтобы я не валял дурака. Или хочу всех за компанию взорвать? Но я знал, что делаю.

– Роман Васильевич, – обратился я к лейтенанту. Без звания, неофициально. – У меня есть две «лимонки». К нагану почти двадцать патронов. Винтовка. До сельца три километра, даже меньше. Сорок минут хода. Я вернусь через два часа.

– И чего тебе там понадобилось, – помолчав, ответил Князьков. – Герой-разведчик, так, что ли?

– Подковыривать не надо. Я в герои себя не записываю. Хочу посмотреть, что в деревне творится. Если немцы там, закачу гранату под грузовик.

– Или часовой тебя на штык посадит.

– Это мы еще посмотрим. Да и нет там уже немцев. Прокофий верно рассуждает. Смылись. А возвращаться по такой грязище им ни к чему. Ну, нарвались на них отступающие красноармейцы и дальше ушли.

– Лешка, пожалуй, дело говорит, – снова подал голос старшина Шуваев. – Заснуть – не заснем... И жрать хочется. Только идти надо всем.

– От холода завтра не встанем, – поддержал его Войтик. – Раздолбаем этот грузовик. Согреемся хоть.

Двое-трое невесело посмеялись. Смерть вчера, смерть сегодня. И ночью кто-то погибнет, если сцепимся с немцами. Некоторые, их было меньше, предпочитали пересидеть в холоде, но не рисковать. Большинство, обозленные, голодные, не задумываясь о последствиях, были готовы идти в село. Патронов в достатке лишь к наганам и пистолетам, но зато есть гранаты и пулемет с полным диском. Маленький отряд под командой Князькова и Шуваева быстро, почти лихорадочно, готовился к предстоящему бою.

Гранаты – тем, кто умеет с ними хорошо обращаться. Мне оставили лишь одну, зато дали семь патронов к винтовке. Теперь будет две полные обоймы.

– Ты из нагана хорошо пуляешь, Леха, – хлопнули меня по плечу. – Ночью лучше нет оружия, чем наганы и гранаты. Уроем гадов фашистских.

Человек не так и часто бывает счастливым. Вот в этот момент я им был. Я затеял этот ночной поход, и все меня поддерживали. Но в селе немцев не оказалось. Кому больше повезло, фрицам или нам – не знаю. Скорее всего, местным жителям. Нас встретили хоть и без восторга, но, в общем, радушно. Рассказали, что днем был бой. Строчили из пулеметов, убили одного германца, а второго сильно поранили. И германцы стреляли, убили одного молодого ладного парня. А потом собрались и уехали. А тело парня-красноармейца люди отнесли в дальний конец огорода и завернули в шинель. Завтра похоронят. Мы сходили и убедились, что это астраханец. Завернули поплотней в шинель и вернулись в дом.

Мы пили самогон, ели картошку с салом и грибами. Князьков подкатывался к хозяйской дочке и хвалил меня. И подвыпившие бабы наперебой рассказывали, как германцы торопились. Загрузили говяжью тушу, несколько овец и дотемна укатали, выставив из-под брезента стволы.

Я спал на полу, на сухом сене, поверх которого постелили большое рядно. Тепло, сытно, под боком храпел Прокофий Шпень, о чем-то бубнил с дедом старшина Шуваев. Князьков все крутился вокруг хозяйской дочки. Я в полусне ему завидовал, а потом словно провалился.

Через двое суток мы ночью прошли еще не устоявшуюся линию фронта и добрались до своих. Погиб сержант Шпень. Он попал под пулеметную очередь нашего «максима». Слишком бдительной и пугливой была пехота, которую мы материли во все лопатки, когда обезоруженные шли в штаб, неся на руках неподъемное тело нашего механика-водителя. Жалко мне было Прокофия, хороший мужик был. И танк умело водил. Сколько раз нас из-под снарядов выводил. Один я из экипажа остался. Так закончилось мое первое хождение на войну.

ГЛАВА 8

Неделю нас проверяли. Затем вместе с другими танкистами зачислили в запасной полк. Ни о каком продолжении учебы для нас, недоучившихся курсантов, речь не шла. Слишком сложным было положение на фронте в ноябре сорок первого. Бои шли на подступах к Москве, а если глянуть на карту, то линия фронта шла с севера на юг, через Великие Луки, Ржев, Тулу, Мценск. 17 ноября немцы взяли Ростов-на-Дону.

Наш запасной танковый полк располагался недалеко от города Усмань, километрах в сорока юго-восточнее Воронежа. Сюда пригоняли технику: новые «тридцатьчетверки», тяжелые КВ, но много было и старых легких танков. Недели две мы проходили обучение на «тридцатьчетверках», потом началось наступление под Москвой, и нас, человек семьдесят танкистов, перебросили в расположение Юго-Западного фронта.

Сто двенадцатый танковый полк, в который мы попали, срочно формировался и пополнялся техникой. Лейтенант Князьков был назначен командиром роты. В роте было шесть «тридцатьчетверок», один КВ и три легких БТ. Князьков не хотел отпускать от себя танкистов, с кем прошел октябрьские бои. С Иваном Войтиком дело решилось довольно просто. Опытный тракторист, кроме того, он проходил курсы вождения Т-34 еще в мае сорок первого года. Он занял свое привычное место механика-водителя на новом мощном танке Т-34, которым командовал лейтенант Князьков. Меня зачислили в этот же экипаж стрелком-радистом, хотя в рациях я совершенно не разбирался. Но по крайней мере пулемет был хорошо мне знаком, а связь все равно не действовала.

Все решалось быстро. Мы получили боекомплект, нас переодели в новые теплые куртки, комбинезоны. Неожиданно меня вместе с Князьковым вызвали в штаб батальона. Комбат, капитан, с орденом Красной Звезды, расспросил, насколько хорошо я знаю легкий БТ-7. Я удивился. К легкой маневренной «бэтэшке» я привык, мог заменить любого из экипажа, а из пушки и пулемета настрелялся по всем целям. Князьков несколько раз пытался вмешаться в разговор. По его словам, БТ я знал слабо, в основном находился в роли заряжающего и пулеметчика. Но парень грамотный, способный. Поэтому Князьков принял решение взять меня стажером на Т-34.

– Какие стажеры, лейтенант? – усмехнулся комбат. – Немцев от Москвы гонят, такие бои идут, а ты под бочок всю свою прежнюю команду хочешь забрать. У меня три новеньких БТ-7, а командовать некому. Сколько немцев на счету?

Вопрос был обращен ко мне.

– Примерно пятнадцать или чуть больше, – вытянулся я.

– Не врет? – кивнул он Князькову.

– Пятнадцать точно есть, а скорее всего – побольше, – ответил лейтенант. – Мне он на «тридцатьчетверке» пригодится.

– А мне – командиром БТ-7, – подвел итог разговора комбат.

Князьков всеми силами старался перетянуть меня к себе, полагая, что за толстой броней Т-34, да еще рядом с ним, я буду в большей безопасности, чем в устаревшем БТ, броню которых пробивают любые пушки. Но приказ был подписан. Мне присвоили звание «сержант», и я принял свою вторую машину. Танк был действительно новый. На свежей матово-зеленой краске выделялись царапины, полученные при погрузке-выгрузке. С одной стороны, мне было жаль покидать «тридцатьчетверку». А с другой, меня распирала гордость. Еще утром был рядовым стрелком, а сейчас уже сержант, и под моей командой целый экипаж.

Башенный стрелок, Костя Осокин, лишь недавно закончил курсы и в бою еще не был. Мне он сразу понравился. Светловолосый, с открытым простодушным лицом. В общем, наш, русак. Он, не скрывая, завидовал тем, кто попал на «тридцатьчетверки». Эти танки были в

зените своей славы. Бригады «тридцатьчетверок» гнали немцев в декабрьском наступлении от Москвы. А слухи о массовых потерях легких Т-26 и БТ уже давно ходили среди танкистов.

Я рассказал Косте, что «бэтэшка» – хорошая, маневренная машина, не уступающая немецким. Сдуру можно и лоб прошибить, а если вести бой грамотно, на скоростях (я повторял слова Князькова), метко бить с коротких остановок, то немецкие танки и пушки не так и страшны. Механик-водитель Грошев (имени не запомнил), маленький, жилистый, но не в меру ехидный, тут же поинтересовался, сколько танков осталось от нашего батальона. Отвечать, что ни одного, мне не хотелось. Врать – тоже. Я уклончиво ответил, что потери мы несли большие, но и немцам доставалось.

– И где он сейчас, твой батальон? – не отставал Грошев.

Я с трудом сдержался, чтобы не послать его матом, куда подальше. Мне было обидно за погибших ребят, о которых допытывается желчный, видать себе на уме, механик-водитель. Вместо этого я резко спросил:

– Вы сами воевали, товарищ младший сержант?

– Было дело...

– Где именно? – теперь уже не отставал я.

Я имел право как командир знать о прохождении службы своими подчиненными. Оказалось, что Грошев в боевых действиях участия не принимал. Какое-то время простоял во втором эшелоне, попал под бомбежку. Вот и весь опыт. Зато гонора хватало. Все же механик-водитель, второе лицо в экипаже.

– Знаешь что, если хочешь выжить, – просто сказал я ему, – не надо хитрить, что-то из себя строить. Мы – один коллектив. Ты по возрасту старше нас. Держаться на до дружно. И приказы мои выполняй как положено. Я в командиры не рвался – начальство поставило, потому что какой-никакой опыт имею. И наступал, и отступал, и по фрицам настрелялся достаточно.

Отродясь таких длинных речей не говорил, но отношения надо было строить сразу. Подействовало. Разговор пошел проще. Поговорили об октябрьских боях под Брянском, затем меня вызвал командир взвода, младший лейтенант Голик. Посидели вместе с двумя другими командирами танков. Боевой опыт имел только один из них. Никита Голик, мой ровесник, окончил Челябинское танковое училище и на передовой находился всего ничего. Выпили спирта, закусив его хлебом с сушеной рыбой. Немного поделились друг с другом, кто, откуда, чем занимались до войны, и разошлись по экипажам.

С неделю простояли на окраине довольно большого села. Запомнились ежедневные политзанятия. В те дни шло активное наступление под Москвой, и наши политруки охрипли от бесконечных речей перед бойцами и даже местным населением. Мы тоже обсуждали наше наступление, но ни мне, ни Войтику слово «разгром» не понравилось. Дали, дают немцам по зубам! Впервые за всю войну в Европе. Но о разгроме говорить рано, когда за спиной у фрицев такая огромная оккупированная территория. Однако радовались все. Разгром не разгром, а удары по фашистам поднимали боевой дух. Были и такие, кто считал, что теперь мы движем к границам без остановок. Но большинство положение воспринимали трезво. Разгром под Москвой – это еще не победа.

Наша передышка длилась недолго. Вспоминается случай во время нашего короткого отдыха. Мы с одним из командиров танков познакомились с местными девушками. Они пригласили нас на вечеринку, сказав, чтобы мы захватили для компании третьего «командира». Так и выразились – командира, имея в виду лейтенанта. Мы ведь сержанты были, средние командиры. Я хотел захватить Ивана Войтика, но водителям категорически запрещалось отлучаться от танков. Да и мы вырвались, потому что Князьков помог. А я в благодарность пригласил Князькова третьим в компанию. Хоть и командир роты, но мы с ним столько прошли, что без посторонних на «ты» разговаривали. Друзьями стали. Князьков согласился и даже взял орга-

низацию в свои руки. Мы собирались идти с коробкой зефира и двумя бутылками портвейна, купленными в военторге.

– Это – несерьезно! – заявил Князьков. – Вы на что рассчитываете с такими дешевыми подарками?

Рассчитывал я на многое. Но Князьков был прав. Бедненькие у нас были подарки. Подумают девчата, что мы жадничаем.

– На большее денег не хватает, – оправдывался я. – Не сахар же с собой тащить?

– Хоть и сахар. Сколько лет девкам?

– Лет по девятнадцать-двадцать.

– Ясно.

Что ясно, я не понял, но с помощью Князькова пришли мы в гости с вещмешком, в котором, кроме нашего вина-зефира, лежали две фляжки водки, тушенка, сахар, пара колец копченой колбасы и даже хлеб. Девушек было трое. Я сразу положил глаз на Женю, белокурую, красивую телефонистку с узла связи. Считал, что имею на это право. Ведь это я знакомился с ними. Женя была самая бойкая. Ахнула, когда, развязав мешок, я выложил на стол такие деликатесы.

– Вот это женихи! – и чмокнула меня в щеку. Вечеринка как вечеринка. Пили кто водку, кто вино.

Закусывали. Хотя девчата, кроме Жени, скромничали, но ели с аппетитом. Голодно в тылу – сразу видно. Я Жене кусочки подкладываю, подливаю в рюмку, прижимаюсь теснее. Всякие мысли бродят, особенно когда бедром к ней прижмусь. Танцы, конечно. Под мелодию «Рио-Рита», «Отцвели уж давно хризантемы в саду» и прочее.

У второго сержанта с подругой дела неплохо шли. И на кухню бегали, наверное, целоваться. И перешептывались на ухо. А моя Женя к Князькову все больше липнет. И он ее обнимает за спину, к себе прижимает, теснее некуда. Я не выдержал, отозвал лейтенанта на кухню. Выдал откровенно, как старшему товарищу:

– Роман, мы тут не в строю. Если командир роты, то можно девушку у друга отбивать?

Выпивши оба были. Он меня за плечо обнял, прижал к себе, даже по волосам, как мальчишку, потрепал:

– Леха, друг! Женя не девушка.

– А кто же? – растерялся я.

– Мы друзья и ссориться из-за баб не станем. Сам видишь, Женька ко мне жметя. Валя одна сидит, хорошая девчонка. Танцуй с ней.

– А чего ты мне указываешь! – полез я на рожон, но пришла Женя и увела лейтенанта танцевать.

Валя была девушка поскромнее. Я же, как дурачок, на все яркое кидался. Сел, налил себе еще. Надулся на всех, как индюк. Две пары танцуют, а мы с Валею молча сидим. Она девчонка, видать, с самолюбием была. Посидели немного, встает Валя и говорит:

– Я, пожалуй, тут лишняя. Пойду домой. Провожать меня не надо.

И пошла одеваться. А Князьков меня снова за плечи трясет. Не будь дураком! Вся компания облепила нас, с Вали пальто стащили, посадили рядом со мной. Заставили выпить на брудершафт. Поцеловались. Выпили еще и пошли танцевать. Потом на кухне целовались, и Валя, молодец, не вспоминала мне Женю. И ночевать остался я вместе с Валею в какой-то пустой, очень холодной комнате. Помню, что накрывались двумя одеялами, шинелью, пальто.

До утра не спали. Занимались, как сейчас говорят, любовью. Друг другу все о жизни рассказывали. Мало что я запомнил, кроме обнаженного женского тела, прижимавшегося ко мне. Договорились встретиться еще. Но в полку объявили боевую тревогу. Сутки мы не вылезали из танков, потом двинулись ускоренным маршем. Прощай-прости, Валюша! Не успел я с тобой попрощаться.

13-я армия, в составе которой начал воевать наш отдельный танковый батальон, сыграла важную роль в наступательной операции под Москвой. Люди, знакомые с историей войны, знают, что Гитлер, после того как его войска начали отступление, были разбиты целые дивизии и корпуса, отдал приказ, строго запрещающий своим офицерам оставлять занятые позиции. Здесь, на Восточном фронте, в Подмоскowie и на других участках, полевые суды расстреливали своих же соотечественников-немцев за отход без приказа. Соппротивление немцев было ожесточенное.

Продвижение войск 13-й армии в результате понесенных потерь во второй половине декабря замедлилось. В пяти дивизиях армии к концу декабря насчитывалось менее 15 тысяч бойцов и командиров (практически одна полнокровная дивизия), то есть личный состав четырех дивизий выбыл из строя убитыми и ранеными. Но наступление продолжалось, и наш полк был снова включен в состав другой армии, наступающей в трехстах километрах южнее Москвы.

Мой первый и последний бой состоялся 26 или 27 декабря под городком Чернава на Оке. Был пасмурный морозный день. Батальон форсированным маршем двигался по одной из бесчисленных дорог, пробитых отступающими немецкими войсками. Я видел застывшую, присыпанную снегом, уничтоженную немецкую технику, трупы фашистов. Или немцев? Как-то меня поправили, что не все немцы были фашистами. Согласен. Но будь Ганс хоть трижды интернационалист и даже когда-то принимал участие в митингах против Гитлера – сейчас он стал фашистом. Он шел в рядах фашистской армии, чтобы захватить мою землю, дом, убить мою семью. А сейчас сам валялся на обочине, а по его расплюснутым ногам шли наши танки.

Огромный грузовик с развороченным мотором завалился набок. Рядом два трупа. Сгоревший старый знакомый Т-3 с распахнутыми люками. Задрав длинный ствол, стояла в связке с сожженными тягачами дальнoбойная пушка. Снова трупы... В одном месте, неподалеку от дороги, за грядой берез мы увидели кучку военных и лежавшие на снегу тела. Остановились и пошли глянуть. В низинке лежали расстрелянные советские военнопленные, сто – сто двадцать трупов. Что меня поразило, все они были страшно истощены, многие лежали в одних гимнастерках, головы были обмотаны полотенцами или портянками. Видимо, шинели и телогрейки забрали немцы. Мы постояли возле расстрелянных несколько минут со снятыми шлемами, потом опять вернулись к танкам.

– Теперь фрицы дождутся пощады, – крикнул сквозь шум мотора Костя Осокин, когда мы тронулись. – Даже раненых не пощадили.

Увиденное оставило тягостное впечатление. Двигались молча, только курили. Через полчаса колонна остановилась, и командиры рот побежали к комбату совещаться. Прошли два самолета. Я невольно пригнулся. Но это были наши, толстенные истребители И-16, знакомые мне еще по довоенным фильмам. Где-то за лесом слышались взрывы. Прибежал Князьков.

– Ну, ребята, готовьтесь. Лешка, вперед не лезь. Делать все по моей команде. Ясно?

– Чего не ясно! Вы расстрелянных видели? Вот гады-фашисты!

– А если гады, давите их без пощады, – сказал Князьков. – Некоторым злости не хватает. Теперь сами посмотрели, что фашисты творят. Леша, впереди сильная драка. Ты уже третий танкист. Я на тебя надеюсь.

Стало приятно, что Князьков выделил меня среди взводных командиров. Я уже не дулся на него, что он выхватил у меня из-под носа красивую Женю. С Валеи было не хуже. Просто тогда меня долго не отпускало самолюбие. Но сейчас все эти воспоминания перебивала страшная картина расстрелянных наших ребят. Когда я видел красноармейцев с винтовками в руках – это было другое дело. Они погибли в бою, такая участь в любой момент могла ожидать и меня. А смотреть на расстрелянных безоружных парней было куда страшнее. Перекурив и кратко передав инструкции комбата, двинулись дальше. Догнали отступающий на лошадах обоз. Большинство немцев сразу бросились в перелесок. Их расстреляли из пулеметов, не

останавливаясь. Человек пятьдесят или больше. Я заметил, что наши по лошадям старались не стрелять. Во многих танках сидели вчерашние крестьяне, привыкшие жалеть скотину порой сильнее, чем человека.

Двоих немцев поймали и быстро допрашивали. Потом отвели в сторону и расстреляли у обочины. По цепочке передали сведения, что вот-вот можно ожидать стычки с артиллерийским прикрытием.

– Товарищ сержант, – наклонился ко мне Костя, – Красная Армия ведь пленных не расстреливает. Ну, ладно, от фашистов всего ждать можно, но мы же Красная Армия. Нехорошо как-то получается.

– А куда их девать? – крикнул снизу механик Грошев, который слышал, что надо и не надо. – У нас почетного конвоя для них нет. А тебя не догадались отрядить. И вообще, вспоминай почаще, как немцы наших сотнями расстреливают. Тогда дурацкие вопросы перестанешь задавать.

– Понимаешь, Костя, – через минуту-две отозвался я. – Не та ситуация. Девать их действительно некуда. И люди столько нагляделись, так что пощады фрицам трудно ждать.

Десятки наших пленных, расстрелянных возле дороги, – это еще не все. Не рассказывать же парню про «гиблый овраг», где на каждом метре, а то и в два слоя, лежали трупы таких же ребят, изорванных, побитых минометным огнем. Или как летели на окопы полутонные бомбы, сметающие все живое в пыль, а «мессеры» гонялись за бойцами, разгоняя, сбивая их в кучи. Потом из четырех-пяти стволов расстреливали, как в тире, вместе и поодиночке, и показывали нам фигуры высшего пилотажа, прежде чем снова наброситься на людей, лишенных всякой защиты.

Вскоре мы увидели наши подбитые танки. Штук пять подбитых и сгоревших, у одного возились ремонтники. Мы выяснили, что впереди их накрыли из засады. Звуки боя доносились уже поблизости. Батальон разделили на две части. Первая рота с комбатом осталась на месте, а наша вторая и третья двинулись вдоль дубовой гряды. Я понял так, что перед нами поставлена задача – ударить во фланг. Знакомое возбуждение охватило весь экипаж.

– Слышь, командир, – позвал меня снизу Грошев. – Ты за орденами не гонись. У меня двое детей, да и Костю пожалей. Пусть КВ и «тридцатьчетверки» впереди прут. У них броня толстая.

Обогнали пехотную роту, окопавшуюся в снегу. Большие пятна крови в протаявшем снегу, трупы красноармейцев, сложенные в ряд. С десятков тел, лица прикрыты шапками. Ротный капитан сказал, что справа и слева тоже есть пехота, но немцы ведут сильный пулеметный огонь. На предложение выделить людей для десанта ответил отказом.

– У меня всего полста человек осталось. Смахнут их за минуту с ваших коробок. Пулеметы подавите сначала.

Немцы с пулеметами куда-то убрались. Мы шли последние и увидели, что пехотинцы, не торопясь, стали подниматься. Потом тяжелый КВ, идущий впереди, наскочил на мину. Поднялся шум, гам, ударили противотанковые пушки. Выходит, удар с фланга не удался? Отвечать на мой вопрос было некому. Наша вторая рота неслась на скорости вперед, забирая левее к дороге. Прошли мимо подорвавшегося КВ. Мина была мощная, вырвала два нижних массивных катка, порвала гусеницу, торчали погнутые оси. Мелькнуло в голове: если мы попадем на такую, от нас одни ошметки останутся.

Впереди, с остановки, дважды выстрелил Т-34. Потом зигзагами рванул вперед. Грошев замедлил ход, а я высматривал цель. Увидел метрах в трехстах, среди заснеженных деревьев, одну и вторую вспышку. С запозданием донеслись хлопки противотанковых 50-миллиметровок, и Грошев снова снизил скорость. Я выпустил три осколочных снаряда.

– Грошев, вперед!

Но хитроумный механик дождался, пока пройдут обе «бэтэшки», и поплелся у них в хвосте. – Быстрее, – кричал я.

– Сейчас, – бормотал Грошев, силой дергая рычаги. – Кажись, в коробке скоростей что-то...

Механик скрежетал передачами, танк дергался на месте. Грошев явно пытался изобразить неисправность. Еще не хватало, чтобы меня приняли за труса! Я влепил сапогом в плечо механика.

– Газу! Жми вперед.

Грошев оставил в покое сцепление и прибавил скорость. Впереди встала как вкопанная «бэтэшка». Я чутьем понял, что ее уделало крепко. А потом увидел сквозную дырку в башне. Из переднего люка вывалился механик, а из пробойны взвился, как выстрел, язык пламени. Поднялся и опустился в командирский люк. Видимо, у командира танка не хватило сил выбраться. Я высунулся. Лезть в танк, который уже горит, было слишком рискованно. Но снаряды обычно не детонируют сразу, если не попали в боеголовку. Рискнуть? Я поколебался несколько секунд, которые уже ничего не решали.

Наш собрат БТ-7 взорвался и вспыхнул. Впереди уползала с дымящимся двигателем «тридцатьчетверка». Она продолжала бегло вести огонь. Зато Грошев снова мудрил, прячась за деревья. Я не видел цели.

– Под трибунал пойдешь, сука!

Что-то крикнул, поддерживая меня, Костя Осокин. Грошев правым боком выполз из низинки. Если получим снаряд, то в борт или башню, а этот урод выживет. Я выхватил из кармана наган.

– Еще один фокус, и я тебя шлепну!

– Машину сам поведешь? – огрызнулся механик.

– Сам. Без тебя обойдемся. А Костя с орудием справится.

Грошев знал, что управлять легким танком я умею. С руганью прибавил газу, и пронеслись через открытую поляну – самое опасное место. Болванка с опозданием врезалась в дерево, справа по курсу, и, выломив огромную щепу, закувыркалась в снег. Двигатель подбитого Т-34 уже не дымил, а горел чадным пламенем. Кто говорил, что солярка слабо горит? Пламя ворочалось огромным комком, охватывая башню. Горела краска. Из лопнувшего запасного бака тоже вытекала огненная струя. Открылся верхний люк. Заряжающий, я его узнал, рывком перебрал тело и скатился по броне на снег, катался, сбивая пламя.

Он оказался единственным членом экипажа, которому удалось спастись. Механик-водитель, откинув люк, уже выбрался по пояс, когда огонь выхлестнул сразу из верхнего и переднего люков. Механик словно попал под струю огнемёта. Даже сквозь рев двигателя я услышал отчаянный крик человека. Все это происходило в двадцати шагах от нас. Грошев, с перепугу, так надавил на газ, что танк рванул вперед, и снаряд, предназначенный нам, лишь рикошетом прошел по округлости башни. От удара я свалился на всякий хлам, лежавший внизу, а Костю ударило головой о металл. Костю спас танкошлем, а всех нас трусоватый механик-водитель Грошев. Я так и не запомнил его имени.

Пока я расчухался и высунулся глотнуть морозного воздуха, механик, не снижая скорости на виражах, миновал еще одну поляну, а навстречу нам разворачивался трехметровый ствол с набалдашником, как головка змеи. Костя уже вбил в казенник снаряд.

– Осколочный! – крикнул он.

До орудия оставалось метров сто двадцать. Наш снаряд, взорвавшись, проломил щит. Град осколков и обломков щита вымели орудийный окоп как метлой. Когда мы проносились мимо, ни один человек из расчета не стоял. Кто-то шевелился, другой отползал в сторону.

– Осколочный, – снова кричал Костя. – Вторая гадюка справа!

Мы уже миновали линию, на которой стояла батарея, и вышли ей во фланг. Будь сейчас осень, все было бы изрыто траншеями, из которых в любом месте могла вылететь под гусеницы мина-сковородка, но копать глубокие укрытия немцы уже не успевали. Я выстрелил в пушку сбоку, снаряд взорвался на бруствере. Т-34 почти в упор развалил ее своим тяжелым снарядом.

Мы пролетели мимо горящей «бэтэшки» третьего взвода и, перевалив через бруствер, раздавили разведенные, словно ноги, станины третьей пушки. Свернули казенник и обрушились всей массой на двоих артиллеристов. Они до конца оставались на своих местах, но не успели повернуть ствол. Грошев, матерясь, выбирался из окопа. Двое немцев бежали к деревьям. Наши стволы были слишком задраны вверх, и пулеметная очередь лишь подстегнула их.

Неподалеку «тридцатьчетверка» Князькова, крутясь на месте, раздавила еще одну пушку. Выбралась из развороченного оружейного окопа, дымящегося на морозе вывернутой из глубины земель, встала неподалеку от громадины КВ. Оба танка с места посылали снаряды и длинные очереди в оставшиеся пушки, пулеметные гнезда, разбегающихся немцев. Мы раздолбали эту шестиорудийную батарею 50-миллиметровок, оставив все же пять своих подбитых и горящих танков. Немцы не сдавали позиции легко! Оставшиеся танки съезжались к КВ, возле которого стоял командир третьей роты, капитан с орденом Красного Знамени. Возбужденный, как и все, он отдавал команды.

Подтягивалась пехота. По обычной привычке шарили в поисках трофеев. Я выскочил размяться, подошел к Князькову. Он ковырялся в ящиках со снарядами. Ему мешал труп немца, лежавший на них.

– Оттащите его, – приказал он.

Когда мы отволокли еще теплое тело в шинели и каске в сторону, лейтенант достал и показал нам снаряд с приваренной головкой, которая была тщательно отшлифована и отличалась от остальной части снаряда лишь цветом.

– Титан или вольфрам, – сказал Князьков. – А внутри почти двести граммов специальной взрывчатки. Пробивают броню и взрываются внутри танка. Делали для «тридцатьчетверок» и КВ. Упаси бог попасть под такую гадину. Но их не так и много.

Рядом, в окопе, я подобрал противотанковое ружье на сошках с магазином, расположенным позади рукоятки. Хотел забрать его с собой в танк, но лейтенант посоветовал:

– Поищи лучше автоматы и консервы. А эту мандулину отдай пехоте. У тебя же пушка. А вообще, ты молодец! Немецкую «пятидесятку» разломил точно. И расчет почти весь накрылся.

Надо было ответить: «Служу трудовому народу!» Командир объявил мне благодарность за умелые действия в бою. Но я, растерявшись, ответил:

– Спасибо, Роман Васильевич! Наводчик у меня хороший, – похвалился я. – Костя Осокин. И вообще... учимся воевать. Мы и вторую пушку разделили. Гусеницами ее смяли.

Князьков засмеялся и пошел к своему танку. Потом мы догоняли отставшую немецкую колонну. Сопровождавший их Т-4 успел подбить «тридцатьчетверку», но его засыпали снарядами, и он загорелся. Я обогнал Князькова. Четыре разнокалиберных грузовика уходили на скорости, но по забитой обломками дороге, где было трудно разогнаться. Я приказал Грошеву остановиться. Стрелял осколочным, целясь в мотор головного грузовика. Попал со второго выстрела. Двигатель разлетелся на куски, поплыл дым вместе с языками огня дизельного топлива.

Из кузова выскочили не меньше двух десятков немцев. Вот куда надо было целиться! Половину бы точно уложил. Врезал снаряд в разбегающихся солдат, но выстрел пропал вхолостую. Слишком быстро убегали по истоптанному снегу те, кто гнал нас от границы.

– Бей во второй, Лешка! – кричал Костя Осокин.

В следующий грузовик я попал с первого выстрела. Прямо в кузов. Из дыры в кузове, через порванный брезент в заднем борту, вылезали раненые, оглушенные. Выпал и повис труп. Но убежало человек десять, не больше.

– Бьем сволочей! – орал я, целясь в третий грузовик, объезжающий по обочине подбитые машины.

И в третий грузовик попал удачно. Он ведь почти полз. Из него уже выскакивали фрицы, когда снаряд взорвался под кузовом, разбросав несколько человек и разметав в стороны кучу деревянных щепок и ключев брезента. Я был слишком возбужден тремя удачными попаданиями и, торопясь, выпустил пулеметный диск по ползущим и разбегающимся серым фигурам. Кого-то зацепил, но лучше бы ударил еще одним снарядом. Для пулемета расстояние было далековато.

Остальные танки, обгоняя нас, разбивали один за другим грузовики. Снаряды «тридцатьчетверок» разламывали машины на куски. Мы промчались вдоль дороги, кружа и подминая под гусеницами все подряд. Многие немцы убегали по снегу к лесу. Некоторые танки останавливались и вели огонь по темным фигуркам на снегу.

– Вперед! – высунувшись из люка, показывал направление комбат. – Не задерживаться!

Я тоже, развернув башню, стрелял из пулемета. Но танк сильно трясло, и я, сменив очередную диск, прекратил стрельбу. С азартом победителей мы мчались догонять еще какую-то колонну. Многие из нас шли в свою последнюю атаку.

Немецкая пушка, калибра 88 миллиметров в некоторых странах имела в войну простое название: «восемь-восемь». Орудие обладало большой мощностью. В декабре сорок первого это были в основном зенитки, которые пробивали за полтора километра броню толщиной 80 и больше миллиметров. В октябрьских боях нам посчастливилось избежать столкновения с ее десятикилограммовыми снарядами. Делая все усилия остановить наступление Красной Армии под Москвой, немцы бросили довольно большое количество хорошо приспособленных для борьбы с танками КВ и «тридцатьчетверками» этих зениток. Я видел их до 27 декабря только на плакатах. Возможно, раньше и попадались среди разбитой техники смятые длинноствольные зенитки, но под снегом угадать их было трудно.

Когда взорвалась первая «тридцатьчетверка», мы не поняли, в чем причина. Выстрела никто не слышал. Танк просто дернулся, и через секунду-другую грохнул боезапас, отбросив башню шагов на пять. Наша гордость Т-34 горел, как облитая соляжкой поленица сухих дров. Спустя минуту два снаряда, выпущенные издалека из двух орудий, подбили КВ. Танки, ведя беспорядочный огонь, усилили ход и шли зигзагами. Но батальон стискивала дорога и глубокий снег по обочинам. Наши быстроходные танки не могли дать полной скорости. За несколько минут вспыхнула еще одна «тридцатьчетверка», а у БТ-5 просто снесло башню. Оба танка горели, пачкая сажей сине-белый декабрьский снег. Из этих двух экипажей успели выбраться лишь три человека. Комбат дал команду рассредоточиться. Первая и вторая рота свернули налево, на боковую дорогу, а наша, третья – направо, под прикрытие сосен и бугра. Стояла тишина, потом раздался взрыв на дороге. Сдетонировали снаряды в горевшем КВ. Трое танкистов (экипаж КВ – пять человек) бежали к нам. А я считал оставшиеся танки нашей роты. Их было шесть, в том числе две легкие «бэтэшки».

Прибежали танкисты. Рассказали, что их накрыли из дальнобойной пушки. Стреляли издалека, но вторую вспышку они видели. Младший лейтенант, командир танка, показал направление. Князьков связался по радиации с комбатом, сквозь треск помех, доложил, что услышал от младшего лейтенанта.

– Беги к комбату, – снимая наушники, сказал Князьков младшему лейтенанту. – Он тебя вызывает.

– Через дорогу? – уныло спросил тот, продолжая топтаться на месте. Он опасался пулеметов.

– Дырка от снаряда большая была? – уточнил Князьков.

Младший лейтенант показал на пальцах калибр.

– Ясно. Немцы зенитки в ход пустили. Беги смело. Они не ближе чем в километре от нас.

Младший лейтенант, в валенках и засаленной телогрейке, сдвинул шлем на затылок и побежал через дорогу. Он сильно пригибался, даже один раз упал, но немецких пулеметов поблизости не оказалось. Мы с облегчением проводили глазами нырнувшего в кусты младшего лейтенанта. Сегодня он чудом избежал смерти от снаряда, а если бы немцы пулеметчиков в засаде оставили? Но, видимо, все они поторопились убраться подальше, под защиту своих дальнобойных зениток.

Четыре сгоревших танка за считанные минуты. Мы курили, вполголоса переговариваясь. Грошев, подавленный, измерял уровень масла.

– Гонит сильно, – пробормотал он.

– Долей, – огрызнулся я. – Проверь соединения в маслопроводе и не вздумай в поломки играть. Сам видишь, что творится.

– Вижу, не слепой. Если у них такие пушки сильные, чего на рожон переть? Артподготовка нужна.

– Еропланы, бомбы, – скривил ему рожу Войтик. – Ты же все равно за нашими спинами прячешься.

– У вас броня толще.

– Говорливый у тебя подчиненный, – сказал Князь ков. – Пусть машиной занимается, а не языком треплет.

Грошев, недовольно бурча, полез в люк, а мы все глядели на горевшие танки. Они стояли почти правильной цепочкой, метрах в семидесяти друг от друга. На дороге показались две отставшие немецкие упряжки с гаубицами. Видимо, они пытались догнать своих. По ним открыли огонь. Размолотили обе. Несколько крупных лошадей-першеронов неслись по снегу, волоча обрывки упряжи. Но зенитки молчали. Ждали, пока мы вылезем на дорогу. Снова заработала рация. Князьков отвечал: «Есть!» – и что-то уточнял. Потом выбрался из танка, рассеянно глянул на меня и стал объяснять командирам взводов, где находятся немецкие орудия.

– БТ пойдут впереди, – неожиданно закончил он разъяснение предстоящего боя. – От вас шума меньше, двигайтесь на малом газу. Понял, Голик?

Наш взводный кивнул.

– А мы – следом. Идите под прикрытием деревьев. Как увидишь пушки, посылай связного. Сам в драку не лезь.

В эти минуты я понял, что это мой последний бой. Есть у человека предчувствие. Потом я вспомнил, что такое предчувствие испытывал и раньше. Оно не сбылось. Но когда это было? Я подошел к Войтику, который курил, сидя за рычагами.

– Ваня, если что, фамилию, имя знаешь. Красноармейский район Сталинграда. Напишешь в райвоенкомат, а там мой адрес найдут. Я ведь медальон выбросил.

– Брось, Леха, – начал было Иван, но я, отмахнувшись, пошел к своему танку.

Предчувствие сбылось лишь частично. Спустя четверть часа, погиб со всем экипажем мой командир взвода, розовощекий младший лейтенант Голик. Снаряд врезался наискось, куда-то в переднюю часть, вырвал ведущее колесо вместе с гусеницей и подкрылком. Я шел в полусотне метров и хорошо все видел. Обломки железяк еще крутились в воздухе, когда второй снаряд ударил в основание башни, отбросив ее на трансмиссию. Взрыв превратил БТ-7 младшего лейтенанта Голика в месиво горящих обломков. Костя Осокин охнул, а Грошев круто свернул под прикрытие толстой сосны.

Зато я разглядел вспышку выстрела. Метрах в шестистах. Наш танк Князьков оставил за бугром и приказал стрелять в сторону вспышки навесным огнем. Эту науку я в училище не освоил, а в бою мы стреляли прямой наводкой.

– Корректируй огонь. Старайся отвлечь их внимание, – толковывал Князьков. – А мы ударим с фланга.

«Тридцатьчетверки» ушли. Мы остались втроем. Я навел «сорокапятку» примерно на то место, где видел вспышку, приказал Косте быть наготове и стрелять по моей команде. Сам добежал до вершины бугорка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.